КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

МАЙ

ТОМЪ XLI.

1893 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 2-го мая 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

I. КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТРУТОВСКІЙ (Некрологъ). **Н Шугурова**. . . . . 1—VI

II. РОДІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДМИТРАШКО, ПОЛКОВНИКЪ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ. **А. Стороженка**. . . . . 1—28

III. ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МАЛОРОССІЮ АКАДЕМИКА ГИЛЬДЕНШТЕДТА И КН. ДОЛГОРУКАГО. *(Окончаніе)*. **Л. Синицкаго**. 29—49

IV. ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АФАНАСІѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ МАРКОВИЧѢ. **Дмитрія Марковича**. . . . . 50—77

V. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ БЫЛОЙ ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. *(Окончаніе)*. **В. Храневича** . 78—97

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. (1750—1784 г.). *(Продолженіе)*. 98—119, ... 209—227, 491—506

VII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. . . . . 120—133, 292—307, 474—490

VIII. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1892 г. **Ник. Бѣляшевскаго**. . . . . 134—142

стр.

IX. САНИ ВЪ ПОХОРОННОМЪ ОБРЯДѢ. (Къ рисунку). **Ник. Бѣляшевскаго.** . . . . . 143—148

X. ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ. **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . 195—208

XI. ГАЙДАМАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ XVIII СТ. И МОНАХИ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ. (Изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ). **Гр. Моз** . . . . . 228—242

XII. БЫЛА-ЛИ НА ОСТРОВѢ ТОМАКОВКѢ ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ. **Л. Падалки** *(Съ картой)* . . . . . 243—262

XIII. КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ АФ. ВАС. МАРКОВИЧѢ. **Н. Ш — ва.** . . . . . 263—271

XIV. МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА. Нѣжинскій уѣздъ. **Н. Степового.** *(Съ рисункомъ)* . . . . . 272—284

XV. ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА. **И. А. Полетики.** . . . 285—291

XVI. АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Окончаніе слѣдуетъ)* . . . 357—383

XVII. «ЗАМЧИСЬКО». (Разсказъ). **Ѳ. Кудринскаго** . . . . . 384—397

XVIII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОЛТАВСКАГО ПОМѢЩИКА. (1834 — 35 гг.). . . . . 398—427

XIX. БЕРДИЧЕВСКАЯ ЯРМАРКА. (Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году). **О. Л.** . . . . . 428—458

XX. ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ. **Р. Л. Н.** 459—473

XXI. В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ. (Некрологъ). . . . . 507—508

XXII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка. **А. Л.** б) Изъ уголовной хроники XVIII в. в) Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.). **А.** г) Жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство (1774,

стр.

дек. 13). **В. Щербины.** д) Θеофилъ Ленартовичъ. (Некрологъ). **А. Стороженка.** е) 25-лѣтіе московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. ж) Новые историко-статистическіе матеріалы по Полтавщинѣ. **В. Василенка.** з) Письмо Алексѣя Петровича Стороженка къ Андрею Александровичу Краевскому. и) Библіографическая справка. і) Особый способъ напоминать о себѣ начальству. Сообщ. **Н. В. Стороженко.** к) Письмо Θ. Булгарина о Гоголѣ. л) Жалованная грамота кн. Станиславу Понятовскому на староство богуславское (1777 г. августа 18). м) Страничка изъ моихъ воспоминаній. **Степана Носа.** н) Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Сообщилъ **В. Щербина.** о) Имя автора «Героичныхъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ». **Ю. Тиховскаго.** п) Преданіе о борцахъ. **Ив. М—ра.** р) Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. **А. А.** с) Замѣтка о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. **Гулака Артемовскаго.** т) Народное преданіе о болотѣ «Замглай». **Іосифа Ж—аго.** у) Вирша объ освобожденіи крестьянъ. **В. Я.** ф) Отчетъ о пожертвованіи на премію имени А. А. Потебни . . 149—168, 308—325, 509—530

XXIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова. **Н. В.** б) Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ IV. **И. Каманина.** в) Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. **А. Л.** г) Списокъ книгъ, касающихся юга Россіи и вышедшихъ въ концѣ 1892 г. д) И. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго города Кіева, произведенныя въ 1892 году. **Е.** е) Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ). **К. Михальчука.** ж) Памятная книжка воронежской губ. на 1893 г. **А. Степовича.** з) 1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ I 2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. Н. Горленка. («Трудъ» — приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи 1893 г. № 4. **И. Ш—ва.** и) Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая

стр.

эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г. **И. В.** . . . . 169—196, 326—356, 530—638

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 49—96).

2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе. 17—64

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—4

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Легенда о грѣшной матери въ малорусскихъ варіантахъ. Ихъ обиліе и разнообразіе.—Варіанты великорусскіе, сербскіе, болгарскіе, польскій, моравскій, литовскій, черемисскій, италіанскіе и корсиканскій.—Старинные варіанты въ нѣмецкой рукописи XV в. и въ Великомъ Зерцалѣ.—Нѣкоторыя сходныя черты въ Huon de Bordeaux и въ путешествіи Брандана.—Мнѣнія о происхожденіи этой легенды.—Обзоръ мотивовъ.—Значеніе легенды въ малорусской народной словесности.

Легенда о грѣшной матери принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ въ Россіи и въ Западной Европѣ. Но есть страны, гдѣ она особенно излюблена, усвоена основательно и пользуется громадной популярностью, гдѣ она глубоко внѣдрилась въ народную словесность и въ обиходный кодексъ нравственныхъ понятій. Въ Западной Европѣ такой страной является Италія, въ Южной Европѣ—Болгарія, въ Восточной Европѣ—Малороссія. Возможно, что здѣсь дѣло не обошлось безъ литературнаго общенія. Относительно Италіи я высказываю лишь предположеніе, не настаивая на немъ, по недостатку прямыхъ доказательствъ. Относительно же Болгаріи и Малороссіи или точнѣе Галицкой Руси мы имѣемъ прямое доказательство такой литературной связи въ видѣ одной галицкорусской колядки—близкаго варіанта болгарской пѣсни о грѣшной матери.

Говоря о болгарскомъ вліяніи, мы не исключаемъ возможности и другихъ литературныхъ вліяній. Легенда о грѣшной матери живетъ въ Европѣ уже много столѣтій, и неудивительно, что ея отдѣльныя теченія переплетаются, сливаются, одно дру-

гое усиливаетъ, что на ряду съ литературнымъ воздѣйствіемъ идетъ и устная передача. Можно подчеркивать то или другое проявленіе этой легенды; но ни одинъ изъ ея варіантовъ нельзя ставить въ исключительное и доминирующее положеніе относительно другихъ варіантовъ. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такой легендой, относительно которой нельзя сказать, когда она возникла вообще, когда она появилась въ той или другой странѣ въ частности, гдѣ первоначально она была создана, какой она имѣла видъ въ древнѣйшее время своего существованія, съ какимъ лицомъ священныхъ преданій она была первоначально связана, какими путями она проникала въ тѣ или другія страны. Множество интересныхъ культурно-бытовыхъ и литературныхъ вопросовъ остается безъ отвѣта. Трудность изученія легенды о грѣшной матери обусловливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эта легенда часто входитъ въ составъ другихъ легендъ и, слѣдовательно, варіанты ея легко могутъ ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя, а еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ легенды о грѣшной матери (особенно въ болгарскіе ея варіанты) вплетены мотивы изъ стиховъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, изрѣдка эпизоды изъ Павлова Видѣнія и, слѣдовательно, приходится, какъ ни мала эта легенда по содержанію, принимать во вниманіе ея литературный составъ и выдѣлять изъ нея посторонніе элементы. На предстоящихъ страницахъ мы ограничимся подборомъ извѣстныхъ намъ варіантовъ легенды, начиная съ наиболѣе многочисленныхъ малорусскихъ, отмѣтимъ мнѣнія ученыхъ о ея происхожденіи и опредѣлимъ въ общихъ чертахъ ея значеніе въ украинской народной словесности.

Въ Малороссіи легенда о грѣшной матери извѣстна издавна. Въ „*Памятникахъ* старин. рус. литературы“ т. I стр. 99—102 изданъ старинный малорусскій варіантъ (приблизительно XVII в.). Это варіантъ краткій и безсодержательный. Въ немъ говорится только о грѣшной матери, о ея мученіяхъ, въ обрисовкѣ которыхъ обнаруживается вліяніе сказаній о загробныхъ мученіяхъ грѣшниковъ и въ частности наиболѣе популярнаго изъ нихъ Видѣнія ап. Павла. Въ этомъ варіантѣ

нѣтъ главной черты—попытки сына вытащить изъ ада грѣшную мать.

Въ Малороссіи легенда о грѣшной матери встрѣчается во многихъ мѣстахъ, быть можетъ, повсемѣстно; она записана въ Галиціи, въ Харьковщинѣ, въ Приднѣпровьѣ, встрѣчается въ видѣ пѣсенъ и въ формѣ прозаическаго повѣствованія, въ чисто-народной украинской обработкѣ, съ своеобразными моральными сентенціями. Наиболѣе подробный прозаическій варіантъ легенды о грѣшной матери напечатанъ въ I т. „Записокъ о Южной Руси"—*Кулиша*: „У пекли кыпыть у смоли жинка, а передъ нею цыбулька лежыть. Дидъ и каже. Се мучытця такъ маты вашого старого титаря Онысыма, що було (т. е. Онисимъ) все старцивъ годуе та биднымъ помогае, а николы жаднои души не обидывъ и ни въ одному слови не збрехавъ. Була вона (мать Онысыма) богата та скнара, що одъ неи нихто и хлиба куска не бачывъ. Ото разъ полола вона цыбулю, ажъ иде поузъ дворье дидъ старецъ". „Подари, каже, пани матко, рады Хрыста". Вона вырвала стрилку: „Пріймы, каже, старче Божій!" Тилько жъ одъ неи и бачылы. Отъ, якъ умерла, то вже звисно—тутъ своя дорога, а тамъ тебе поведуть. Взялы іи небогу та и потяглы въ пекло. А Онысымъ и побачывъ зъ неба, що вона велыку муку пріймае, та и каже: „Боже мій мылый, Спасе мій Хрысте, за всю мою щырость, за всю мою правду, зробы мени таку ласку, нехай и моя маты буде въ раю зо мною. А Хрыстосъ и рече ему". „Ни, каже, Онысыме, вельми гришна твоя маты. Визьмы хиба оту цыбульку, що лежыть передъ нею, та колы вытягнешь іи зъ тіи бездны, то нехай и вона буде въ раю зъ тобою". Узявъ винъ тую стрилочку та и подавъ матери. Схопылась вона за неи.... отъ-отъ вытягне, отъ-отъ вытягне зъ пекла! бо що то Божому святому? Ажъ ни: якъ поначиплювалысь іи и въ плахту, и въ намитку гришныи души, щобъ и соби зъ того пекла выбраться, то и не сдержала тая цыбулька: перервалась; а вона такъ и бовтнула въ горячу смолу".

Въ малорусскихъ легендахъ о загробной жизни часто говорится, что души на томъ свѣтѣ сидятъ за столами, причемъ „хто старцямъ подававъ мылостыню, то все попередъ имъ и

лежыть, чи кильце ковбаски, чи шматокъ хлиба" (*Филол. Записки*), 1878 IV 101, *Манжура*, Сказки и пр. 155, 163). Весьма близкій варіантъ недавно записанъ въ купянскомъ у. харьковской губ.: „Видъ грихивъ вызволяеця той, хто на цимъ свити дае мылостыну. Жила соби одна скупа жинка. Отъ прыйшовъ до неи прохатырь и попросывъ у неи цыбулынку. Вона цёго не пожалила—дала, а якъ вмерла и мучилась въ смоли, то той самый прохатырь прыйшовъ, пустывъ ій цыбулынку, а вона за ню ухватылась та й вылизла изъ смолы" (*Ивановъ*, въ Этногр. Обозр. 1892 II 80).

Въ галицко-русской колядкѣ:

Ой въ раю, въ раю Ангели граютъ,
Лемъ святый Петро тако й не грае,
Бо его маты ажъ на днѣ въ пеклѣ.
„Позвѣдуй же ся та й святый Петре,
Та й святый Петре своей маточки!
Ци сила дала во имья Боже"?
„Эй я не дала, лемъ пивъ-повисма,
Лемъ пивъ-повисма, пивъ-плосконного".
Складуй же ты ихъ до волокенця,
Подай же ты ихъ на дно до пекла,
Ой стане она ся того хапати".
Подавъ же Петро на дно до пекла.
Стала она ся того хапати,
Стали ся на ню душки вѣшати,
Стала ся она отриповати:
„Эй гетьте, гетьте: бо вы не дали,
Бо вы не дали во имья Боже"!
Святый Петро ставъ, тяжко заплакавъ:
Эй, мати жъ моя та й проклятая!
Не творила-сь добре, то ожь и не будешь;
Не вышла-сь съ пекла та ожъ не выйдешь". *Голов.*, т. II, стр. 45).

Отъ малорусскихъ пѣсенъ и сказаній о грѣшной матери прямой переходъ къ болгарскимъ пѣснямъ. Пѣсни этого рода вошли въ сборники *Чолакова* и бр. *Миладиновыхъ*. Въ сборникѣ Миладиновыхъ четыре пѣсни на эту тему, причемъ три пѣсни отличаются выдержанностью и полнотой содержанія. Во всѣхъ пѣсняхъ выступаетъ ап. Петръ, какъ сынъ грѣшной матери. Затѣмъ слѣдуетъ подробное перечисленіе грѣховъ матери, и эта часть пѣсенъ не осталась безъ вліянія на сербскія пѣсни, въ которыхъ тема о грѣхахъ матери развита въ ущербъ мотива о ея спасеніи, о чемъ здѣсь обыкновенно совсѣмъ умалчивается. Въ болгарской пѣснѣ, представляющей наибольшее сходство съ галицко-русской колядкой, грѣшная мать даетъ нищему „половину конопно поясмо", въ варіантѣ „корка лѣбецъ що стоила три недели и ленъ поясмо". Апостолъ Петръ три дня молитъ Бога и получаетъ разрѣшеніе вытащить мать веревкой изъ того льна, который былъ подаренъ ею нищему. Ап. Петръ опустилъ

веревку въ адъ. Мать схватила веревку, а за мать уцѣпились другія грѣшныя души (въ одномъ варіантѣ 70). Мать стала отталкивать ихъ, и упала „на дно пеколъ“ (Милад. 47—51, 56).

Сербскія пѣсни (у *Караджича*, *Милоевича*, *Ястребова*) сравнительно съ болгарскими блѣдны. Въ однихъ варіантахъ сыномъ грѣшной матери оказывается ап. Петръ, въ другихъ—ап. Іоаннъ, причемъ сынъ упрекаетъ мать за содѣянные ею на землѣ грѣхи, что она не кормила голодныхъ, не давала пить жаждущимъ, не одѣла нищаго, похищала пряжу, хлѣбъ (Ястреб. 123, 86). Эти сербскія пѣсни представляютъ большой интересъ при сравненіи ихъ съ болгарскими, великорусскими и малорусскими на мотивъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, что не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія.

Въ старинной великорусской легендѣ, изданной по рукописи XVII в. въ I т. „Памятниковъ стар. рус. литерат.“, довольно обширной, но въ то же время и нѣсколько безцвѣтной, говорится о томъ, что молодая вдова вела разгульную жизнь и по смерти оставила своему сыну состояніе. Сынъ роздалъ его нищимъ и, по совѣту одного монаха, 7 дней (въ болгарской пѣснѣ 3 дня) молился объ избавленіи матери изъ ада. Во время молитвы онъ увидѣлъ на лѣвой сторонѣ въ зловонномъ болотѣ мать, а на правой чистую воду. Схвативъ мать за волосы, онъ перебросилъ ее на правую сторону. Долгое время отъ кисти его руки шло большое зловоніе.

На великорусскомъ духовномъ стихѣ о грѣшной матери, изданномъ Кирѣевскимъ, сильно отразилось вліяніе повѣсти „о нѣкоемъ священноинокѣ, иже о матери моляся и какова ему показася за преизлишнее тѣлесное украшеніе“, о чемъ см. изслѣдованіе проф. *Владимірова* о Великомъ Зерцалѣ стр. 98—99. Стихъ этотъ—замѣчательный образчикъ близкаго словеснаго воспроизведенія литературнаго образца.

Въ Бѣлоруссіи легенда о грѣшной матери весьма популярна; но, сколько можно судить по „Бѣлорусскому Сборнику“ *Романова*, въ Бѣлоруссіи легенда о грѣшной матери большею частью входитъ въ составъ другихъ легендъ (о Христовомъ братѣ,

Петръ и малецъ и др. IV 32, 40, 188) въ видѣ частнаго мотива. Въ одной сказкѣ этого рода сынъ скупой матери попадаетъ за милостыню въ рай; онъ увидѣлъ, что въ аду въ смолѣ находится его мать. Онъ хотѣлъ вытащить ее за волоса, вырвалъ клокъ волосъ и спряталъ его въ карманъ. Когда онъ вернулся на землю, то разсказалъ матери, какая печальная участь ждетъ ее на томъ свѣтѣ, и показалъ ей клокъ ея волосъ. Этотъ бѣлорусскій варіантъ представляетъ ту особенность, что видѣніе мукъ матери предшествуетъ ея смерти и служитъ для нея благимъ предостереженіемъ. Въ другихъ варіантахъ все дѣйствіе совершается послѣ смерти матери и сына въ загробномъ мірѣ. Въ бѣлорусскихъ легендахъ о грѣшной матери обнаруживаются, съ одной стороны, сходство съ великорусской старинной легендой (сынъ тащитъ мать изъ смолы за волоса), съ другой—съ малорусскими легендами (упоминается цыбуля, данная матерью нищему, въ одномъ варіантѣ сынъ грѣшной матери называется Петромъ хлѣбопекомъ— слабое отраженіе малорусскихъ и южнославянскихъ варіантовъ объ ап. Петрѣ и его грѣшной матери). Вообще, бѣлорусскіе варіанты занимаютъ среднее мѣсто между великорусскими и малорусскими.

Въ Литвѣ широко распространена легенда о скупой женщинѣ и ап. Петрѣ. Такъ, въ 1871 г. подъ г. Вильно записаны слѣдующіе ея варіаны: Была очень скупая баба; нищимъ она ничего не давала; но однажды, когда она полола въ огородѣ, нищій такъ надоѣлъ ей просьбами, что она вырвала луковицу и дала ее нищему. Нищій этотъ былъ апостолъ Петръ, ходившій въ то время по землѣ. Баба вскорѣ умерла. Когда Іисусъ съ апостоломъ Петромъ спустились въ адъ, то они нашли тамъ скупую бабу. Іисусъ сжалился надъ ней и поручилъ ап. Петру вынуть ее изъ ада. Ап. Петръ сорвалъ росшій вблизи мелкій лукъ (szczyplor) и, нагнувшись къ пропасти, опустилъ стебликъ лука, чтобы баба схватилась за него; но стебликъ оборвался, и баба полетѣла въ еще болѣе глубокое мѣсто ада. Въ варіантахъ легенды сынъ бабы съ разрѣшенія Іисуса хочетъ вытащить изъ ада свою мать и протяги-

ваетъ ей стебликъ лука; баба схватила стебликъ, а грѣшныя души схватились за бабу, чтобы вмѣстѣ съ ней выбраться изъ ада. Злая баба стала отталкивать ихъ ногами, сорвалась и полетѣла въ глубь ада, а нѣкоторымъ душамъ удалось по стебельку выбраться изъ ада (*Karłowicz*, въ Zbiór wiadomości XI 274).

Легенда о грѣшной душѣ записана у горныхъ черемисовъ казанскаго края, къ которымъ, вѣроятно, проникла отъ русскихъ. У черемисовъ на праздникъ тарокъ-іолъ дарятъ хозяину возжи или кушакъ. По повѣрью черемисовъ, послѣ смерти этими возжами и кушакомъ можно вытащить человѣка изъ ада. Съ этимъ повѣрьемъ связана легенда на тему „Христосъ въ гостяхъ у мужика“, извѣстную въ Россіи. Въ черемисской легендѣ Богъ, уходя отъ мужика, запретилъ ему смотрѣть въ окна избы; но мужикъ посмотрѣлъ и увидѣлъ адъ: покойники мучатся, и стоитъ тутъ одинъ человѣкъ, хочетъ вытащить лукомъ друга изъ ада, но не можетъ—подастъ лукъ, а другъ его и сорвется; въ двухъ другихъ окнахъ черемисъ видитъ рай, въ четвертомъ окнѣ землю. Богъ возвращается и объясняетъ все видѣнное черемисомъ, между прочимъ то, что человѣкъ, который не можетъ вытащить друга изъ ада, подарилъ ему только лукъ, а надобно дарить возжи или кушакъ (*Знаменскій*, въ Вѣстн. Евр. 1867 XII 62—63).

Изъ западнославянскихъ варіантовъ легенды мнѣ извѣстна только одна польская сказка и моравская пѣсня.

Въ польской сказкѣ „о матери св. Петра“ говорится, что мать ап. Петра послѣ смерти попала въ адъ (грѣхи не указаны). Ап. Петръ три раза опускаетъ въ глубь стрѣлку лука и каждый разъ мать, отбиваясь отъ уцѣпившихся за нее душъ, обрывается и падаетъ все глубже и глубже въ адъ (*Chełchowski*, Powieści ludowe II № 75).

Въ моравской пѣснѣ царь Давидъ на лугу подъ липой играетъ на гусляхъ. Къ нему подходитъ пресвятая Дѣва Марія и сообщаетъ, что его мать въ аду. Царь Давидъ идетъ въ адъ и вызываетъ мать игрой на гусляхъ. Грѣшныя души уцѣпились за нее и не дали ей ходу. Дьяволъ вступаетъ съ Давидомъ въ состязаніе относительно игры на гусляхъ, проигрыва-

етъ и отпускаетъ его мать изъ ада. (*F. Sušil*), Moravske narodni pisně № 2). Очевидно, что здѣсь царь Давидъ поставленъ вмѣсто ап. Петра, и результатомъ такой подстановки явились игры на гусляхъ и освобожденіе матери изъ ада.

Въ Италіи весьма популярна сказка о грѣшной матери ап. Петра. Питре указываетъ на многіе напечатанные уже варіанты, записанные вблизи Венеціи, Сіены, въ Калабріи, въ Умбріи, въ Сициліи. Легенда, по своей популярности, явилась источникомъ цѣлаго ряда итальянскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ Сициліи скупую женщину называютъ „Comu la Mamma di San Petru", въ Тосканѣ „la Madre di S. Pietro", въ Венеціи „la Mare de S. Pero". Насколько италіянскія легенды о грѣшной матери близко стоятъ къ малорусскимъ и южнославянскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей сицилійской легенды. Говорятъ, что мать св. Петра была очень скупая женщина и никому не давала ни зерна. Однажды она чистила груши. Нищая стала просить милостыню. Скупая женщина бросила ей кожицу (sfogghia di porru). Когда она умерла, Господь повергъ ее въ адъ. Св. Петръ былъ тогда распорядителемъ въ раю и стоялъ у его вратъ, когда услышалъ голосъ: „О Петръ, сынъ мой, посмотри, какъ меня пекутъ огнемъ; умоли Господа и избавь меня отъ этихъ мукъ. Ап. Петръ сталъ просить Господа. Господь сказалъ, что скупая мать дала при жизни бѣдной только кожицу груши и потому ее можно вытянуть изъ ада этой кожицей. Ангелъ опустилъ кожицу въ адъ, и мать ап. Петра схватилась за нее; но грѣшныя души, желая также выйти изъ ада, уцѣпились за край ея платья. Мать ап. Петра стала отталкивать ихъ ногами и встряхивала одеждой (l'abbramata e chi eracci metti a dari cauci e a scutularisi la vesta). Кожица перервалась и мать ап. Петра упала въ самую глубь ада (*Pitré*, Fiabe, nov. e racconti popolari siciliani III 65—67).

Въ корсиканской сказкѣ мать ап. Петра, очень злая и скупая, послѣ смерти попадаетъ въ адъ. Ап. Петръ огорченъ. Господь обѣщаетъ взять ее на небо, если въ „книгѣ живота" ея окажется какое-нибудь доброе дѣло. Внимательно пересматри-

вая книгу, ап. Петръ нашелъ, что мать его однажды подала нищему листокъ поррея (feuille de poireau). Онъ опустилъ листикъ въ адъ и сталъ тянуть мать. Сначала одна грѣшная душа прицѣпилась къ матери ап. Петра, къ этой душѣ другая и т. д. Злая мать ап. Петра стала отбиваться отъ нихъ ногами, говоря, что пусть ихъ сыновья выручаютъ изъ ада. Господь видѣлъ эту злость. Ап. Петръ выпустилъ изъ рукъ листъ поррея, и мать упала въ глубь ада (Ortoli, les contes popul. de l'île de Corse, 235—237).

Своеобразные варіанты легенды о грѣшной матери находятся въ старинныхъ западноевропейскихъ письменныхъ памятникахъ. Такъ въ одной нѣмецкой рукописи XV вѣка Келлеръ нашелъ слѣдующую легенду объ ап. Петрѣ и дровосѣкѣ: дровосѣкъ, человѣкъ трудолюбивый, но ничего добраго въ своей жизни не сдѣлавшій, хотѣлъ послѣ смерти войти въ рай. Ап. Петръ сначала не впускалъ его, но потомъ, тронутый его просьбами, сталъ тянуть его на небо за топоръ; когда дровосѣкъ былъ на послѣдней къ небу ступени, ручка топора выскочила (fällt der Stiel aus dem Schlägel), и дровосѣкъ упалъ въ адъ (*Pitre*, Fiabe etc. III 67, изъ Anzeiger f. Kunde. d. deutsch. Vorzeit 1836.

Приблизительно къ тому же времени относится появленіе сборника разсказовъ Великаго Зерцала, причемъ вошедшіе въ него разсказы восходятъ къ XIII в. и болѣе раннему времени. Въ Великомъ Зерцалѣ монахъ молится о прощеніи грѣховъ матери. Онъ увидѣлъ ее сидящей на змѣѣ, на ея головѣ ящерицъ и мышей. Мать говоритъ, что она проклята на вѣчныя мученія, и перечисляетъ свои грѣхи и объясняетъ причины, почему ее мучатъ змѣй, ящерицы, мыши и проч. Когда она это сказала, „смрадъ велій повѣя и подвиже змій... и отиде". Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ попытки сына вытащить свою мать изъ ада. Повѣсть длинна, риторична и бѣдна содержаніемъ. Въ описаніи мученій обнаруживается вліяніе Павлова Видѣнія. Змій и ящерицы прямо взяты изъ Павлова Видѣнія.

Происхожденіе легенды о грѣшной матери темно. Проф. *Владиміровъ* указываетъ, какъ на источникъ, на повѣсть „Ве-

ликаго Зерцала" о нѣкоемъ священноинокѣ, иже о матери своей моляся и какова ему показася за презлишнее тѣлесное украшеніе (98—99). *Г. Карпѣевъ* въ статьѣ „Стихъ о женѣ милостивой" въ VI кн. Журн. М. Н. Пр. 1892 на стр. 225, въ слѣдъ за г. Владиміровымъ, говоритъ, что стихъ о грѣшной матери возникъ непосредственно подъ вліяніемъ Зерцала Великаго. Такое мнѣніе можно принять исключительно для старинныхъ рукописныхъ легендъ, изданныхъ въ Памят. стар. рус. лит., и для возникшаго подъ вліяніемъ именно такихъ легендъ великорусскаго духовнаго стиха. Тутъ въ цѣломъ и въ частностяхъ большое сходство; нѣтъ ни ап. Петра, ни ап. Іоанна; вмѣсто нихъ выступаетъ безыменный монахъ и, главное, нѣтъ, самой характерной особенности вытягиванія изъ ада грѣшной матери лукомъ или другимъ предметомъ, даннымъ ею нищему при жизни. На мой взглядъ, варіантъ Великаго Зерцала имѣетъ свою собственную исторію. Легенда о грѣшной матери, должно быть, существовала до Великаго Зерцала въ разныхъ варіантахъ. По крайней мѣрѣ варіанты малорусскіе, бѣлорускіе, сербскіе, болгарскіе, италіанскіе, въ общемъ весьма сходные, далеко отстоятъ отъ варіанта Великаго Зерцала. Кстати здѣсь можно припомнить одно цѣнное предположеніе проф. М. С. Дринова. Обративъ вниманіе на тотъ дебрскій стихъ въ сборникѣ г. Ястребова, въ которомъ св. Іоаннъ не допускаетъ въ рай свою мать, М. С. *Дриновъ* говоритъ: „Достойно примѣчанія, что тогда какъ во всѣхъ другихъ болгарскихъ и сербскихъ варіантахъ обличителемъ и судьею матери передъ вратами рая является, какъ и слѣдовало ожидать, св. Петръ, въ дебрскихъ варіантахъ Григоровича („Коло V 56) и г. Ястребова въ такой роли встрѣчаемъ св. Іоанна. Очень можетъ быть, что замѣна Петра Іоанномъ тутъ произошла подъ вліяніемъ богомильскихъ воззрѣній. Такое предположеніе, быть можетъ, не покажется очень смѣлымъ, если припомнить, что у богомиловъ св. Іоаннъ Богословъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и если при этомъ примемъ въ соображеніе, что пресловутая въ исторіи богомильской ереси гора Бабуна находится не такъ далеко отъ Дебрскаго округа" (Нѣск. словъ о языкѣ и пѣсн. дебр. славянъ, 35).

Въ пользу значительной древности легенды о грѣшной матери, древности, восходящей далѣе Великаго Зерцала, служитъ то обстоятельство, что сходныя черты находятся во французскомъ романѣ XII в. Huon de Bordeaux и въ еще болѣе старинномъ памятникѣ—Путешествіи св. Брандана. Время возникновенія послѣдняго памятника въ точности неизвѣстно. Брандань—ирландскій святой VI в. († въ 576 или 577 г.). Путешествіе Брандана уже въ VI в. было въ числѣ популярныхъ книгъ во Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи (*Schröder*, St. Brandan, 1871, пред. III—V). Во французскомъ романѣ Huon de Bordeaux на пути въ Азію встрѣтилъ въ морѣ человѣка, носимаго волнами. Этотъ человѣкъ оказался Іудой Искаріотскимъ. Онъ осужденъ вѣчно носиться по волнамъ океана, причемъ его единственной опорой служитъ маленькій кусочекъ полотна, который былъ подаренъ имъ при жизни нищему (*Creizнach*, Iudas Iskariot in leg. u. Sage des M. Alters, Paul und Braun Beiträge, Band II Heff 2, p. 205—206, съ ссылкой на Dunlop—Lietrecht'a 128). Замѣчательно, что этотъ самый эпизодъ съ небольшимъ измѣненіемъ повторяется въ Путешествіи Брандана. Здѣсь Іуда въ аду нѣсколько предохраняетъ себя отъ огня, прикрывая свое лицо тѣмъ платкомъ (Tüchlein), который онъ при жизни похитилъ у Спасителя и, раскаявшись въ воровствѣ, подарилъ прокаженному (*Creizнach*, l. c. 205—206). Эта оригинальная черта въ сказаніяхъ объ Іудѣ Предателѣ, по всей вѣроятности, пристала къ нимъ изъ цикла сказаній о грѣшной матери, на ряду съ другими сказаніями, наслоившимися на апокрифическихъ преданіяхъ объ Іудѣ, напр., сказаніемъ о кровосмѣшеніи Іуды съ матерью и убіеніи имъ роднаго отца (изъ цикла классическихъ сказаній объ Эдипѣ и Лаѣ). Сказанія объ Іудѣ въ Huon de Bordeaux и въ Путешествіи Брандана даютъ поводъ думать, что уже въ XI в. легенда о грѣшной матери извѣстна была въ разныхъ варіантахъ, съ пріуроченіемъ къ разнымъ лицамъ Священнаго писанія.

Основными мотивами легенды о грѣшной матери можно признать слѣдующіе:

1) Дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ; дѣйствующія лица—грѣшная мать въ аду и ея добродѣтельный сынъ въ раю.

2) Сыномъ оказывается св. ап. Петръ, вѣроятно, въ силу общераспространеннаго вѣрованія объ ап. Петрѣ, какъ привратникѣ рая, вѣрованія, укрѣпленнаго живописными церковными изображеніями ап. Петра съ ключами въ рукахъ или за поясомъ. Можно считать случайными замѣны ап. Петра ц. Давидомъ, Іудой Искаріотскимъ, ап. Іоанномъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ историческихъ или литературныхъ условій. Въ народныхъ преданіяхъ подставленными лицами вмѣсто ап. Петра оказываются—въ малор. благочестивый титарь храма Онысымъ, въ бѣлор.—благочестивый Петръ хлѣбопекъ.

3) Перечисленіе грѣховъ матери не составляетъ существенной части разбираемой легенды и проникло въ нее изъ круга распространенныхъ пѣсенъ о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, пѣсенъ, не лишенныхъ мѣстной бытовой окраски. Въ легендѣ о грѣшной матери оказывается одинъ только постоянный грѣхъ ея—скупость, и на этомъ грѣхѣ построено все содержаніе легенды.

4) Попытка сына освободить мать изъ ада оканчивается неудачно, за исключеніемъ немногихъ варіантовъ, слабыхъ и испорченныхъ.

5) Средствомъ избавленія оказывается, большею частью, лукъ, головка или стрѣлка, замѣняемый кожицей груши или листикомъ порея, изрѣдка веревкой, во всѣхъ случаяхъ—предметомъ, подареннымъ матерью при жизни нищему.

Таково, мнѣ кажется, основное содержаніе легенды о грѣшной матери, и тѣ варіанты, гдѣ вмѣсто грѣшной матери является другое лицо (дровосѣкъ, пріятель сосѣдъ, Іуда), я считаю искаженіями основнаго содержанія, и еще большими искаженіями я считаю монастырскія передѣлки легенды безъ имени ап. Петра, съ расписываніемъ грѣховъ и мученій. Такой передѣлкой, сильно уклонившейся отъ оригинальныхъ народныхъ варіантовъ, мнѣ представляется легенда о нѣкоемъ священноинокѣ въ Великомъ Зерцалѣ.

Широкое распространеніе легенды о грѣшной матери объясняется тѣмъ, что она удовлетворяетъ народнымъ понятіямъ о необходимости въ жизни добра и милосердія.

Для Малороссіи такія легенды, какъ легенда о грѣшной матери, имѣли то важное значеніе, что восполняли скудный домашній запасъ легендарной литературы. Такъ какъ свѣтскій и духовный эпосъ растутъ на одной почвѣ и существованіе одного предполагаетъ существованіе другаго, то изъ обилія, напримѣръ, былинъ или думъ можно a priori заключить о соотвѣтствующемъ богатствѣ легендарной словесности. Такое заключеніе, вполнѣ вѣрное въ приложеніи къ Великороссіи, гдѣ наряду съ былинами о кн. Владимірѣ и богатыряхъ стали духовные стихи о сорока каликахъ, про книгу Голубиную и про Егорія Храбраго, не приложимо къ Малороссіи. При блестящемъ развитіи гражданскаго и военнаго эпоса въ Малороссіи религіозный эпосъ оказывается весьма слабымъ. Спокойныхъ духовныхъ стиховъ и эпическихъ повѣствованій о святыхъ, инокахъ, монастыряхъ въ Малороссіи записано очень мало, и старинные памятники даютъ въ этомъ отношеніи весьма немного (кое-что есть и у Петра Могилы и у Галятовскаго). Для развитія религіознаго эпоса малороссамъ недоставало мирной жизни и душевнаго спокойствія. Борьба съ татарами, турками и поляками, борьба военная и полемико-литературная, не давала малоросамъ возможности сосредоточиться, на явленіяхъ религіозно-нравственной и мѣстной церковной жизни и отвлекала ихъ вниманіе на сторону свѣтскихъ дѣлъ и свѣтскаго эпоса. Церкви, иконы, книги въ старинной Малороссіи часто подвергались разоренію и истребленію или со стороны степныхъ хищниковъ татаръ или со стороны фанатиковъ католиковъ и уніатовъ. При этомъ въ пламени пожаровъ погибали всякаго рода рукописи, житія святыхъ, апокрифическія сказанія, живописныя изображенія легендарныхъ и апокрифическихъ сюжетовъ. Къ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось еще тяготѣніе высшаго православнаго духовенства въ польской аристократіи и его подчиненіе латинской схоластикѣ. При малочисленности оригинальныхъ легендъ значительную популярность по-

лучили легенды захожія, заимствованныя отъ южныхъ православныхъ славянъ, большею частью путемъ устнаго усвоенія, и отъ славянъ западныхъ, преимущественно поляковъ, при посредствѣ кіевскихъ ученыхъ, хорошо ознакомившихся не только съ пріемами польскихъ ученыхъ и проповѣдниковъ, но и съ содержаніемъ ихъ трудовъ, преимущественно съ переводными промптуаріями, зерцалами, фацеціями и жартами.

На предыдущихъ страницахъ я неоднократно оговаривалъ, что перечисленіе грѣховъ матери и мученій ея имѣетъ второстепенное, служебное значеніе и взято большею частью изъ стиховъ о грѣшной душѣ. Эти стихи существуютъ отдѣльно, встрѣчаются у всѣхъ славянскихъ и многихъ западноевропейскихъ народовъ и представляютъ большой интересъ для историка культуры, литературы и быта. Этимъ стихамъ мы посвящаемъ небольшую отдѣльную монографію въ pendant къ настоящей статьѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

25) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 13 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Третьяго дни писалъ я къ вамъ, отвѣтствуя на писмо ваше и управительское, писанныя чрезъ людей Лобысевичевыхъ, и при писмѣ вашемъ приложилъ писмо къ братьямъ холопецкимъ Гамалѣямъ, и писма мои, для скорѣйшаго къ вамъ доставленія, послалъ чрезъ почту. Однако не пропуская и нынѣшняго случая, пишу къ вамъ и прошу васъ, чтобы вы сверхъ того, что въ писмахъ моихъ къ вамъ и къ братьямъ написано, поговорили такъ, какъ будто отъ себя, братьямъ: естли бъ, скажите, прямо хотѣли они[2] съ вами мириться, когда мужъ мой самъ приглашалъ ихъ на миръ четыре раза, а теперь вы сами можете догадаться, для чего они васъ безъ моего мужа приглашаютъ на миръ, тоесть, чтобъ васъ обмануть и толь знатное имѣніе за ничто получить, и мужу де моему давно извѣстно, что Завадовскіе хотятъ получить тѣ имѣнія, заплатя долгу за Корсака двадцать тысячъ и умогоричивши васъ на чемъ нибудь; однако мужъ мой, какъ никогда ихъ не боялъся и презиралъ ихъ ухищренія, такъ теперь и колмы паче. Для ихъ, скажите, ни сенатъ, ни государыня правосудія сламать не захочетъ; знаютъ, молъ, въ Петербургѣ всѣ, что они съ другими подѣлали и дѣлаютъ. Пускай молъ прежде съ тѣми раздѣлаются, а мужа моего и васъ оста-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г. № 4.

[2]) Корсаки.

вятъ въ покоѣ. При семъ же случаѣ посылаю вамъ, матушка: 1) пятьдесятъ лимоновъ, когда то они въ дорогѣ не позябнутъ, а померанцовъ хотя вы и писали ко мнѣ, чтобъ прислалъ, но за великою дороговизною не могълъ я и не разсудилъ за благо покупать ихъ. Они уже тогда, какъ я отъ васъ получилъ писмо, были въ три рубли десятокъ, а теперь послѣ потопу, думаю и за четыре ихъ не взять. Лучше я, когда будутъ ставать денги, куплю варенихъ. 2) Бочонокъ маленкій голандскихъ селдей, съ подписомъ на днѣ онаго бочонка вырѣзанныхъ литеръ Г. П., и сей бочонокъ посылаю къ вамъ впередъ для употребленія, а когда самъ буду ѣхать, то болше куплю. Я бы очень радъ былъ, естьли бы получилъ отъ васъ писмо или записку о всѣхъ припасахъ и вещахъ, нужныхъ въ домѣ нашемъ, по которой бы я что могъ, старалъся исправить. 3) Пару замковъ съ ключами и со всѣмъ приборомъ, которые бралъ я сюда для починки. Впрочемъ желая васъ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, въ добромъ здоровьѣ видѣть въ скорости, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Лимоны наши посланы въ особливомъ ящикѣ, на которомъ вырѣзаны также литеры Г. П.

P. S. Пожалуйте, матушка, увѣдомьте меня, что слышно о Корсакахъ, не собираютъся ли они сюда ѣхать и что говорятъ о своемъ дѣлѣ они или ихъ пріятели? Управителю прикажите, сверхъ того затора, о которомъ я въ писмѣ моемъ писалъ къ нему, попробовать еще кадки двѣ или три выкурить слѣдующимъ заторомъ: тоесть положить въ заторъ 16 пудъ ржаной муки, 2 пуда ржаного солоду, 2 пуда ячнаго солоду 1 пудъ овсяной муки, и потомъ осмотрѣть, сколько вѣдръ можно взять изъ сего затору добраго полугарнаго вина. Напишите ко мнѣ, матушка, много ли у насъ въ домѣ сахару.

26) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 25 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 30 августа по вчерашней почтѣ получилъ я, а по отходящей сего дня отвѣтствую. Весма сожалѣю о худомъ здоровьѣ дѣтей нашихъ, а еще болше о приключающихся вамъ оттого печа-

ляхъ, и прошу васъ какъ можно себя отъ оныхъ поберечь, полагаясь болѣе во всемъ на волю Господню, ибо все отъ его воли зависитъ. За хозяйскія увѣдомленія благодарю васъ, золотыя колца, требуемыя вами, закажу сдѣлать. Продажу крѣпостнаго Пантелѣя отдаю вамъ на волю. Онъ вашъ и съ нимъ что хотите дѣлать можете. Вы знаете, что я не очень гоняюсь за крѣпостными[1]). Чемъ оплачивать его плутни, то лучше продать. Только я бы не совѣтовалъ вамъ продавать въ тотъ домъ, въ который вы пишете, какъ для другихъ мнѣ извѣстныхъ причинъ, такъ особливо и для того, что они хорошо заплатить не похотятъ, и того не дадутъ, что могутъ дать посторонніе. Велите только Ѳедору поискать другихъ купцовъ и прицѣниться, что будутъ давать, а впрочемъ остается въ вашей воли, имъ ли продать или постороннимъ. Здѣсь за людей очень хорошо платятъ, за одного человѣка, годнаго въ солдаты, даютъ по 300 и по 400 рублей, а я знаю, что тамъ и за всю семью того не дадутъ. Дѣла мои опять, слава Богу, на ладъ пошли. Новый секретарь высмотрѣлъ екстракты, и немного кое гдѣ по своему вкусу переправивъ, велѣлъ набѣло переписывать. Итакъ не дастъ ли Богъ, что ихъ вскорѣ доложатъ, естьли то еще какой не воспослѣдуетъ перемѣшки, ибо увѣрено меня, что по выбытіи Туманскаго изъ сената и оберъ-секретарь всѣми силами проситъ уволненія отъ малороссійскихъ дѣлъ и опредѣленія ко онымъ другаго оберъ-секретаря, а самъ желаетъ остаться при однихъ лифландскихъ дѣлахъ. Притомъ еще ожидаютъ и новаго оберъ-прокурора, ибо старый 22 числа сего мѣсяца пожалованъ въ сенаторы. Все противное тому дѣлается, какъ думаетъ человѣкъ. Я думалъ, что меня, хотя и дѣла кончатъся, подрядъ на вино здѣсь нѣсколько времени удержитъ, а теперь противное все выходитъ, подрядъ на той недѣли начнетъся, а дѣла дай Богъ, чтобъ кончились въ будущемъ мѣсяцѣ; однакожъ я ни о чемъ такъ не думаю, не стараюсь и недокучаю, какъ объ нихъ, и какъ скоро увижу приближаю-

[1]) Въ это время, мѣстные крестьяне („подданные“) крѣпостными еще не считались. Крѣпостные покупались въ Малороссію изъ великорусскихъ губерній.

щійся имъ конецъ, такъ въ сутки убираться стану, и здѣсь и одного лишняго дня мѣшкать не буду; и для сего то, душенька, и напоминаніе ваше о скоромъ моемъ къ вамъ пріѣздѣ мнѣ непротивно потому, что я и самъ о семъ ежеминутно мышлю и сокрушаюсь. Дастъ Богъ, что желаніе обоихъ насъ скоро совершиться, а нынѣ желая вамъ и дѣтямъ добраго здоровья, и благословляя ихъ, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Пожалуйте, душенька, увѣдомьте меня поскорѣе о полученіи моего писма, при которомъ приложено и писмо къ братьямъ холопецкимъ, и какъ вы съ онымъ писмомъ поступили, тоесть отдали ли имъ оное или нѣтъ, и что они по ономy говорили или говорятъ, такожъ небыли ли они опять туда жъ призываны?

27) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 12 октября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! На писмо ваше отъ 10 сентября ко мнѣ писанное, а мною 1 октября полученное, пропустилъ я двѣ почты, не отвѣтствуя вамъ, для слѣдующихъ причинъ: 1) что хотѣлъ я къ вамъ, смотря по обстоятельствамъ дѣлъ нашихъ, написать что нибудь надежное; 2) что пріѣхавшій сюда съ Маріею Павловною Якимъ Семеновичъ[1]), по неимѣнію квартиры, взъѣхавъ на мою, отнялъ у меня время, чтобъ поскорѣе вамъ на то писмо отвѣтствовать, а теперь уже сыскалъ себѣ квартеру и шестого дня отъ меня переѣхалъ. Онъ привезъ сюда Марію Павловну въ весма худомъ состояніи ея здоровья съ тѣмъ, чтобъ здѣсь ея полѣчить. Она весма болна маткою и отъ нея происходящею гипохондріею, которая производитъ въ ней странныя мысли, задумчивость и печаль. Иванъ Михайловичъ Скоропадскій лѣчитъ ее обыкновеннымъ своимъ лѣкарствомъ, тоесть вымыслами и шутками, но до сихъ поръ мало что помагаетъ[2]). Теперь начну писать къ вамъ о

[1]) Сулима, (р. 1737 † 1818), женатый на Маріѣ Павл Скорупѣ (р. 1753 † 1783). См. Сулимовск. архивъ, стр. 160.

[2]) Бригадиръ Ив. Мих. Скоропадскій, какъ видно, былъ такой же острословъ, какъ и сынъ его Василій, адъютантъ Румянцева. См. о немъ—„Кіевск. Стар.“ 1882 г., ноябрь, 310 и Опис. Стар. Малороссіи, II, 109.

дѣлахъ. Торги на вино начались и производятся уже другую недѣлю, и вмѣсто того, что обнадеживали насъ окончить оныя въ одну недѣлю, почему и я къ вамъ писалъ, будетъ еще по онымъ дѣла на двѣ недѣли. Я объявилъ себя поставщикомъ на 1000 вѣдръ въ четыре города, тоесть: въ Трубчевскъ, въ Путивль, въ Рыльскъ и во Мценскъ, и сіе сдѣлалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ подрядится въ тѣ мѣста, гдѣ на меня выгоднѣе и цѣною сходнѣе будетъ, а отъ прочихъ отказалъся, а можетъ быть откажусь и отъ всѣхъ, потому, что весма унижаютъ цѣны набѣгшіе суда въ великомъ множествѣ поставщики. Вы изъ сего можете разсудить, что въ прежнія подряды въ С.-Петербургъ ставилось вино по рублю и слишкомъ, а теперь въ первомъ еще торгу сбили цѣну до 74 копѣекъ; что жъ будетъ во второмъ и въ третьемъ? а я себѣ положилъ за правило, чтобъ во всѣ прочія городы ниже 75, а по крайнѣй мѣрѣ 70 копѣекъ не рядиться, кромѣ Трубчевска, въ который для близости можно взять и дешевлѣ, естли крайнѣ не унизитъ цѣны Подлинева повѣренный, который уже и на первомъ торгу силно мнѣ перебивалъ цѣну. Изъ вышеписаннаго вы можете усмотрѣть, что я въ семъ случаѣ очень осторожно поступаю и поступать намѣренъ, и что торгъ на вино продолжится еще на двѣ недѣли. Что жъ касается до компромисныхъ нашихъ дѣлъ, то оныхъ обнадеживаютъ начать слушать на будущей недѣли, и сіе слушаніе уповаю также продолжится недѣли двѣ или три, а недѣля и другая пройдетъ на написаніе приговоровъ и указовъ. И такъ надежда на Бога, что я отсюду выѣду, естьли не въ среднихъ, то въ послѣднихъ, числахъ ноября, почему вы, душенька, можете еще на сіе мое писмо отвѣтствовать, а съ среднихъ чиселъ ноября я бы уже вамъ и писать ко мнѣ не совѣтовалъ, а я напротивъ того, смотря по надобности и обстоятелствамъ, буду къ вамъ писать до самаго моего отъѣзду. Дай то Богъ, чтобъ не писмами, но устами съ вами разговаривать въ скорости. Жаль мнѣ, естьли у насъ сухихъ конфектовъ не будетъ, потому, что прежнихъ годовъ обсылали здѣшнихъ господъ, а теперь уже нѣчемъ будетъ. О Иванушкѣ сердечно сожалѣю, призирайте его въ сей болѣзни, лѣчите какъ

возможно, онъ у насъ самый надежный сынъ будетъ для снисканія своего щастія чрезъ уложенье [1]). Я для всѣхъ ихъ обще, тоесть для сыновъ и для дочерей, сыскалъ здѣсь недорогаго учителя француза, который ихъ будетъ учить читать и говорить, что самая есть главная нужда во французкомъ языкѣ, и сіе сдѣлаетъ то, что они, научившись дома сему, гораздо скорѣе въ школахъ и въ пенсіонахъ научатъся досталному. Данилу Осиповичу скажите, что я писмомъ его доволенъ, но только на оное пространно отвѣтствовать не имѣю времени; что онъ не совѣтуетъ мнѣ рядится съ откупщиками на болшее число, кромѣ на свои 5000 вѣдръ, то что онъ тогда скажетъ, когда я подряжусь на полугарную по 75 или по 70 копѣекъ, а на пѣнную по 85 или по 90 копѣекъ, съ тѣмъ, чтобъ взяли оную на мѣстѣ. Не могу ли я тамъ у другихъ купить того и другаго вина дешевлѣ, когда онъ же самъ, а сверхъ того и Лобысевичъ, ко мнѣ пишутъ, что полугарное вино продается по 40 и не свыше 50 копѣекъ, а пѣнное въ 60 и въ 70 копѣекъ; съ своею жъ поставкою я никому рядиться не намѣренъ. Дай только Богъ чтобъ несолгалъ тотъ человѣкъ, который мнѣ таковыхъ охотниковъ сыскать обѣщался. Я слышу, что стародубовцы вездѣ по Руси бѣгаютъ и ищутъ ихъ, но не сыскиваютъ. Вотъ ему отвѣтъ, что онъ на сіе скажетъ. Пускай только онъ старается скупать хлѣбъ, сколько можно его достать какъ теперь, такъ особливо, когда станетъ подвозъ по первой дорогѣ, а трудъ о продажѣ вина пускай на мнѣ лежитъ. Впрочемъ желая вамъ и дѣтямъ здоровья и ихъ благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Письмо къ братьямъ [2]) посылаю къ вамъ, душенка, съ тѣмъ, чтобъ вы оное вмѣстѣ съ цедулкою отдали имъ въ такомъ случаѣ, когда они еще въ другій разъ къ Завадовскому не былъ призываны, чтобъ они, узнавъ ухищренія ихъ, а мое напротивъ того къ нимъ добродушіе, знали чемъ предъ нимъ отговориться. Естьли-жъ уже призываны былы и на требованія

---

[1]) Ив. Гр-чъ П-ка служилъ во флотѣ мичманомъ и умеръ холостымъ. (См. № 33). Что значитъ выраженіе—„снисканіе щастія чрезъ уложеніе“—не понимаемъ.

[1]) Т. е. къ Гамалѣямъ. Ст. № 24.

ихъ не соглясились, то хотя отдавайте письмо и цедулку, хотя и нѣтъ, сіе состоитъ въ вашей воли и разсужденіи, а болше посовѣтуйтесь съ сестрою Аграфеною Григорьевною и съ Даниломъ Осиповичемъ. Естьли-жъ, чего не дай Богъ, да согласились они на миръ, то лучше письма сего имъ и не показуйте, ибо тогда другое уже что-нибудъ надобно будетъ начинать. Наиболше вы просите Григорія Григорьевича и сестръ, чтобъ какъ возможно старшихъ двухъ братьевъ совѣтомъ своимъ отъ сего удерживали, сказывая, что они въ дѣлѣ семъ безъ меня вѣрно обмануты будутъ. Мнѣ, душенка, весьма худые сны о васъ снятся, то есть такіе, какіе снились въ прошедшую мою сюда поѣздку. Я весьма оными тревожусь и печалюсь, и ничего такъ не желаю, какъ чтобъ они не сбылись, но съ ночами проходили.

28) Къ управляющему, изъ Петербурга, 1777 г., 9 ноября.

Государь мой Данило Осиповичъ! Писмо ваше отъ 30 сентября получилъ я, на которое симъ отвѣтствую. Въ первомъ писмѣ вашемъ, въ которомъ писали вы объ оставкѣ чеховскаго прикащика и объ опредѣленіи на его мѣсто другого, пропустили вы написать, кто именно опредѣленъ, а изъ сего писма вашего усматриваю, что опредѣленъ Мишка. Хотя и не сомнѣваюсь, чтобъ онъ въ семъ дѣлѣ не могъ исправиться, однако, кажется мнѣ, что вы опредѣлили его туда преждевременно, а вотъ какія тому причины: 1) что вы его оторвали отъ ученія дѣтей ариѳметики; 2) что по пріѣздѣ моемъ надобенъ онъ мнѣ будетъ для посылки сюда за разными нуждами, а сіе учинить весьма будетъ неудобно, когда уже совсѣмъ войдетъ въ правленіе хозяйства; 3) всего же главнѣйше есть то, что я опасаюсь, чтобъ онъ, будучи надъ горѣлкою главнымъ правителемъ, не привыкъ ее хлыстать, и тогда то уже изъ него ничего добраго не будетъ. Всего было лучше, чтобъ вы до моего пріѣзду опредѣлили кого-нибудь изъ мужиковъ, напримѣръ Захарку или другаго кого, а не его; но когда уже опредѣленъ, то пускай будетъ до моего пріѣзда и разсмотрѣнія; однако вы за нимъ прилѣжно надсматривайте и дайте ему знать о моемъ сомнѣніи прописанномъ въ 3 пунктѣ, сказавъ ему при томъ, что теперь его са-

мое критическое время, въ которое онъ себя долженъ наилучше показать и повести, естьли хочетъ, чтобъ и ему хорошо было. Поздно правда начали вы вино курить въ Волотынской винокурнѣ, и могли бы то учинить ранѣ, естьли съ лѣта о томъ думали, а не осеньюдумать начали; однако ошиблись вы, что я буду за сіе гнѣваться; вотъ не гнѣваюсь потому, что хотя меньше горѣлки въ ней накурится, но болше останется хлѣба къ винокуренію будущаго года, а тутъ то онъ намъ и нуженъ, какъ вы усмотрите изъ нижеслѣдующаго. Третьяго дня кончилъ я мой подрядъ на поставку вина. Въ Трубчевскъ подрядилъ я ставить—1730 вѣдръ по 59 копѣекъ. Въ Путивль — 3254 вѣдра по 65 копѣекъ. Хотѣлъ было я взять вашу цѣну по 2 и 1½ рубля, но казна ещо отъ вѣку сей цѣны никому не плачивала, и повѣкъ уповаю платитя не будетъ, а напротивъ того отказала мнѣ поставку 1864 вѣдръ въ Рыльскъ за то, что я не хотѣлъ ставить ниже 67 копѣекъ, и взяла сію поставку на свой щетъ, изъ казенныхъ заводовъ. И такъ осталось за мною безъ малаго 5000 вѣдръ, а съ наддачею на усышку и утечку трехъ вѣдръ на сто, будетъ съ неболшимъ 5000 вѣдръ. Мнѣ кажется, что сія поставка по нашему перью, и будетъ намъ приносить хотя небольшіе, но всегда надежные барыши, а разорить не можетъ, исключая чрезвычайную дороговизну хлѣба, которой однако намъ смертнымъ предвидѣть неможно, а безсмертный и питающій насъ Богъ оной да не допуститъ. Теперь намъ, бросивши всѣ другія разсужденія, что впередъ будетъ, надобно думать о томъ, чтобъ былъ у насъ въ запасѣ на будущій годъ хлѣбъ, о чемъ пожалуйте приложите вашего старанія слѣдующимъ образомъ: 1) какъ скоро начнется подвозъ хлѣба изъ Россіи, такъ вы, не упуская первыхъ торговъ, начинайте и закупать рожь, употребя на то наличныя у васъ имѣющіяся денги. Серебреныя однако естьли можете у кого въ закладъ положить, а взять мѣдныя до отдачи, то весма хорошо сдѣлаете; 2) какъ я не надѣюсь, чтобъ у насъ наличныхъ денегъ много было, по причинѣ застойки нашей горѣлки, то пока я здѣсь употреблю стараніе о продажѣ оной, прилагаю при семъ писмо къ Василію Андреевичу Борковскому,

прося его, чтобъ онъ на малое время, то есть до продажи нашей горѣлки, далъ мнѣ взаймы 1000 рублей ассигнаціями и мѣлкими, и уповаю, что онъ съ меня и процентовъ не возметъ. Естьли его нѣтъ въ Романовкѣ, то вы съ симъ писмомъ пошлите къ нему немедлѣнно одного или двухъ нарочныхъ изъ нашихъ надежныхъ мужиковъ, которые какъ скоро привезутъ къ вамъ отъ него денги, такъ и употребляйте оныя въ покупку хлѣба всѣ безъ остатка, приказывая накрѣпко закупщикамъ, чтобъ они скупали самый чистый и сухій хлѣбъ; а ссыпать велите тамъ, гдѣ заспособнѣе и къ сбереженію угоднѣе разсудите, то есть въ Юдиновѣ ли, въ Волотынѣ ли или въ Чеховкѣ, хотя то въ семъ послѣднемъ мѣстѣ рожь не нужна, а нужна мука, почему и дѣлать такъ надобно, чтобъ тамъ ее не много ссыпать, чтобъ не было лишней возки. 3) Но прежде нежели начнете по торгамъ скупать хлѣбъ, отзовитесь къ Губкину или къ другимъ трубчевскимъ купцамъ, не сказывая однако имъ, что я взялъ подрядъ на вино, и предложите имъ, не захотятъ ли они по погарской или почепской, (смотря гдѣ дешевле будетъ) цѣнѣ и мѣрѣ поставили намъ хлѣбъ, и ежели захотятъ, то вы можете рядить ихъ на 1000 или 1200 четвертей съ поставкою въ которое мѣсто, сколько надобно будетъ; только жъ твердо съ ними договариваться, чтобъ хлѣбъ былъ не съ грязью и пылью, каковъ нѣкогдась поставилъ Губкинъ, такожъ не сырый и не костероватый и проч., а въ противномъ случаѣ, скажите имъ, ни одна четверть не будетъ прянята. Мнѣ кажется сія дружная поставка чуть ли не лучше бъ была и не надежнѣе, нежели частная, а впрочемъ дѣлайте такъ, какъ лучше съ повелѣнія госпожи и по совѣту съ людьми. 4) Привозимый изъ Украины хлѣбъ велите ссыпать въ ямы ли или въ амбары, для раздачи будущею весною людямъ. 5) Писалъ я къ Ѳедору, чтобъ естьли есть у него въ сборѣ денги, прислалъ бы къ вамъ, которые вы получивъ, употребите на покупку хлѣба. 6) Кажется я и прежде писалъ къ вамъ, чтобъ въ нынѣшній годъ въ обоихъ нашихъ винокурняхъ брали только по 2 кадки въ день, что и нынѣ подтверждаю. Все сіе пишу къ вамъ предупредительно съ тѣмъ, чтобъ вы не до-

жидаясь моего пріѣзда, все то въ дѣйство производили, что полезнѣе для хозяйства, а между тѣмъ я уже далъ слово Еленѣ Ивановнѣ, чтобъ быть къ Рождеству или между святками, котораго и не перемѣню, а вы, пожалуйте, уговаривайте ее, чтобъ она между тѣмъ не скучала и задумчивымъ мыслямъ себя не подвергала. Всѣ вить умремъ, но дай Богъ воскреснуть воскресеніемъ праведныхъ. Впрочемъ есмь вашъ, государя моего, вседоброжетателный слуга Г. Полетика.

29) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 5 декабря.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Отъ 31 октября писанное ко мнѣ писмо отъ Данила Осиповича получилъ я 19 ноября, которое столь меня сокрушило и ввергло въ тяжчайшую печаль, что я не могу вамъ изобразить, а скажутъ, можетъ быть, вамъ другіе люди. Въ ономъ писмѣ своемъ увѣдомилъ онъ меня о болѣзни вашей, приключившейся отъ болячки въ горлѣ, которая ни говорить, ни дышать вамъ не даетъ, и я не зналъ, что мнѣ по сему извѣстію начать дѣлать. Думалъ было, все бросивши ѣхать; но пріятели мнѣ говорили, что естьли я отсюду поѣду и, чего не дай Богъ, васъ въ живыхъ не застану, и здѣсь дѣла неокончанныя брошу, а между тѣмъ пріѣдетъ Левандовскій, и ихъ по своимъ похвалкамъ переиначитъ, то двѣ потѣри мои будутъ невозвратимы, и могутъ тѣмъ скорѣе докончать и мою жизнь; и такъ совѣтовали подождать другаго писма, я нхъ послушалъ, и уже двѣ почты прошло, какъ онаго другаго писма ожидаю, но ни отъ васъ, ня отъ Данила Осиповича онаго не получаю, и удивляюсь страннымъ мыслямъ и поступку сего человѣка, который умѣлъ до крайности меня своимъ писмомъ опечалить, а обрадовать не умѣетъ. Какая бы ему диковинка заразъ по другой почтѣ писать ко мнѣ, выздоровѣли ли вы и есть ли надежда къ вашему выздоровленію или нѣтъ. Я знаю, что онъ скажетъ, что либо вы писать не приказали, или получено мое писмо, въ которомъ я писалъ, чтобъ съ половины ноября мѣсяца уже ко мнѣ не писать. Но въ первомъ случаѣ могъ бы онъ вамъ представить, сколь сія повторителная вѣдомость для меня нужна, а во второмъ могъ

бы онъ и то разсудить, что до половины ноября все еще, и вамъ, и ему, писать ко мнѣ можно было, а съ 31 октября, котораго числа онъ свое письмо отправилъ ко мнѣ, до 15 ноября слишкомъ двѣ недѣли, то между тѣмъ могъ бы онъ еще ко мнѣ и не одно писмо отправить, для сегожъ чрезвычайнаго случая, могъ бы онъ писать и послѣ 15 ноября. Положимъ, что писмо бы меня здѣсь и не застало, такъ осталось бы у пріятеля, на котораго имя писма надписываются, а въ такомъ случаѣ въ неизвѣстноси меня оставить не должно ему было. Но видно, что онъ такъ своимъ разумомъ надумался. Дай же Богъ, душа моя, чтобъ я васъ засталъ живыхъ и здоровыхъ, что будетъ по тяжкимъ моимъ хлопотами отрадою. Меня здѣсь искуснѣйшіе доктоpы увѣряютъ, что болячка ваша не опасна, а особливо де, когда она уже разъ была и лопнула; но въ такомъ де случаѣ всегда должно пустить кровь и принять слабительное. Болячка де безъ нарыву гораздо опаснѣйшая. Но я желаю, чтобъ вы впредь никакой не имѣли. О себѣ объявляю, что три дѣла наши уже выслушаны и рѣшены, а два обѣщаютъ, что на сей недѣли выслушаютъ, и обнадеживаютъ меня совсѣмъ въ скорости отсюду отправить, почему я всѣ приуготовленія дѣлаю, чтобъ мнѣ до празднику отсюда выѣхать, хотя бы то было наканунѣ самаго Рождества, естьли не могу прежде. Вы уже ко мнѣ ничего не пишите, а только старайтесь быть здоровы и ничемъ не смущайтесь. Со мною, уповаю, вмѣстѣ будетъ и братъ Григорій Ивановичъ, который, побывавъ у насъ въ домѣ и повидавшись съ матерью и съ роднею, поѣдетъ назадъ въ Вѣну, а здѣсь ни за что не хочетъ остаться. Хотя его и хотѣли оставить и чинъ ему давали, но онъ лучше соглашается ѣхать безъ чина, нежели быть здѣсь. Съ Иваномъ Михайловичемъ Скоропадскимъ чуть было мы навѣки не попрощались. Ему приключились разныя тяжкія болѣзни, а особливо жестокая горячка, отъ которой чуть онъ не лишился жизни. Теперь, слава Богу, есть ему легче; однако еще все боимся рецидивы. Естьли онъ выйдетъ изъ сей болѣзни, то я могу сказать, что онъ все свое выздоровленіе мнѣ приписать долженъ: я почти всю прошлую недѣлю ни дня, ни ночи покойныхъ не имѣлъ, заботясь

о немъ и сыскалъ для него лучшаго здѣшняго доктора, который его отъ жесточайшихъ припадковъ спасъ. Мы уже хотѣли выписывать сюда и Ульяну Васильевну [1]), но онъ не велитъ. Сіе мое писмо не почитайте послѣднимъ, ибо я еще къ вамъ писать буду и точно означу вамъ день, въ который могу отсюда выѣхать, а теперь пишу только то, что выѣду скоро и отъ всего сердца желаю васъ въ добромъ здоровьѣ видѣть вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю и есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

30) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 21 декабря.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Въ началѣ сего мѣсяца хотя и писалъ я къ вамъ, отвѣтствуя на писмо Данила Осиповича, писанное ко мнѣ отъ 31 октября о болѣзни вашей, но не уповая, чтобъ то писмо дошло до рукъ вашихъ, потому что почта, съ которою оное послано, въ 12 верстахъ отъ Петербурга разбита и разграблена, по причинѣ посланныхъ чрезъ оную не малаго числа денегъ, и только сысканы не многія по дорогѣ и въ лѣсу пакеты, въ которыхъ числѣ, какъ меня увѣряли почтовые служители, будто осталъся цѣлъ и стародубовскій пакетъ, на что однако не надѣясь, коротко объявляю вамъ, что я въ ономъ писалъ, пеняя Данилу Осиповичу, что онъ послѣ того писма ничего уже ко мнѣ неписалъ и умѣвъ меня привесть въ тяжчайшую горесть, обрадовать ничемъ неумѣлъ. За сіе его не только я пеняю и всегда пенять буду, но и всѣ здѣшніе мои пріятели, кому ни скажу, не хвалятъ, ибо пускай бы его писмо меня здѣсь и незастало, то всетаки, хотя на удачу писать ему ко мнѣ надлежало, что съ вами дѣлаетъся или сдѣлалось, когда уже разъ началъ писать, а писмо бы его или здѣсь въ рукахъ Василія Александровича осталось, или бы ко мнѣ обратно прислано было, а то я его промысломъ и теперь нахожусь въ такой горестной неизвѣстности, что Богъ только знаетъ. Писалъ же я еще въ томъ моемъ писмѣ къ вамъ, что уже три наши дѣла выслушаны, а ос-

[1]) Жена Скоропадскаго, рожд. Кочубей.

талныя два хотѣли на будущей недѣли слушать, итакъ уповалъ непремѣнно передъ праздникомъ отсюда выхаѣть; но праведные здѣшніе судьи, откладывая то слушаніе изо дня на день, напослѣдокъ, когда 12 числа сего мѣсяца великій князь Александръ Павловичъ родилъся, чемъ васъ поздравляю, то они сперва для родинъ а потомъ для крестинъ, нѣсколько дней неприсутствовали, а потомъ когда пришло уже до послѣдняго собранія, которое было сегодня, и въ которое все обнадеживали, что будутъ дѣла мои слушать, то въ половинѣ 12 часа, вышедши ко мнѣ оберъ прокуроръ князь Куракинъ, сказалъ, что никакъ неуспѣютъ выслушать потому, что хотятъ очистить и подписать выслушанныя уже дѣла, и съ великими ласками просилъ меня обождать до послѣпраздника. Я и прежде сего одинъ разъ, объявляя вашу болѣзнь и мою о жизни вашей неизвѣстность, плачучи его просилъ, чтобъ онъ велѣлъ поспѣшить окончить мои дѣла, а теперь когда онъ мнѣ сію вѣсть сказалъ, то я ему, имѣя слезы на глазахъ, столько наговорилъ, что онъ, сколько я примѣтилъ, началъ было на меня и досадовать, но видя, что я ему все правду говорю, началъ оправдаться, что онъ всему сему не виноватъ, будучи недавно опредѣленъ, и божился, что сей часъ послѣ крещенія мои дѣла предложены и рѣшены будутъ, а рѣшенныя полпишутъся. Я было видя такое продолженіе, хотѣлъ все бросивши, ѣхать, но между тѣмъ получилъ отъ брата Андрея вторычное писмо, которое къ вамъ подлинное посылаю, и по которому Левандовскаго такъ, какъ и по увѣренію его здѣшнихъ пріятелей, всякій часъ здѣсь ожидать должно. Вы хотя изъ онаго увидите его плутовство и хвастовство, однако въ дѣлахъ нашихъ уже онъ мнѣ разъ въ Глуховѣ штукъ надѣлалъ, а естьли и теперь бы я ихъ бросилъ, а онъ пріѣхавши ихъ бы передѣлалъ, то пропали бы цѣлогодныя мои труды, и мнѣ бы ни на кого болше неможно было сожалѣть, какъ на самаго себя. Итакъ прости мнѣ, душенка, что я къ тебѣ двумя или тремя недѣлями позже пріѣду, нежели какъ я думалъ, и вамъ обѣщалъ. Снесите великодушно сію мою безвинную вину, и будте совершенно увѣрены, что я къ вамъ, естьли не въ среднихъ, то въ пос-

лѣднихъ числахъ генваря непремѣнно буду, и впередъ обѣщаю вамъ сюда никогда безъ васъ не ѣздить. Данилу Осиповичу поблагодарите за его исправность и догадливыя мысли, и скажите ему, чтобъ онъ всячески стараłся о покупкѣ хлѣба для будущаго и нынѣшняго винокуренія. Естьли и тамъ также дороги нѣтъ, какъ здѣсь ее вовсе нѣтъ, то уповаю еще и привозу не было; однако онъ пускай времени не пропускаетъ, какъ скоро привозъ станетъ. На горѣлку я также еще неподрядилъся потому, что откупщики еще не всѣ собрались, а соберутся развѣ святами, ибо ихъ торгъ отложенъ также до послѣ святъ. Увидя по обстоятельствамъ моихъ дѣлъ, можетъ быть я еще разъ къ вамъ писать буду, а когда не буду, то считайте сіе мое писмо послѣдимъ. Желая вамъ слѣдующій праздникъ и новый годъ въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, начинать и провождать, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Писмо къ Василію Андреевичу Борковскому велите отослать въ Романовку, гдѣ естьли его нѣтъ, то пускай сами отошлютъ въ Тупичевъ [1]).

31) Къ неизвѣстному калужскому помѣщику, изъ Юдинова, 1778 г., 9 іюня.

Милостивый Государь мой Гаврило Ѳедоровичъ! Извѣстясь отъ вручителя сего человѣка моего о благородныхъ вашихъ а честному дворянину приличныхъ постункахъ въ разсужденіи обиды, причиненной мнѣ отъ крестьянина братца вашего Егора Ѳедоровича, за долгъ мой почелъ принесть вамъ, милостивому государю моему, должное мое за то благодареніе. Сколь много радуюсь, что сыскался въ Калугѣ такой честной человѣкъ, кака вы, который мало или ничего меня не зная, узналъ однако мою невинность, и стараніе прилагалъ меня во оной защищать, столь много сожалѣю, что братецъ вашъ, промѣнявъ дворянина на плута и бездѣлника своего крестьянина, поступилъ со мною столь несправедливо. Вы, милостивый госу-

[1]) Другое имѣніе Дунинихъ-Борковскихъ въ городницкомъ уѣздѣ.

дарь мой, сами благоразсудно извольте разсмотрѣть, что естьли бы мое стремленіе было напрасно обидѣть крестьянини брата вашего, то какая бы нужда меня заставила давать ему роспискy въ удержанныхъ мною его 39 рубляхъ, и какая бы нужда велѣла мнѣ посылать съ нимъ своего человѣка въ Калугу; но какъ я сіе дѣлалъ праводушно, желая только одного того, чтобъ помянутый вашего братца крестьянинъ доставилъ мнѣ другаго такова жъ плута, какъ и самъ, крестьянина, котораго онъ мнѣ подставилъ и своимъ батракомъ называлъ, такъ никогда не надѣялъся, чтобъ брдтецъ вашъ причинилъ мнѣ толь немалую обиду и убытки, ибо вмѣсто того, чтобъ сысканъ былъ виноватой и отдана бъ была мнѣ справедливость и удовольство за 39 насчитано на меня 100 рублей, а въ залогъ того арестовано моихъ вещей безъ малаго рублей на триста. Теперь, посылая вновь людей моихъ въ Калугу для выручения загабленныхъ моихъ вещей, и росправы съ помянутымъ бездѣльникомъ крестьяниномъ братца вашего и другимъ таковымъ же названнымъ отъ него батракомъ, покорнѣйше васъ, милостиваго государя моего, прошу привесть братца вашего въ справедливѣйшія обо мнѣ мысли и уговорить его, чтобъ онъ раздѣлалъся со мною по дворянской своей честности и не мѣнялъ бы меня на своего безсовѣстнаго мужика, который для своего интереса и самаго малаго, радъ употребить всякое плутовство, божбу и клятвы. Не сомнѣваясь, что вы, милостивый государь мой, оказавъ мнѣ благосклонность вашу по одной вашей честности и безъ моей прозбы, при оной еще болше ту окажете, а я напротивъ того смѣю васъ увѣрить, что она никогда изъ памяти моей не выйдетъ, и я ничего бы болше не желалъ, какъ имѣть тотъ пріятный случай, который бы вамъ доказать могъ, съ какою къ вамъ благодарностію, усердіемъ и почтеніемъ я есмь вашъ, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Полетика.

32) Къ женѣ, изъ Глухова, 1779 г., 19 января.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! По полученіи вашего писма, по пріѣздѣ моемъ въ Глуховъ, ночью, въ среду,

на другій день отправилъ было я Савку нарочно въ Николаевку съ тѣмъ, чтобъ чревъ сихъ же подводчиковъ, по приказу моему отправляемыхъ, отправилъ прикащикъ къ вамъ рыбу и вьюновъ, но онъ уже ихъ въ Николаевкѣ незасталъ; и такъ они вамъ рыбы, кромѣ 80 метокъ [1]) вьюновъ, которые прикащикъ самъ собою отправить догадалъся, невезутъ, а надѣюсь, что привезетъ оную съ собою Савка, и съ каретою довезетъ въ Юдиновъ. Я здѣсь намѣренъ побыть до понедѣлника, пока подпишетъся опредѣленіе по дѣлу нашему, которое уже слушано, а недождавъся того, ѣхать боюсь, чтобъ неиспакостили. Въ понедѣлникъ же хочу выѣхать въ Сѣвскъ за пенсіономъ, и естьли Богъ дастъ, то на будущей недѣли, въ четверкъ или въ пятницу, уповаю быть дома. Между тѣмъ прошу васъ, душенка, приказать управителямъ учинить слѣдующее: 1) справиться по винокурнямъ,—можетъ ли собраться у насъ до масляницы, для отправленія вина полугарнаго въ Путивль, 1350 или немного болѣе вѣдръ, и естьли можетъ собраться, пускай чрезъ сихъ же подводчиковъ къ николаевскому прикащику пишутъ, чтобъ онъ, слѣдуя моему приказанію, какъ николаевскихъ, такъ и коровинскихъ подводъ половину, а не всѣхъ, отправлялъ въ Юдиновъ, несмотря на масляницу, съ хлѣбомъ, и для отвозу вмѣстѣ съ юдиновцами досталнаго вина въ Путивль; естьли жъ не выкурится столько, какъ вышеписано, вина до масляницы, то, какъ я несомнѣваюсь, чтобъ чрезъ масляницу и первую недѣлю поста, невыкурилось требуемаго числа вина, такъ пускай пишутъ въ Николаевку, чтобъ прикащикъ заразъ на первой недѣли поста отправлялъ подводы, ибо чемъ ранѣ выставить вино тѣмъ лучше. 2) Пускай отберутъ тройку или четверку лошадей для отправки Мишки въ С. Петербургъ и никуда ихъ нетрогаютъ, а между тѣмъ и кормятъ получше. 3) Пускай велятъ столарямъ когда есть, а въ небытность ихъ, Процику заготовить доръ для здѣланія ящиковъ для сухихъ конфектовъ; но оныхъ пускай не клеятъ до моего пріѣзду, ибо лишнихъ ихъ

[1]) Вьюны обыкновенно нанизываются повѣсколько десятковъ на прутья лозы, причемъ каждая такая низка и называется „меткою“.

надѣлывать нѣчего, да и дору лишняго, смотря по конфектамъ, не велите брать. 4) Данилу Осиповичу скажите, чтобъ онъ съ мужиковъ видрянскихъ, юрковскихъ и прочихъ, которые отговаривались въ неотдачѣ хлѣба тѣмъ, что неперевоженъ былъ изъ-за Судости, непремѣнно оный доправилъ, ибо я несомнѣваюсь, чтобъ они уже его неперевозили и неперемолотили, такожъ пенечные (за пеньку) и прочія долги пускай всемѣрно собираетъ, а съ которыхъ еще не пора или до будущаго года никакъ нельзя будетъ собрать, пускай по реестрамъ представляетъ ихъ Ѳедору Максимовичу, чтобъ они сами ему, какъ свои, такъ и чужіе сказали, что то число должны. Впрочемъ желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, въ добромъ здоровьѣ видѣть, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. На сихъ подводахъ, чтобъ праздно назадъ неѣхали, пускай отправятъ тесницы, доръ или что нибудь, давъ имъ на дорогу по 10 копѣекъ.

33) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Могилева, 1780 г., 7 сентября [1]).

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ, Павелъ! Объявляю вамъ, что я, разлучась съ вами, вчерашняго дня на ночь пріѣхалъ въ Могилевъ, а сего дня отсюду отъѣзжаю домой. Желая вамъ добраго здоровья, отечески вамъ напоминаю, чтобъ вы другъ друга любили, учились прилѣжно и одинъ другому во ученіи, а особливо ты, Васенька, младшимъ своимъ братьямъ помогали, ибо чемъ лучше и скорѣе въ тѣхъ наукахъ, въ которыя вы теперь отданы, успѣете, тѣмъ скорѣе можете посланы быть туда, гдѣ вышшія науки преподаются. Особливо тебя Ванюша, и тебя, Павлуша, упоминаю, чтобъ вы время ваше не столько въ гуляньѣ и шалостяхъ, сколько во ученіи провождали, и когда тебя, Ванюша, лѣкарь начнетъ лѣчить, то чтобъ ты крайнѣ берегъся отъ бѣганья и сильныхъ тѣлодвиженій, и дѣлалъ бы все то, что онъ прикажетъ, не ѣлъ бы и не пилъ, чего

[1]) Сыновей у Гр. А. П—ки было пять: 1) Василій (р. 1765 † 1845), 2) Иванъ (р. 1767 † 1803), 3) Павелъ (р. 1768 † 1807), 4) Андрей (р. 1774 † 1809) и 5) Григорій (р. 1776 † 1793).

онъ не велитъ, ибо отъ сего твоего излѣченія зависитъ и предбудущее твое здоровье. Позабылъ я тебѣ, Васенька, сказать, чтобъ ты въ число другихъ вещей въ реестръ внесъ и футляръ математическихъ инструментовъ, прописавъ сколько во ономъ штукъ находится, и такъ ты теперь сіе учини, и внеси оный въ реестръ съ другими вещьми или въ книжный, при концѣ онаго. Въ Смѣлянахъ оставилъ я свою пѣгую лошадь больную у порутчика Василія Ивановича Яснопольскаго съ тѣмъ, что ежели онъ ее вылѣчитъ, то чтобъ себѣ оную взялъ, а мнѣ бы заплатилъ за ее 10 рублей, и оныя денги, будучи въ Витепскѣ, отдалъ бы вамъ, что когда онъ учинитъ, то вы, взявъ денги, отдайте отцу префекту для вашихъ же расходовъ, впредь до щету. Ещежъ я позабылъ на образцѣ писемъ, которыя вы писать ко мнѣ должны, написать какъ вамъ на пакетахъ подписывать, то вы пишите на оныхъ такъ: его высокоблагородію, милостивому государю, нашему батюшкѣ Григорію Андрѣевичу Полетикѣ, малороссійскаго стародубовскаго полку въ селѣ Юдиновѣ, а подъ тѣмъ подписывайте такъ: для пересылки отдать въ Стародубѣ г. полковому асаулу Григорію Григорьевичу Гаевскому. Впрочемъ, предая васъ Божію благословенію, есмь вашъ, любезныхъ моихъ дѣтей, вседоброжелателный отецъ Г. Полетика.

P. S. Естьли есть, Васенька, печатныя учрежденія ли, или какъ ихъ названо, о народномъ воспитаніи въ Польшѣ, то пожалуй, при какомъ либо случаѣ, а не чрезъ почту, пришли мнѣ ихъ чрезъ Могилевъ, чтобъ я могъ чрезъ оныя выразумѣть, чему вы тамъ можете выучится, а я напротивъ того пришлю къ вамъ, при такомъ же случаи, установленія и законы сперва рыцарской школы, а въ пришломъ году настоящаго университета въ Штутгардѣ, гдѣ, естьли живы будемъ, хочется, мнѣ, чтобъ вы побывали. Жаль только, что большая ихъ часть на нѣмецкомъ языкѣ. Все вамъ во оныхъ понравится, кромѣ того, что ни Бубунца ни Богатыренца [1]) и никого другаго держать нельзя, а должно быть всѣмъ вмѣстѣ господами и слу-

[1]) Разумѣются, вѣроятно, слуги.

гами самымъ себѣ. Ещежъ, Васенька, прошу тебя, когда можетъ сыскаться въ тамошнихъ библіотекахъ—Starowolscii, Eques Polonus и сія книжка невелика, то на мой щетъ всю переписать, естьли жъ велика и переписка дорого станетъ, то пожалуй найми переписать хотя тѣ самыя мѣста, на которыхъ онъ говоритъ о началѣ и учрежденіи козаковъ и о всемъ, что до нихъ касается, замѣчая—на которой страницѣ или страницахъ то написано, да и титулъ и мѣсто печатанія книги прописать. Я уже давно его печатнаго сыскиваю и ожидаю, но видно, что недождаться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гайдамацкія движенія XVIII ст. и монахи кіевскихъ монастырей.

(Изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ).

Въ настоящее время уже твердо установлено, что гайдамацкія движенія выросли, главнымъ образомъ, если только не исключительно, на почвѣ религіозныхъ преслѣдованій православнаго украинскаго народа со стороны католиковъ и уніатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, экономическія отношенія между новыми, недавними поселенцами въ Украйнѣ и магнатами—владѣльцами земель—не могли еще обостриться до того, чтобы вызвать недовольство и броженіе среди населенія, такъ какъ это послѣднее было обложено сравнительно легкими повинностями въ пользу владѣльцевъ земель. Не было еще въ недавно заселенной Украйнѣ и того закрѣпощенія крестьянъ, какое имѣло мѣсто въ другихъ областяхъ польскаго государства. Но мы не можемъ теперь представить себѣ, какъ тяжело жилось тогда православнымъ украинцамъ, благодаря нескончаемымъ религіознымъ преслѣдованіямъ со стороны фанатиковъ католиковъ и уніатовъ.

Положеніе православныхъ въ Польшѣ никогда не было завиднымъ, въ XVШ-же вѣкѣ, на который всецѣло падаютъ гайдамацкія движенія, оно стало просто невыносимымъ. Вскорѣ послѣ московскаго договора 1686 г. и вопреки его статьямъ, ограждавшимъ свободу православія въ польско-русскихъ областяхъ, въ Украйнѣ [1]) начались религіозныя преслѣдованія пра-

[1]) Разумѣется *правобережной*, о которой у насъ только и идетъ рѣчь.

вославныхъ, которыя особенно усилились во время войны Россіи со Швеціей. Въ 1716 г., правда повидимому только на время, была издана сеймомъ самая несправедливая и жестокая конституція, которой повелѣвалось всѣ, незадолго предъ тѣмъ выстроенныя, диссидентскія, слѣдовательно и православныя, церкви разрушить; богослужебныя диссидентскія собранія, проповѣди и проч.—прекратить; ослушниковъ подвергать—въ первый разъ—денежному штрафу, затѣмъ—тюремному заключенію и, наконецъ—изгнанію. Всѣмъ этимъ „поданъ гонителямъ благочестія (т. е. православія) способъ нападеніе свое онымъ артикуломъ защищать“ [1]). Если мы примемъ во вниманіе ту безпредѣльную религіозную нетерпимость, какою всегда отличались поляки, и въ особенности католическое и уніатское духовенство, то мы отчасти можемъ уже представить, какія бѣды обрушились теперь на Украйну. Съ этого момента и до 1768 г., года страшной коліивщины, религіозныя гоненія въ Украйнѣ идутъ, такъ сказать, усиленнымъ кресцендо. Католическое и уніатское духовенство и его ревностнѣйшій пособникъ—мелкая шляхта, во множествѣ разсыпанная по имѣніямъ магнатовъ, никогда не церемонились въ выборѣ средствъ пропаганды уніи, а теперь, когда изъ Украйны уведены были всѣ козацкіе полки и беззащитный народъ отданъ былъ въ жертву шляхтѣ, церемонились и того менѣе. Въ цѣляхъ пропаганды пускалось въ ходъ все—„гвалты (насилія), разбои, грабительства, мученія и самыя убійства“ [2]). Народъ терпѣлъ отъ уніатовъ и католиковъ „жесточайшія бѣды“ [3]). Но въ началѣ 60 годовъ XVIII ст. гоненіе на православныхъ усилилось на столько, что напоминаетъ собою времена Траяна и др. гонителей христіанства. На средства уніатскаго митрополита Филиппа Володкевича было нанято цѣлое войско въ нѣсколько тысячъ [4]), которое и вошло въ Украйну. Эта послѣдняя, охваченная желѣзнымъ кольцомъ, представляла собою какъ бы зачумленный край: отсюда не было

[1]) Бантышъ-Каменскій, Истор. Уніи, 1805. Стр. 164—5.
[2]) Арх. Юг.-Зап. Росс. Ч. I, т. 3, стр. 87.
[3]) Ibid. Ч. I, т. 2, стр. 120.
[4]) Ibid. стр. 558.

выхода никому, даже жиду [1]). Уніатскіе духовные чиновники разъѣзжаютъ теперь по Украйнѣ въ сопровожденіи отрядовъ войска, которые причиняютъ православнымъ „нападенія, бои, грабительства и разныя нестерпимыя бѣды“ [2]); открыто исповѣдывавшимъ свое нежеланіе быть въ уніи выворачиваютъ руки и ноги, другимъ рвутъ рты [3]), третьихъ забиваютъ до смерти кіями [4]). Настали неслыханныя времена, когда гонители не позволяли православнымъ родившихся—крестить, умершихъ—погребать [5]), когда „людямъ всѣмъ смертный часъ мечтался и всѣ лишенія имущества и живота ожидали“ [6]).

Нужно было имѣть безпредѣльное терпѣніе чтобы выносить всѣ эти преслѣдованія; многіе не находили его у себя. Съ кѣмъ это случалось, тотъ бросалъ все, собиралъ подходящую компанію и начиналъ партизанскую борьбу съ притѣснителями, т. е. становился гайдамакомъ. Такъ слагается и мало по малу, съ ростомъ религіознаго гнета, все больше и больше развивается и гайдамачество. Оно представляетъ, такимъ образомъ, народный протестъ противъ существующаго порядка вещей во имя православной вѣры и иного, правда не ясно сознаваемаго, строя жизни, основаннаго на народныхъ началахъ. Гайдамачество—не разбой, не бунтъ—подобно пугачевщинѣ,—нѣтъ, это партизанская борьба во имя вѣры, это—самозащита въ глазахъ неминучей смерти.

Но если гайдамачество есть религіозная партизанская борьба, то самъ собою возникаетъ вопросъ, въ какое отношеніе къ ней стало украинское православное духовенство; присоединилось-ли оно къ этого рода народному протесту, оказывало ли съ своей стороны какое-нибудь содѣйствіе, поддержку гайдамачеству или, напротивъ, отнеслось къ нему недоброжелательно,—однимъ словомъ, какую роль въ гайдамацкихъ движеніяхъ играло православное духовенство?

---

[1]) Ibid. стр. 216.
[2]) Ibid. стр. 241.
[3]) Ibid. стр. 329.
[4]) Ibid. стр. 317, 319 и др.
[5]) Ibid. стр. 329.
[6]) Ibid. стр. 216.

Въ разсматриваемый періодъ времени *мѣстное* украинское духовенство, и бѣлое и черное, находилось въ слишкомъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ для того, чтобы играть какую-бы то ни было роль въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Въ это смутное и тяжелое время украинское духовенство терпѣло не меньше, если даже не больше своей паствы. Давя православіе и православный народъ, гонители никакъ не могли оставить въ покоѣ представителей ненавистнаго для нихъ исповѣданія. И дѣйствительно, они подвергаютъ „бѣдное священство такимъ злоключеніямъ, бѣдамъ и жестокимъ мучительствамъ", что оно „принуждено было оставить приходы и собственные дома свои со всѣмъ имуществомъ, да бѣжать, иніи съ женами, а иніи сами (т. е. одни) въ лѣса, сюда въ Россію и въ другія мѣста и бѣдственнѣ скитатись" [1]). Тоже терпѣло и украинское монашество [2]). Духовенству, и бѣлому и черному, отовсюду ежеминутно грозило такъ много и явныхъ и тайныхъ опасностей, что ему не было никакой возможности думать еще о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ спасенія своей собственной жизни. Въ силу такихъ-то тяжелыхъ обстоятельствъ, мѣстное украинское духовенство до 60-хъ годовъ XVIII ст., когда въ его жизни произошли нѣкоторыя перемѣны [3]), рѣшительно ничѣмъ не заявляетъ о себѣ: въ современномъ строѣ и церковной, и общественной жизни

---

[1]) Арх. Ч. I, т. 3, стр. 371; т. 2, №№ XXXVII, LXXV; LXXXIII и др.

[2]) Ibid. Ч. I, т. 2, № XLIII, стр. 137.

[3]) Главная бѣда для украинскаго духовенства состояла въ томъ, что его законная епархіальная власть, которая въ трудныя минуты его жизни могла бы наставить, оказать соотвѣтствующую помощь, возвысить голосъ въ защиту своихъ подчиненныхъ,—что эта власть находилась въ это время за границей польскаго государства: Украйна въ церковномъ отношеніи была подчинена частію епископу переяславльскому, частію митрополиту кіевскому, каѳедры которыхъ въ данное время находились уже въ предѣлахъ Россіи. Причемъ враги православія постарались сдѣлать совершенно невозможными всякія сношенія украинской православной паствы съ ея пастырями. Украинская православная паства была, так. обр., предоставлена самой себѣ. Въ 60-хъ годахъ положеніе дѣла нѣсколько мѣняется: на сцену выступаетъ монахъ Мелхиседекъ Яворскій, который становится управителемъ украинскихъ церквей, организуетъ вездѣ твердое церковное управленіе. Съ этого момента православное духовенство почувствовало подъ собою твердую почву и могло возвысить за себя голосъ.

оно не находило ничего такого, на что бъ опершись, могло самостоятельно протестовать противъ гоненій и насилій, съ одной стороны, съ другой—условія собственной жизни духовенства были таковы, что не позволяли послѣднему принять какое-бы-то ни было участіе и въ той формѣ протеста, какая была выработана самимъ народомъ—въ гайдамачествѣ. Извѣстны только два-три случая, когда въ числѣ гайдамакъ попались „дьяки“ [1]), и одинъ случай, когда крестьяне села по совѣту священника возстали, изгнали арендатора, а его имущество отдали на разграбленіе козакамъ [2]),—вотъ единственно, что можно сказать относительно участія *мѣстнаго* духовенства въ гайдамацкихъ движеніяхъ до 60-хъ годовъ XVIII ст.

Но кромѣ *мѣстнаго*, въ данное время въ Украйнѣ очень много было духовенства *пришлаго*—духовенства, которое являлось сюда, въ польскую Украйну, изъ-за границы только на время и которое безраздѣльно, такъ сказать, принадлежало заграницѣ—Россіи. Это были монахи кіевскихъ монастырей. Дѣло въ томъ, что въ это время въ предѣлахъ Польши, именно въ Украйнѣ, кіевскимъ монастырямъ принадлежало безчисленное множество угодій: монастырскіе села, хутора, пасѣки, лѣса занимали почти двѣ-трети всей территоріи Украйны [3]). Для надзора за своими заграничными угодьями братія отряжала когонибудь изъ себя. Такія лица назывались „городничими“; иногда къ городничему въ помощники присоединяли еще „шафара“, т. е. казначея [4]). Вотъ это-то пришлое—очень многочисленное—монашество и принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ.

Это пришлое монашество находилось въ условіяхъ самыхъ благопріятныхъ для такой дѣятельности.

Въ средѣ забитаго и запуганнаго мѣстнаго духовенства—эти пришлые монахи занимали завидное, привиллегированное, такъ сказать, положеніе. Въ качествѣ членовъ братствъ мона-

[1]) Арх. Юг.-З. Р. ч. III, т. 3. Стр. 68 и 758.

[2]) Ibid. стр. 66.

[3]) Арх. Юг.-Зап. Россіи Ч. III, т. 3,—предисловіе, стр. 34.

[4]) Ibid. стр. 655, и мн. др.

стырей заграничныхъ, они не были подчинены мѣстной польской власти; они были подсудны и давали отчетъ только своему, заграничному начальству и, въ качествѣ представителей заграничныхъ монастырей, пользовались личной неприкосновенностію. Къ нимъ не могъ явиться уніатскій офиціалъ и не имѣлъ права „нещаднымъ боемъ“ принуждать къ принятію уніи. Неподсудность мѣстной власти и личная неприкосновенность открывали городничимъ полную возможность принимать дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, уличенный въ какихъ нибудь связяхъ съ гайдамаками городничій подлежалъ суду братіи и монастырскаго начальства. Но онъ могъ быть совершенно спокоенъ; монастырское начальство смотрѣло на гайдамачество, какъ на священную борьбу за попранную отцовскую вѣру, и при удобномъ случаѣ само не прочь было оказать гайдамакамъ такую или иную поддержку [1]). Уличеннаго въ связяхъ съ гайдамаками городничаго, если что и ожидало, то во всякомъ случаѣ не наказаніе.

Но это одна только сторона дѣла; были и еще нѣкоторыя такія обстоятельства, которыя сами подсказывали городничимъ ту роль, которую послѣдніе могли, еслибы пожелали, играть въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Монастырскіе усадебные дворы, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою мѣста болѣе или менѣе уединенныя, болѣе или менѣе глухія. Всѣ эти пасѣки, хутора, винокурни, дворы лѣсничихъ заброшены куда нибудь въ глубину лѣса, притаились гдѣ нибудь на берегу маленькой рѣченки [2]). Это были укромныя поселенія, стоящія внѣ всякаго надзора со стороны польской власти и позволяющія потому своимъ обитателямъ заниматься и кое-чѣмъ такимъ, что не только не одобрялось, но и прямо преслѣдовалось этой послѣдней.—Затѣмъ, въ своихъ дворахъ городничій и казначей живутъ не одни: для исполненія хозяйственныхъ работъ при нихъ всегда находится большее или меньшее число послушниковъ и

---

[1]) Арх. Ю. З. Р. Ч. III, т. 3, № CCLII, стр. 523.

[2]) Ibid. стр. наприм. 724 и мн. др.

рабочихъ [1]). Но, что особенно нужно отмѣтить, контингентъ этихъ рабочихъ и послушниковъ слагался изъ людей самаго разнообразнаго, а зачастую и просто очень сомнительнаго прошлаго. Въ это тяжелое и смутное время по Украйнѣ и въ области войска запорожскаго шаталось не мало бездомнаго, гулящаго люда. Зачастую этотъ людъ, перебравъ всѣ способы къ существованію—идетъ, наконецъ, въ Кіевъ, поступаетъ въ число послушниковъ того или другого монастыря [2]) и или остается при самомъ монастырѣ, или отправляется въ украинскія монастырскія угодья для исполненія хозяйственныхъ работъ [3]). Многіе живутъ такъ мѣсяцъ, другой, зиму, а иные и цѣлый годъ [4]). Само собою разумѣется, что это стремленіе въ монастыри бездомнаго, гулящаго люда представляетъ собою явленіе вполнѣ понятное: здѣсь легче можно было пристроиться, пожить припѣваючи и безъ особенныхъ стѣсненій любое количество времени, и, разъ надоѣстъ, тотчасъ-же безпрепятственно уйти. Но такимъ положеніемъ дѣла, въ самыхъ монастыряхъ и его угодьяхъ, несомнѣнно создавалась самая благопріятная почва для составленія гайдамацкихъ ватагъ. Почва была настолько благопріятна, что мы можемъ наблюдать неоднократные случаи того, какъ иногда на монастырскихъ угодьяхъ сама собою, совершенно безъ вѣдома городничаго, слагается гайдамацкая ватага. Сталкивается гдѣ нибудь на работахъ въ монастырскихъ угодьяхъ подходящая компанія—отважный и рѣшительный запорожецъ, бѣжавшій отъ своего пана ограбленный и обиженный поселянинъ и проч.; идутъ разговоры и разспросы; бѣжавшій отъ пана разсказываетъ о тѣхъ несказанныхъ притѣсненіяхъ, которыя приходится терпѣть православнымъ; свѣжее чувство обиды дѣлаетъ его рѣчь увлекательною. Результатъ ясенъ: послушники-запорожцы всегда готовы идти на „вражихъ ляховъ“, тотчасъ-же составляется гайдамацкій загонъ; потерпѣвшій прекрасно знаетъ свою мѣстность, становится ва-

[1]) Ibid. стр. 645, 655 и др.
[2]) Ibid. стр. 524—5.
[3]) Ibid. стр. 645, 655, 685 и др.
[4]) Ibid. стр. 542 и др.

тажкомъ, и загонъ идетъ въ Польшу мстить притѣснителямъ [1]). Можно отчасти подозрѣвать, что эта легкость составленія на монастырскихъ земляхъ гайдамацкихъ загоновъ была главной причиной, въ силу которой въ число послушниковъ охотно шли запорожцы—эти всегдашніе охотники до рискованныхъ предпріятій: около средины XVIII в. мы видимъ ихъ въ кіевскихъ монастыряхъ сразу по нѣсколько душъ [2]). Но съ другой стороны, запорожецъ среди послушниковъ рабочихъ, представлявшихъ собою людей самаго разнообразнаго прошлаго и зачастую готовыхъ на все [3]), это—среди горючаго матеріала сѣрная спичка, которая отъ каждаго легкаго удара можетъ воспламениться и зажечь все.

Такимъ-то образомъ, неподсудность мѣстной польской власти и независимость отъ нея, уединенное положеніе монастырскихъ дворовъ и, наконецъ, наличный составъ послушниковъ—рабочихъ, среди которыхъ всегда можно было найти желающихъ идти гайдамачить,—все это были такія условія, которыя открывали городничимъ широкую возможность принимать дѣятельное участіе въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Но эта возможность не осталась только возможностію, а обратилась въ самую дѣйствительность. Въ 1759 г. дворянинъ Василій Богдановичъ жаловался въ пограничную коммиссію, что кіевскіе монастыри понаставили въ своихъ усадьбахъ управителей-монаховъ, которые поступаютъ „вопреки праву божескому, духовному и свѣтскому“, „стоятъ съ гайдамаками за одно и руководятъ ими“ [4]).

Участіе монаховъ въ гайдамацкихъ движеніяхъ выражалось прежде всего въ организаціи гайдамацкихъ ватагъ. Мы раньше сказали, что иногда среди рабочихъ монастырскихъ сама собою возникаетъ гайдамацкая ватага. Но зачастую въ этомъ дѣлѣ принимаетъ живое участіе и самъ городничій, и тогда гайдамацкая ватага, по количеству участвующихъ, принимаетъ

---

[1]) Арх. Ч. III, т. 3, стр. 644—5.

[2]) Ibid. стр. 657—8; 524, 542, 644 и мн. др.

[3]) См., наприм., Ibid. № CCCLIII, стр. 743.

[4]) Czerców, przewodnie; jedność z hajdamakami mających, z monasterów powypuszczali... Арх. Ю. З. Р., Ч. III, т. 3, стр. 692—3.

очень почтенные размѣры. Отецъ Гедеонъ, городничій уединеннаго, расположеннаго среди лѣса, хутора, собираетъ ватагу въ 30 душъ [1]). Составленіемъ гайдамацкихъ отрядовъ не прочь иногда заняться и само монастырское начальство. Мы встрѣчаемъ любопытный документъ, ясно показывающій, какъ относилось къ гайдамачеству высшее монастырское начальство. Въ 1750 г. въ кіевскій Софійскій монастырь явился нѣкто Иванъ Подоляка, человѣкъ очень сомнительнаго прошлаго. Былъ онъ сначала въ Сѣчи, затѣмъ „тулялся“ по разнымъ мѣстамъ, промышляя то ловлей рыбы, то кражей коней, пока, наконецъ, „змысливши собѣ намѣреніе бути чернцомъ [2])“, рѣшился идти въ Кіевъ. Поступивъ въ число послушниковъ Михайловскаго монастыря, онъ однако, не выдержалъ положеннаго тамъ для испытанія времени и „ утѣклъ“ въ другой—Софійскій монастырь. Нужно предполагать, что онъ явился въ монастырь съ единственною цѣлью составить здѣсь гайдамацкій загонъ и ушелъ изъ перваго потому, что не нашелъ тамъ подходящей компаніи. На новомъ мѣстѣ Подолякѣ посчастливилось: въ Софійскомъ монастырѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько бѣглецовъ изъ Польши и одного сѣчеваго козака. У нихъ тотчасъ же созрѣло намѣреніе идти въ Польшу гайдамачить. Но въ такихъ случаяхъ, для гайдамакъ было очень и очень важно, чтобы само монастырское начальство было освѣдомлено объ этомъ. Разумѣется, что не всякому начальнику сговорившіеся идти гайдамачить открывали о своихъ планахъ, но несомнѣнно въ то же время, что открывали они свои планы всякому начальнику, со стороны котораго они могли ждать не препятствій, а содѣйствія. Заручиться содѣйствіемъ со стороны монастырскаго начальства, которое могло оказать гайдамакамъ существенную помощь, было первымъ дѣломъ тѣхъ, кто собирался промѣнять покойную жизнь монастырскаго послушника на полную всякихъ опасностей кочевую жизнь гайдамака. Такъ и въ данномъ случаѣ — сговорившіеся рѣшились открыться „начальнику“ Софійскаго монастыря о. Демьяну, что

[1]) Ibid стр. 728.

[2]) Мы, по возможности, удерживаемъ правописаніе актовъ, но исправляемъ нѣкоторыя грамм. погрѣшности.

они „маютъ намѣреніе выпасти въ краи польскіе на розбой.“ О. Демьянъ отнесся къ этому въ высшей степени сочувственно: онъ благословилъ на подвигъ собравшихся идти гайдамачить и, узнавши, что ихъ немного, велѣлъ имъ собрать „большую купу“, а мѣстомъ сбора назначилъ свой монастырь. Но этого мало. Отъ о. Демьяна послѣдовала и болѣе существенная помощь. Для каждаго вновь формировавшагося отряда гайдамакъ самая первая и главная забота состояла въ томъ, чтобы запастись въ надлежащей мѣрѣ оружіемъ. Отрядамъ, которые чувствовали недостатокъ въ вооруженіи, приходилось тратить очень много времени и труда въ цѣляхъ устраненія этого недостатка и, такимъ образомъ, на-долго отвлекать свое вниманіе отъ главнаго и существеннаго. О. Демьянъ и свой отрядъ снабжаетъ оружіемъ, покупаетъ на свои деньги порохъ, олово для пуль, и даетъ съѣстное на дорогу [1]) Если такъ держало себя въ отношеніи къ гайдамацкимъ движеніямъ само монастырское начальство, то о городничихъ, имѣвшихъ передъ глазами такіе примѣры, какъ о. Демьянъ, и говорить уже нечего. На нихъ раздаются многочисленныя жалобы, что они организуютъ отряды гайдамакъ, снабжаютъ ихъ „добре“ оружіемъ, порохомъ, хлѣбомъ и „горѣлкой“ [2]).

Но участіе монаховъ кіевскихъ монастырей въ гайдамацкихъ движеніяхъ не ограничивается только составленіемъ „купъ“. Городничіе рады всякой гайдамацкой ватагѣ, зашедшей на ихъ дворъ и съ радостію удовлетворяютъ ея нужды. Если гайдамаки искали скрыться, городничій помогалъ имъ въ этомъ. Упомянутый раньше о. Гедеонъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней укрывалъ у себя въ ледникѣ гайдамацкую ватагу въ 30 душъ [3]). Если гайдамаки были голодны, — имъ предлагали обильную пищу. Однажды къ городничему села Гвоздова ночью явились гайдамаки съ просьбой накормить ихъ; „и по тому ихъ гайдамацкому прошенію, онъ, городничій, поилъ ихъ горѣлкою и давалъ имъ хлѣбъ, масла, сала и меда;“ послѣ чего, „напившись

[1]) Арх. юг. зап. Россіи, ч. III, т. 3, стр. 523, № CCLII.

[2]) Ibid стр. 692, 724 и др.

[3]) Ibid стр. 726.

довольно горѣлки", гайдамаки уходятъ въ сосѣдній монастырскій лѣсъ „безопасно." Чрезъ день они опять явились съ подобной-же просьбой и опять городничій поилъ ихъ горѣлкой и „довольстовалъ" пищей [1]). Уединенные, заброшенные въ глушь и свободные отъ какого-бы то ни было надзора со стороны польскихъ властей монастырскіе дворы зачастую служатъ для гайдамакъ сборнымъ пунктомъ, мѣстомъ отдыха. Гайдамаки любили эти дворики: здѣсь ихъ встрѣчали сочувствующіе люди; здѣсь они чувствовали себя въ полной безопасности, и потому спокойно и беззаботно они здѣсь пьютъ, танцуютъ и веселятся [2])... Городничіе, знающіе данную мѣстность во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ пришедшая со стороны гайдамацкая ватага, зачастую даютъ гайдамакамъ совѣты и направляютъ ихъ движенія въ ту или въ другую сторону [3]), при чемъ, еслибъ вдругъ надъ ватагою стряслась какая бѣда, обѣщаютъ гайдамакамъ покрыть ихъ имѣющимися подъ руками средствами [4]). Это было особенно важно для гайдамакъ, и они, въ случаѣ крайней нужды, искали спасенія у городничаго ближайшаго монастырскаго двора. Однажды при переправѣ гайдамацкой ватаги чрезъ Днѣпръ, ее настигла пограничная стража; нѣкоторыхъ изъ гайдамакъ послѣдней удалось взять, другіе-же, увильнувши, спаслись отъ ареста только тѣмъ, что бросились къ городничему села Плеское и получили отъ него паспорты [5]).

Можно было надѣяться, что организованные монахами гайдамацкіе отряды во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявятъ высшую религіозную настроенность и явятся наиболѣе послѣдовательными и неуклонными выразителями тѣхъ началъ, которыя лежали въ основѣ всего гайдамацкаго движенія; можно было надѣяться, что мы увидимъ въ нихъ исключительныхъ ревностныхъ борцовъ за права попранной и гонимой православной вѣры. Дѣйствительно, дѣятельность этихъ гайдамацкихъ отрядовъ до извѣстной степени сохра-

---

[1]) Ibid стр. 655.
[2]) Ibid стр. 686.
[3]) Ibid стр. 692—3.
[4]) Ibid стр. 692.
[5]) Ibid стр. 375, см. еще 693 стр.

няетъ такой именно характеръ. Ихъ „посылаютъ разорять „дома“ сперва и прежде всего „шляхетскіе“, затѣмъ жидовскіе“ и потомъ уже „людскіе“ [1])—какъ жалуются современные этимъ движеніямъ поляки. Ясно, противъ кого преимущественно направляли дѣятельность своихъ отрядовъ монахи,—противъ шляхты и жидовъ,—противъ первыхъ, какъ религіозныхъ, противъ вторыхъ—какъ экономическихъ притѣснителей русской народности. Гайдамаки отряда, организованнаго упомянутымъ раньше о. Демьяномъ, свои дѣйствія направляютъ преимущественно противъ уніатскихъ священниковъ и въ томъ числѣ, съ большимъ рискомъ для себя, дѣлаютъ набѣгъ на домъ уніатскаго оффиціала Примовича, одного изъ энергичнѣйшихъ ревнителей уніи, часть своей добычи они удѣляютъ на сельскія церкви, и, наконецъ, „вельми, ледве не на смерть“ наказываютъ „пилиповца“, т. е. раскольника, за то, что этотъ осмѣлился рубать дрова въ лѣсу въ праздничный день [2]). Къ сожалѣнію, такой характеръ носитъ на себѣ дѣятельность не всѣхъ гайдамацкихъ ватагъ, организованныхъ монахами. Отрядъ о. Гедеона, организованный въ предѣлахъ Польскаго государства, какъ бы не находитъ здѣсь дѣятельности для себя, и потому, переправившись чрезъ Днѣпръ, начинаетъ производить грабежи въ городахъ Нѣжинѣ и Острѣ, при чемъ потерпѣвшіе городскіе мѣщане вѣроятнѣе всего были тѣже православные. Впрочемъ, еслибы даже и не такъ, то все же дѣйствія этого отряда не могутъ быть подведены подъ понятіе борьбы съ религіозными гонителями,—это просто грабежъ безъ всякой идейной подкладки [3]). Впрочемъ, насколько мы знаемъ, это только единственный случай.

Періодъ самой усиленной дѣятельности со стороны монаховъ кіевскихъ монастырей,—дѣятельности, направленной ими къ поддержанію гайдамацкихъ движеній, падетъ на 50-е и 60-е годы XVIII ст.; затѣмъ она все слабѣетъ и слабѣетъ, такъ что уже въ 1767 г. совершенно замолкаютъ жалобы католиковъ и уніатовъ на нарушеніе со стороны монаховъ кіевскихъ мона-

[1]) Ibid стр. 724.

[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. III, т. 3, стр. 523, № CCLII.

[3]) Ibid стр. 727, № CCCXLVI.

стырей „права божественнаго, духовнаго и свѣтскаго", какъ выразился одинъ изъ жалобщиковъ [1]). Причина такого явленія лежитъ не въ томъ, что ослабѣли сами гайдамацкія движенія,— эти послѣднія продолжали развиваться; а въ томъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ, наконецъ, выступаетъ на сцену исторической дѣятельности мѣстное украинское духовенство. Впрочемъ, это, разумѣется, не помѣшало-бы монахамъ кіевскихъ монастырей по прежнему всячески содѣйствовать гайдамачеству, еслибы на томъ знамени, которое подняло мѣстное украинское духовенство, не стоялъ девизъ, съ точки зрѣнія котораго указанная дѣятельность монаховъ являлась уже чѣмъ-то нежелательнымъ и даже вреднымъ для дѣла православія въ Украйнѣ. Не нужно было быть особенно проницательнымъ для того, чтобы видѣть, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привесть гайдамачина. Все болѣе и болѣе развиваясь, это движеніе могло, наконецъ, обратиться во всеобщее возстаніе изстрадавшагося, озлобленнаго народа, вызвать дикую народную силу, которую могли подавить въ свою очередь—силою-же; а затѣмъ и народъ, и такъ горячо отстаиваемая имъ вѣра должны были-бы стать въ еще худшее положеніе. Не могли не видѣть и не понимать этого и тѣ умныя и образованныя лица, которыя въ это время стали во главѣ украинскаго духовенства, съумѣли вдохновить въ него новыя силы и энергію, поднять, собрать во едино,—мы разумѣемъ переяславльскаго епископа Гервасія и игумена мотренинскаго украинскаго монастыря—Мелхиседека Значко-Яворскаго. Эти два лица рѣшаются теперь дѣйствовать въ защиту православія другимъ путемъ: они рѣшаются начать законный, юридически правильный искъ противъ тѣхъ религіозныхъ притѣсненій, какимъ подвергались православные. „Наше дѣло", писалъ игуменъ Мелхиседекъ православнымъ жителямъ Украйны, „судомъ доходить, да терпѣніемъ" [2])— вотъ тотъ девизъ, который былъ написанъ на знамени, поднятомъ мѣстнымъ украинскимъ духовенствомъ. Но съ точки зрѣнія этого девиза гайдамацкія

[1]) Ibid стр. 692.

[2]) Арх. Юг. З. Р. Ч. I, т. 3, стр. 711 и 716.

движенія были явленіемъ скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, могущимъ только повредить дѣлу православія въ Украйнѣ. Поэтому-то мѣстная епархіальная власть особенно усердно и рѣшительно начала настаивать на томъ, чтобы никто не принималъ участія въ гайдамацкихъ движеніяхъ. Епископъ Гервасій увѣщеваетъ народъ, чтобы онъ „по прежднему своему обыкновенію своя церквы защищалъ бы, но въ бунты на своя власти и кровопролитіе никакъ бы не дерзалъ вступати, но великодушно обстояти“ [1]). „Ховайтесь, утѣкайте, ежели хто васъ гонитъ, или хощетъ взяти, а до гайдамаковъ помянутыхъ не приставайте“, писалъ игуменъ Мелхиседекъ жителямъ г. Черкасъ и м. Смѣлой, гдѣ въ 1768 г. начало замѣчаться народное движеніе, и монахамъ Мотренинскаго монастыря, „пусть весь свѣтъ знаетъ, что вы не гайдамаки, не злодѣе, не разбойники и чужой крови не проливаете“ [2]). Епархіальная власть строго слѣдила за неуклоннымъ исполненіемъ этого требованія. Въ 1767 г. въ Мотренинскій монастырь пришелъ запорожецъ Иванъ. Въ это время въ монастырѣ находились изгнанные уніатами изъ своихъ приходовъ трое православныхъ священниковъ. Запорожецъ, поживъ нѣкоторое время въ монастырѣ и присмотрѣвшись къ тогдашней жизни православныхъ, обратился къ упомянутымъ священникамъ съ такимъ предложеніемъ: „доки вы, отцы, будете тутъ сидѣти и нужду чрезъ тихъ проклятихъ унѣятовъ терпѣти? когда бъ вы минѣ написали листъ до Гарду, чтобъ голота тутъ прибула, то бъ я ихъ до Великодня (была средина великаго поста) повигонявъ, и вы бъ на Великдень паски святили“ [3]).. Одинъ изъ бывшихъ здѣсь священниковъ, посовѣтовавшись съ другими, рѣшился написать письмо въ Сѣчь, а другой священникъ началъ писать „картки“ (письма) по городамъ на „затягъ“ (на сборъ). Вѣсть о возстаніи легко и скоро облетѣла окружающія села, скоро явились и охотники вступить въ организовавшійся отрядъ. Запорожецъ отправился до о. намѣстника „дозволяться“, чтобы посреди монастыря на вербное воскресенье, когда въ монастырь

[1]) Арх. Ю. З. Р. ч. I, т. II. стр. 148.

[2]) Ibid ч. I, т. 3, №№ CXXII, CXXIII, CXXIV.

[3]) Ibid стр. 793, № CXV.L.

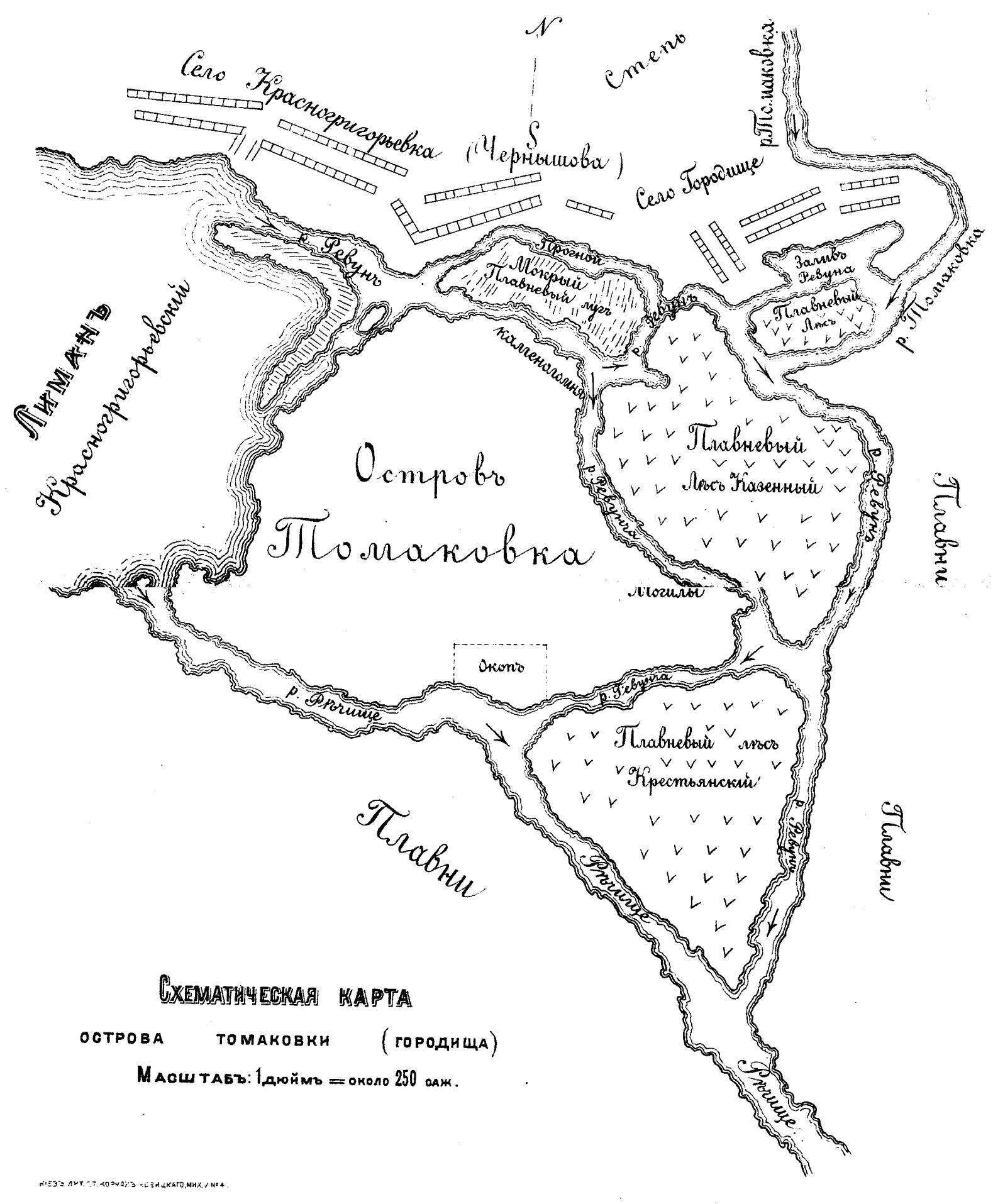
являлось множество народу, объявить о возстаніи. Но о. намѣстникъ „якъ почувъ сіе, заразъ казалъ его изъ монастыря выгнати“[1]) Тѣмъ не менѣе епархіальная власть узнала обо всемъ и тотчасъ же потребовала упомянутыхъ священниковъ къ суду.

Ясно, что при такомъ положеніи дѣла, монахи кіевскихъ монастырей volens-nolens должны были мало-по-малу отказаться отъ всякаго участія въ гайдамацкихъ движеніяхъ или, по крайней мѣрѣ, свести его до незамѣтнаго минимума.

Гр. Мов.

---

[1]) Арх. Юг. Зап. Р. Ч. I, т. III, стр. 795.



Схематическая карта

острова томаковки (городища)

Масштабъ: 1 дюймъ = около 250 саж.

Кіевъ Лит. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. 7 № 4.

Была-ли на островѣ Томаковкѣ запорожская Сѣчь?

Вопросъ о мѣстахъ Запорожскихъ сѣчей одинъ изъ тѣхъ запутанныхъ вопросовъ южнорусской исторіи, которые требуютъ пересмотра относящихся къ нимъ историческихъ свидѣтельствъ и критическаго разбора существующихъ мнѣній. Причина недостаточной обоснованности взглядовъ, высказанныхъ по данному вопросу, заключается въ неполнотѣ первоисточниковъ, представляющихъ значительные недочеты для историческаго изученія нашего края. Такіе недочеты, какъ извѣстно, прежде всего находимъ въ лѣтописныхъ хроникахъ за казацкій періодъ южнорусской исторіи, областныхъ по своему характеру и скудныхъ точными обозначеніями фактовъ, выходящихъ за предѣлы того или другого уголка Южной Руси.— Неровностями въ изложеніи фактовъ южнорусской исторіи отличаются также польскія хроники, подробно трактующія лишь о событіяхъ и фактахъ, съ которыми непосредственно соприкасался польскій элементъ, но далеко не компетентныя въ вопросахъ, связанныхъ съ географіею Южной Руси, степная часть которой для значительнаго большинства польскихъ лѣтописцевъ была совершенно невѣдомымъ краемъ. Весь край между Днѣпромъ и Бугомъ, къ югу за чертой пограничныхъ укрѣпленій, (Брацлавъ, Бѣлая Церковь, Черкасы, позже Чигиринъ и нѣсколько старыхъ мѣстечекъ въ нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губ.),—этотъ обширный край въ польскихъ хроникахъ до конца 16 вѣка обычно называется „Низомъ", на которомъ „мешкаютъ" своевольные козаки. Точныя обозначенія различныхъ мѣстностей встрѣчаются, какъ исключенія.

Кромѣ отмѣченныхъ причинъ сбивчивости относящихся къ южнорусской исторіи географическихъ данныхъ, прежде всего интересующихъ насъ въ данномъ случаѣ, вопросъ о мѣстахъ Запорожскихъ сѣчей затемненъ въ значительной степени смѣшеніемъ близкихъ по своему содержанію понятій „сѣчъ“ и „кошъ“. Только такимъ смѣшеніемъ можно объяснить то обстоятельство, что въ „Исторіи Запорожскихъ козаковъ“ князя Мыщецкаго мѣстами Запорожскихъ сѣчей названы Переволочна на Днѣпрѣ, нѣсколько ниже Кременчуга, городъ Каневъ и даже Сѣдневъ въ 30 верстахъ отъ Чернигова [1]). Изслѣдователи южнорусской исторіи отвергли эти сѣчи Мышецкаго уже потому, что названныя мѣста лежатъ значительно выше Днѣпровскихъ пороговъ и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы „Запорожскими“. Самый фактъ существованія подобной неточности представляется интереснымъ. Князь Мышецкій, военный инженеръ, получившій порученія по своей спеціальности передъ отправленіемъ на Запорожье, какъ видно изъ предисловія къ его труду, писалъ свою „Исторію Запорожскихъ козаковъ“, между прочимъ, безъ надлежащей подготовки, пользуясь преимущественно преданіями запорожцевъ безъ критическаго отношенія къ этому источнику. Лежащія выше Днѣпровскихъ пороговъ мѣста козацкихъ собраній получили у Мышецкаго названіе запорожскихъ сѣчей, правдоподобно потому, что такими слыли эти мѣста среди дававшихъ Мышецкому историческія справки запорожскихъ дѣдовъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, могли указывать на памятныя по устному преданію мѣста продолжительныхъ козацкихъ стоянокъ, т. е. козацкихъ кошей, которые могли здѣсь существовать (а въ Черкасахъ несомнѣнно существовали) еще за время единства Днѣпровскаго козачества, не давшаго еще окончательнаго развѣтвленія на козачество городовое и козачество низовое.

Пересмотръ [illegible] которые выяснили бы вопросъ о мѣстахъ всѣхъ запорожскихъ сѣчей, потребовалъ бы большей работы, чѣмъ какая теперь можетъ быть нами предпринята.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, стр. 9.

Поэтому, не разсматривая вопроса о мѣстахъ запорожскихъ сѣчей въ полномъ его объемѣ, мы изложимъ здѣсь данныя, относящіяся къ частному вопросу, была ли запорожская сѣчь на островѣ Томаковкѣ, называемомъ также Томаковскимъ городищемъ.

Имѣющіяся въ исторической литературѣ и добытыя нами въ 1888 году на мѣстѣ данныя касательно топографіи острова Томаковки представляютъ ниже слѣдующія особенности этого послѣдняго. Лежитъ о—въ Томаковка верстъ на 16 выше города Никополя, стариннаго Никитина Рога, возвышаясь, какъ огромная шапка въ плавнѣ, врѣзавшейся угломъ въ правый берегъ Днѣпра, на мѣстѣ сліянія четырехъ рѣчекъ: Рѣчища, Ревуна, Ревунчи и степной рѣчки Томаковки. Подробнѣе охарактеризуемъ о—въ словами покойнаго отца Карелина, любителя запорожскихъ древностей, помѣстившаго въ „Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей“ два очень цѣнныхъ очерка объ островахъ Хортицѣ и Томаковкѣ. Заслуживающіе вниманія труды Карелина по исторіи Запорожья, къ сожалѣнію, почти недоступны для публики, такъ какъ напечатаны только въ компактныхъ и малораспространенныхъ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

„Возвышенное и красивое положеніе о—ва, окаймленнаго деревьями и окруженнаго водою,—пишетъ о. Карелинъ въ IX-т. названныхъ записокъ—даетъ понять, что запорожцы могли свободно держаться на немъ при вторженіи враговъ. Съ восточной стороны течетъ рѣка Ревунъ, которая, принявъ въ себя Томаковку на сѣверо-восточномъ углу о—ва, омываетъ также и сѣверо-западную его сторону; южную сторону о—ва омываетъ довольно глубокая и быстрая рѣка Рѣчище, впадающая, какъ и Ревунъ, въ лиманъ, примыкающій къ острову съ западной стороны [1]). Съ южной стороны надъ Рѣчищемъ островъ довольно высокъ (до 70 саж.?), съ остальныхъ сторонъ покатъ. О—въ занимаетъ до 300 десятинъ земли. Подпочва каменистая;

[1]) Въ настоящее время западная часть о—ва омывается рѣчкой Ревунчей, раздѣляющей о—въ Томаковку и безъименный низменный о—въ, заросшій лѣсомъ. Рѣчка Ревунъ омываетъ восточный берегъ этого послѣдняго острова.

на склонахъ значительны обнаженія известняка. На южной сторонѣ о—ва находится достаточно замѣтный окопъ, съ пропусками для входа съ сѣверной стороны; валъ параллельный берегу (сѣверная линія) тянется на 120 саж., а валы съ восточной и западной сторонъ тянутся первый—на 50, второй на 30 саженей".

Къ сказанному о. Карелинымъ объ островѣ Томаковкѣ необходимо прибавить, что на южномъ берегу о—ва въ чертѣ отмѣченнаго выше окопа обращаютъ на себя вниманіе провалы крутаго берега, происходящіе, по всей вѣроятности, отъ существовавшихъ когда-то погребовъ въ этомъ мѣстѣ. Почти на самой вершинѣ о—ва находится группа кургановъ (больше десятка). Курганъ, занимающій господствующее положеніе, испорченъ небрежной раскопкой, вѣроятно, какого-нибудь кладоискателя: на вершинѣ кургана вырыта яма глубиною аршина 2, и вывороченная каменная плита поставлена бокомъ въ ямѣ кургана. Восточнѣе группы кургановъ находятся едва замѣтные слѣды стариннаго запорожскаго кладбища, на которомъ въ 1872 году о. Карелинъ видѣлъ обломки крестовъ изъ мѣстнаго известняка. (Прилагается въ концѣ статьи схематическая карта о—ва Томаковки съ прилегающими мѣстностями).

Преданія, записаннаго о. Карелинымъ относительно стоянки морскихъ судовъ, приходившихъ будто-бы къ острову за время Запорожья изъ Турціи, намъ не пришлось слышать; да такое преданіе и невѣроятно, такъ какъ суда изъ Турціи и Крыма приходили на Запорожье только за время существованія Новой Покровской сѣчи. Въ этомъ случаѣ вполнѣ возможно смѣшеніе мѣстностей въ памяти старожиловъ, слышавшихъ о прибытіи на Запорожье турецкихъ и татарскихъ сандаловъ съ восточными товарами. Такое же смѣшеніе мѣстностей произошло и въ преданіи о нападеніи крымскаго хана на запорожцевъ въ Томаковскомъ городищѣ. Засвидѣтельствовано историческими документами нападеніе крымскаго хана лишь на Старую (Сиркову) Сѣчь.

Не имѣетъ историческаго значенія также и преданіе, передаваемое старожилами сосѣдняго Томаковскому о—ву села Горо-

дища, относительно леха, закрытаго, будто бы, провалами на южной сторонѣ о—ва. Подробности преданія, приписывающія леху цѣлый рядъ входныхъ дверей, потайные ходы изъ-подъ какой то скалы и т. д., представляютъ собою бродячее преданіе о лехахъ, относимое ко многимъ извѣстнымъ въ исторіи мѣстностямъ.

Но въ ряду мѣстныхъ преданій, пріурочиваемыхъ къ Томаковскому о—ву, есть преданіе, представляющее интересъ по своему совпаденію, какъ увидимъ ниже, съ документальными историческими свидѣтельствами: это преданіе о томъ, что запорожцы на Томаковскомъ о—вѣ вырѣзали польскій отрядъ.

Если выяснять поставленный для разрѣшенія вопросъ, была ли на островѣ Томаковкѣ Запорожская Сѣчь, по даннымъ топографіи о—ва и даннымъ относящихся къ нему преданій, то прежде всего подлежитъ разсмотрѣнію окопъ въ южной части о—ва надъ Рѣчищемъ. Окопъ этотъ, по приведеннымъ выше даннымъ о его размѣрахъ, занимаетъ площадь около 2 десятинъ, представляетъ собою земляное укрѣпленіе самаго простаго устройства. Возможно ли искать слѣдовъ Запорожской Сѣчи въ этомъ окопѣ? Безспорныя мѣста запорожскихъ сѣчей, каковыя Старая Сѣчь на Чортомлыкѣ и Новая на Подпольной, представляютъ собою довольно сложныя укрѣпленія на пространствѣ свыше квадратной версты. Очевидно, что окопъ на островѣ Томаковкѣ ни по размѣрамъ, ни по своему типу не напоминаетъ укрѣпленія для помѣщенія всего низоваго запорожскаго войска. При выясненіи занимающаго насъ вопроса имѣетъ значеніе еще и то обстоятельство, что поверхность Томаковскаго о—ва представляетъ нетронутую плугомъ „одвѣчную“ цѣлину, почему нѣтъ никакого основанія предполагать исчезновенія слѣдовъ прежнихъ не только укрѣпленій, но даже какихъ бы-то ни было земляныхъ сооруженій [1]). Остатки замѣченнаго Каре-

[1]) Только въ самое послѣднее время общество крестьянъ села Городища, владѣющее островомъ, начинаетъ подъ вліяніемъ стѣсненія на земли раздумывать о томъ, чтобы завести на островѣ пахатные участки. До этого времени, сколько запомнятъ старожилы, Томаковскій островъ служилъ лишь пастбищемъ для скота, перегоняемаго сюда въ бродъ. Въ болѣе раннее время не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи о распахиваніи острова.

линымъ запорожскаго кладбища на Томаковкѣ свидѣтельствуютъ о мѣстопребываніи на островѣ запорожскихъ зимовниковъ, обитатели которыхъ обыкновенно и погребались близъ мѣстъ своего мѣстожительства. Въ топографическихъ особенностяхъ о—ва нѣтъ, такимъ образомъ, указанія на существованіе здѣсь Запорожской Сѣчи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію преданій, относимыхъ къ Томаковскому острову и представляющихъ, какъ извѣстно, значительную цѣнность при выясненіи историческихъ вопросовъ. Само собою разумѣется, что народныя преданія лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ служить источникомъ для исторіи. Томаковскія преданія представляютъ собою характерные типы преданій о старинѣ. Разбираясь въ приведенныхъ выше преданіяхъ, пріурочиваемыхъ къ Томаковскому острову, необходимо замѣтить, что записи о. Карелина о приходѣ къ Томаковскому о-ву турецкихъ и татарскихъ судовъ и о нападеніи на этотъ о-въ крымскаго хана имѣютъ значеніе случайныхъ записей изъ устъ какого нибудь старожила, разсказывавшаго о дѣйствительномъ событіи, но спутавшаго мѣсто и время событія, можетъ быть, въ стремленіи сдѣлать свой разсказъ болѣе интереснымъ. Допускаемъ это потому, что такихъ преданій не знаютъ старожилы, непосредственно соприкасающіеся съ Томаковскимъ островомъ, какъ убѣдились мы изъ двухдневнаго общенія съ мѣстнымъ населеніемъ. А между тѣмъ, относительно упомянутыхъ выше событій, если бы они относились къ Томаковскому о-ву, существовало бы именно мѣстное преданіе, какъ существуетъ, напримѣръ, передаваемое томаковскими старожилами преданіе о кровавой расправѣ на о-вѣ запорожцевъ съ поляками. Подобное преданіе не пріурочивается ни къ одной изъ сосѣднихъ мѣстностей, игравшихъ такую или иную роль въ періодъ борьбы запорожцевъ съ поляками. Перенесеніе событія съ какого либо другого мѣста не возможно въ данномъ случаѣ. Но такого основанія еще недостаточно для того, чтобы признать данное преданіе соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Необходимо еще сдѣлать справку, могла ли данная мѣстность хранить преданіе, не извращая его. Такая справка для даннаго случая оказывается бла-

гопріятною. Томаковскій островъ и его окрестности принадлежатъ къ числу мѣстностей, не остававшихся пустыми за время Запорожья. Объ этомъ свидѣтельствуетъ такой достовѣрный источникъ для исторической географіи, какъ названія урочищъ, а именно: „балка Отченашкова", урочище „Гаркушивщина", урочище „Сиркивка" и т. д. Всѣ эти урочища получили свое названіе отъ козаковъ Отченашка, Гаркуши, Сирка, сидѣвшихъ здѣсь зимовниками. Не безъинтересно, что урочище „Сиркивка" связано съ именемъ знаменитаго запорожскаго кошевого Ивана Дмитровича Сѣрка, устроителя старой, или Сѣрковой Сѣчи, доживавшаго въ своемъ зимовникѣ, въ 7 верстахъ отъ Томаковскаго острова, свои послѣдніе дни, здѣсь же и умершаго, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Самуилъ Величко [1]).

Для характеристики урочищъ на старожитныхъ запорожскихъ займищахъ, а также для характеристики отношенія мѣстнаго населенія къ преданіямъ объ этихъ урочищахъ, приводимъ здѣсь добытыя нами данныя объ урочищѣ „Сиркивкѣ". Это урочище тянется надъ протокомъ Днѣпра, широкою и глубокою рѣчкою Бугаемъ, при впаденіи въ этотъ послѣдній степной рѣчки Грушевки. „Сиркивка" занимаетъ довольно возвышенный „ригъ" (мысъ), выдавшійся въ Бугай, и сосѣднюю небольшую плавню. Мало чѣмъ отличающееся сосѣднее урочище по другую сторону рѣчки Грушевки называется „Гаркушивщиною".

— „Тутъ Сирко, а тамъ Гаркуша якийсь, Богъ его знае— сыдивъ зимовныкомъ. Черезъ те люде и звуть це мисто Сиркивкою, а те Гаркушивщиною", говорилъ сопровождавшій меня на „Сиркивку" Андрій Печерыця, старикъ „зъ запорожского колина". На Сѣрковомъ мысѣ находится одинокая значительныхъ размѣровъ могила, хорошо сохранившаяся; но мѣстные жители не знаютъ, чья это могила.—„Сирко, кажуть люде, въ Капуливци на Сичи похованый, а тутъ лежить хтось инший", объяснилъ нашъ спутникъ. По склону къ рѣчкѣ Грушевкѣ замѣтны слѣды жилья; быть можетъ, здѣсь и стояла оселя славнаго козака.—Нѣсколько въ сторонѣ отъ Сѣркового мыса по

[1]) Лѣтопись Самоила Величко, т. 2-й, стр. 497.

дорогѣ изъ Грушевки къ парому черезъ Бугай привлекаетъ вниманіе 4-хъ-угольный окопъ съ выходомъ на сѣверъ въ сторону степи; площадь окопа, по сравненію съ Томаковскимъ, огромна,— занимаетъ, повидимому, нѣсколько десятковъ десятинъ. Никакихъ преданій не знаетъ мѣстное населеніе объ этомъ окопѣ. Отмѣтимъ попутно типъ по видимому преданія, а въ сущности грубой догадки. „Кажуть стари люде, Сирко муштрувавъ тутъ запорожцивъ; одни було палять, а други ховаються". Но, кажется, такая невозможная догадка сложилась сравнительно недавно, можетъ быть, не безъ вліянія какого нибудь отставнаго солдата, внесшаго въ догадку элементъ солдатской муштры. Вблизи окопа замѣтны бурты, какіе насыпались обычно для выдѣлки селитры. Въ окопѣ, по отзывамъ, не находили никакихъ остатковъ старины. Поражаетъ путешественника полное отсутствіе у мѣстнаго населенія хоть какого нибудь преданія о славнѣйшемъ изъ запорожскихъ кошевыхъ, жившемъ здѣсь зимовникомъ, здѣсь и умершемъ въ 1681 году.

„Хочъ и зъ запорожскаго я колина, а не тутъ рожденый, то ничого й не знаю про Сирка. Наше село паньске и нема въ насъ никого, щобъ живъ тутъ зъ прадидивъ. За панщины нихто було и згадать не насміе ни про Сирка, ни про Запорожья, бо за таки згадки водыли на конюшню".

Въ этомъ ужасномъ по своей простотѣ разсказѣ Андрія Печерыци по занимающему насъ вопросу объ отношеніи населенія къ преданіямъ, найболѣе характерно то различіе, на какое онъ указалъ въ отношеніяхъ къ преданіямъ старины коренныхъ жителей края, почти исключительно находящихся въ обществахъ государственныхъ крестьянъ, и людей пришлыхъ, чужихъ для края и еще болѣе отчужденныхъ порядками крѣпостничества.

Продолжаемъ прерванную нить выясненія Томаковскихъ преданій. Непосредственно послѣ запорожцевъ на смѣну имъ въ мѣстность о—ва Томаковки явились крѣпостные крестьяне графа Чернышева, переселенные изъ слободской Украины въ началѣ настоящаго столѣтія. Близкіе по крови, по обычаямъ и по языку харьковскіе слобожане, смѣшавшись здѣсь съ абори-

генами Запорожья, явились достойными преемниками запорожскихъ преданій. При такихъ условіяхъ преемственности въ населеніи мѣстности, примыкающей къ острову Томаковкѣ, невозможно исчезновеніе преданій, какъ это случилось съ горстью пришлыхъ, не смѣшавшихся съ кореннымъ населеніемъ жителей Грушевки, вынесшихъ къ тому же крайне неблагопріятныя вліянія крѣпостного права. До какой степени сосѣднее о—ву Томаковкѣ населеніе стоитъ близко къ преданіямъ о быломъ Запорожьи, образчикомъ могутъ служить разсказы о запорожцахъ и строѣ ихъ жизни необыкновенно памятливаго старика, уже покойнаго, Ивана Недоступа, жителя примыкающаго къ Томаковскому о — ву села Красногригорьевки (Чернышевой). Многіе разсказы Недоступа извѣстны уже въ передачѣ г. Эварницкаго, въ трудѣ послѣдняго „Запорожье въ памятникахъ старины и преданіяхъ народа“. Не менѣе интересенъ и тотъ разсказъ Недоступа, какой намъ пришлось отъ него слышать. На нѣсколько вопросовъ въ перемежку о порядкахъ жизни на Запорожьи Недоступъ разсказалъ намъ:

„Передъ „руйнованямъ“ Сичи народъ такъ валомъ и валывъ на Запорожья. Утече було з-пидъ пана та й прыбижить на зимовныкъ до козака: „прыймить батьку!“—Тай жывы! спасыби тоби, що прыйшовъ“.—А той жыве молодыкомъ на зимовныку у запорожця, а якъ якый, то й жинку вывезе и зимовныкъ свій поставе, а дали й другий хто оселыться коло его. Отакъ соби було й сяде слободочка. Въ Сичъ мало хто тогди изъ утикачивъ прыстававъ“.

— „Голота не держалася по зимовныкахъ,— сиромахамъ найкраще жылося въ Сичи. Ото „голота“, що все пье та гуляе, пропье все и трохи не голымъ ходыть. Статечни козаки по слободкахъ не шанували голоты, иноди и духопелылы добре, якъ сирома зробыть яку шкоду. А въ Сичи густо було голоты, тамъ вона й право свое мала“.

— „Въ Сичи козаки жыли й годувалысь у купи; тилькы одежа своя була въ кожного. Купыть, було, сорочку, надине тай носыть, поки подере, иноди и пузомъ свитыть,—звисно голота. Якъ не було „ни жинки, ни дитей, ни худобы, то то й голота“.

— „Слобожане по паланкахъ дилылися на тяглыхъ и пишихъ. Тягли—то хозяины зъ худобою и иншимъ достаткомъ. У пишихъ не було ничого, окримъ осели, а то и осели не було у де-якихъ. Селытысь въ слободахъ никому не було заборону. Займай соби леваду, копай землянку а то и хату ставь: хочешь—хозяинуй, не хочешь—якъ хочешь."

— „Выступаючи въ походъ зъ паланокъ и зимовныковъ, коженъ самъ соби всячину постачавъ: вояцьку справу и всякий прыпасъ; тильки харчамы складалысь. Якъ не було харчей, складалысь гришмы. Грошей на харчъ треба було тогда небогато; грывна тоди була велыки гроши."

„Степы за Запорожжя булы вильни, а народу жыло мало. У одній бальци сыдыть, було, зимовныкомъ одынъ козакъ, а въ другій—другый, верстовъ за 3, або и 5. Такъ и теперъ балки звуться: Отченашкова балка—сыдивъ зимовныкомъ Отченашко, Байдакова балка—сыдивъ Байдакъ. По слободахъ тежъ було просторно: оры, сій и скотыну пасы, де хочь, абы тильки на займыщи своеи слободы. „Лисныки" и „травьянки" вже писля Запорожжя понаставали [1]).

Разсказывалъ Недоступъ и о другихъ сторонахъ козацкаго быта какъ въ Запорожской сѣчи, такъ и въ паланкахъ. Но разсказанное Недоступомъ уже извѣстно изъ „Записокъ Запорожца Коржа". Отъ Недоступа, какъ и отъ другихъ мѣстныхъ старожиловъ, я услышалъ, что населеніе Красногригорьевки и Городища большею частью, пришлое. Старые обитатели этихъ мѣстностей, по разсказу Недоступа, послѣ раздачи Запорожскихъ земель въ частное владѣніе отодвинулись дальше въ степь, верстъ на 25 по рѣчкѣ Томаковкѣ, гдѣ возникло затѣмъ громадное село Томаковка.

На вопросъ о томъ, что узналъ въ свои молодые годы памятливый и интересующійся Запорожьемъ—Недоступъ объ о-вѣ Томаковкѣ, я услышалъ то же, что было уже извѣстно изъ разсказовъ другихъ старожиловъ: на поляковъ, укрѣпившихся на о-вѣ, напали запорожцы и вырѣзали всѣхъ до одного. Къ мнѣ-

[1]) „Лисникъ"—лѣсничій, „травьянка"—полевой сторожъ.

нію о существованіи Сѣчи на Томаковскомъ о-вѣ Недоступъ относился отрицательно, хотя и прибавилъ: „не чувъ, а про те Богъ его зна". Отчетливо указывалъ Недоступъ на сѣчи только надъ Чертамлыкомъ и надъ Подпольною.

Такимъ образомъ, очищенное отъ случайныхъ измѣненій народное преданіе въ окрестностяхъ о-ва Томаковки ничего не говоритъ о существованіи сѣчи на этомъ о-вѣ.

Существенное значеніе при выясненіи занимающаго насъ вопроса, была ли запорожская сѣчь на Томаковскомъ ос-вѣ, имѣетъ также справка касательно вещественныхъ остатковъ старины, какъ на ос-вѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Извѣстно, что на мѣстахъ хотя бы и непродолжительнаго пребыванія значительной массы людей обычно остаются предметы ихъ быта, какъ то: предметы и остатки ихъ вооруженія, утвари, убранства и т. д. Мѣста, напримѣръ, безспорныхъ запорожскихъ сѣчей Старой и Покровской изобилуютъ такими остатками, какъ въ материкѣ сѣчевой территоріи, такъ и въ сосѣднихъ рѣкахъ, куда остатки старины попадаютъ путемъ размыванія береговъ въ половодье. При Старой и Покровской сѣчахъ всякое значительное волненіе рѣки выноситъ на берегъ татарскія, польскія и московскія монеты, наконечники копій, сломанныя рукоятки кинжаловъ, разнаго рода стрѣлы, металлическія пряжки и пуговицы (кгузи), щербатыя курительныя трубки (люльки), черепки битой посуды и т. д. Ничего подобнаго не наблюдается ни на Томаковскомъ ос-вѣ, ни въ его окрестностяхъ.

Обратимся теперь къ пересмотру историческихъ свидѣтельствъ о Томаковскомъ ос-вѣ. Польскій хроникеръ *Бѣльскій*, писавшій о запорожцахъ въ третьей четверти XVI в., говоритъ, что на о-вѣ Томаковкѣ проживаетъ низовыхъ козаковъ больше, чѣмъ на другихъ обширныхъ и неприступныхъ Днѣпровскихъ островахъ, прибавляя затѣмъ, что этотъ о-въ наравнѣ съ о-вами Хортицей и Коханямъ (вѣроятно Таволжанымъ) самъ по себѣ служилъ для низовыхъ козаковъ наилучшимъ укрѣпленіемъ [1]).

[1]) Kronika Bielskiego, стр 718—719.

Эрихъ Лассота, плывшій мимо Томаковскаго ос—ва въ концѣ XVI столѣтія, упоминая объ этомъ ос—вѣ [1]), умалчиваетъ о существованіи здѣсь какого-бы то ни было запорожскаго укрѣпленія. Это обстоятельство прямо указываетъ, что до конца XII вѣка на ос—вѣ Томаковкѣ мы не можемъ искать мѣста Запорожской Сѣчи. Эту Сѣчь Лассота необходимо отмѣтилъ-бы, еслибы она существовала, такъ какъ въ своемъ дневникѣ этотъ обстоятельный путешественникъ отмѣчаетъ всѣ достопримѣчательности обоихъ береговъ Днѣпра, не исключая самыхъ древнихъ валовъ и окоповъ, слѣды которыхъ сохранились до его времени. Укрывательства своего гнѣзда со стороны сопровождавшихъ Лассоту козаковъ въ данномъ случаѣ быть не могло, такъ какъ этотъ посланникъ къ Запорожцамъ, судя по его запискамъ, умѣло обставилъ себя въ путешествіи и имѣлъ возможность узнать все, что ему было нужно.

Боплань, дѣйствовавшій на Украинѣ въ четвертомъ десятилѣтіи XVII столѣтія даетъ достаточно точное топографическое описаніе Томаковскаго ос—ва, но ничего не знаетъ о существованіи Томаковской Сѣчи. Между тѣмъ Боплану Запорожская Сѣчь неизбѣжно была бы извѣстна, такъ какъ онъ спеціально былъ занятъ сооруженіемъ укрѣпленій противъ Татаръ и Запорожцевъ на украинскомъ Поднѣпровьи. Авторъ, часто соприкасавшійся съ Запорожцами, какъ видно изъ его описанія Украины, не могъ бы не упомянуть о существованіи Запорожской Сѣчи въ какомъ бы укромномъ уголкѣ она ни существовала. Молчаніе Боплана о Сѣчи на Томаковскомъ ос—вѣ равносильно свидѣтельству о несуществованіи ея до этого времени. Во второй четверти XVII вѣка, послѣ походовъ противъ Татаръ нѣсколькихъ козацкихъ предводителей изъ польскихъ пановъ, неоднократно проникавшихъ въ глубину татарскихъ владѣній, запорожскій низъ не могъ быть настолько безвѣстнымъ для польскихъ писателей, чтобы они не знали мѣста Запорожской Сѣчи. До Боплана предприняты были походы Константина Острожскаго, Дмитрія Вишневецкаго (Байды), Богдана Рожинскаго, Самуила

[1]) Путевыя записки Эриха Лассоты, Переводъ Бруна, стр. 52.

Зборовскаго и многихъ другихъ предводителей, гетмановавшихъ надъ Днѣпровскими козаками. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла не могла оставаться неизвѣстною въ Рѣчи Посполитой Запорожской Сѣчь. Ни въ какомъ случаѣ не могъ оставаться таинственной загадкой центръ запорожья—Сѣчь, послѣ казацкихъ возстаній до 30 годовъ 17 столѣтія, и притомъ возстаній, обращавшихъ на себя серьезное вниманіе правительства Рѣчи Посполитой и поддерживаемыхъ преимущественно козаками, примыкавшими къ возстаніямъ на Украинѣ изъ запорожскаго „Низа".

Къ 1648 году историческія свидѣтельства пріурочиваютъ кратковременное пребываніе на Томаковскомъ островѣ Богдана Хмельницкаго, посѣтившаго этотъ островъ по прямой дорогѣ изъ Бужинской тюрьмы. Но по тѣмъ же свидѣтельствамъ будущій гетманъ всѣхъ частей Днѣпровскаго казачества, нашелъ здѣсь не запорожскую сѣчь, а козацкій отрядъ съ атаманомъ Федоромъ Линчаемъ во главѣ, тѣмъ самымъ Линчаемъ, котораго онъ въ роли реестроваго сотника незадолго передъ этимъ усмирилъ вмѣстѣ съ другими реестровыми козаками, дѣйствовавшими за одно съ Чигиринскимъ полковникомъ Барабашемъ. Такъ какъ Богданъ Хмельницкій способствовалъ неудачѣ и послѣдовавшему затѣмъ бѣгству Линчая съ единомышленниками на Запорожье, то на Томаковскомъ о—вѣ недружелюбно встрѣтились прежніе противники, раздѣлявшіе теперь общую участь. Богданъ вмѣстѣ съ Тимошемъ—сыномъ долженъ былъ удалиться съ Томаковскаго ос—ва на Микитинъ Рогъ [1]).

Другое свидѣтельство, пріурочиваемое къ тому же Томаковскому ос—ву и тоже къ 1648 году, говоритъ о встрѣчѣ Богдана Хмельницкаго съ посломъ коронаго гетмана Иваномъ Хмелецкимъ. Свидѣтельство это, нисколько не противорѣчащее приведеному выше, существенно дополняетъ его, выясняя какъ значеніе Томаковскаго ос—ва для запорожскихъ козаковъ, такъ и взаимное отношеніе между низовыми козаками и правительствомъ Рѣчи Посполитой. Посолъ коронаго гетмана, встрѣтившись на Томаковскомъ ос—вѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, убѣждаетъ

[1]) Буцинскій о Б. Хмельницкомъ стр. 38.

его возвратиться изъ Запорожья на Украину [1]). До появленія Хмельницкаго на Томаковскомъ ос—вѣ засѣлъ неудачно возмущавшійся въ Чигиринскомъ полку Линчай съ единомышленниками. Достаточно правдоподобнымъ, поэтому, является предположеніе, что коронный гетманъ еще до бѣгства Хмельницкаго на Запорожье былъ озабоченъ удаленіемъ тѣмъ или инымъ путемъ съ „Низу“ Линчая, который вторженіемъ въ турецкіе предѣлы могъ, какъ и прежніе предводители низовыхъ козаковъ, нарушить дорого стоившій Рѣчи Посполитой миръ съ турками и татарами. По такому дѣлу коронному гетману было необходимо отправлять посла на Запорожье не иначе, какъ съ соотвѣтствующимъ важности дѣла военнымъ отрядомъ.—Попытка убѣдить Богдана Хмельницкаго возвратиться назадъ, со стороны посла короннаго гетмана, могла произойти, такимъ образомъ, случайно и оказалась недѣйствительною, что видно изъ того, что Чигиринскій сотникъ удаляется не на Украину, а на Никитинъ Рогъ къ другой группѣ низовыхъ козаковъ.

За прибытіемъ Богдана Хмельницкаго на Никитинъ Рогъ послѣдовалъ, какъ извѣстно, торжественный пріемъ его тамъ, а затѣмъ истребленіе польскаго отряда, стоявшаго лагеремъ неподалеку отъ Никитина Рога. Этотъ отрядъ правительствомъ Рѣчи Посполитой поставленъ былъ на „Низу“ для того, чтобы разгонять здѣсь „своевольныхъ“ запорожцевъ, согласно конституціи польскихъ сеймовъ и вынужденнымъ договорамъ правительства съ безпокойными запорожскими казаками, неоднократно уже угрожавшими прочности основъ въ государствѣ. Мѣстопребываніемъ польскаго отряда, слѣдившаго на „Низу“ за дѣйствіями козаковъ, весьма возможно, и былъ отмѣченный выше окопъ на Томаковскомъ ос—вѣ [2]).

---

[1]) Моногр. Б. Хмельницкій т. I., стр. 257.

[2]) Допускать эту возможность даютъ основаніе слѣдующія соображенія: историческіе документы, напечатанные въ памятникахъ, изданныхъ кіевскою коммиссіею, опредѣленно указываютъ, что Богданъ Хмельницкій зимою 1648 года, до отъѣзда въ Крымъ, находился на островѣ Буцкомъ: „Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкомъ“ пишутъ изъ Черкасъ 2 апр. 1648 года;“ (Пам. стр. 18) Хмельницкій сильно укрѣпляется палисадомъ и рвами на неприступномъ о—вѣ Буцкомъ (Пам. стр. 21) пишетъ тоже 2 апр. изъ Бара судья Подольскій; островъ же Буцкій Костомаровъ

Пересмотръ имѣющихся по занимающему насъ вопросу историческихъ свидѣтельствъ приводитъ къ заключенію, что на ос—вѣ Томаковкѣ не было Запорожской Сѣчи.

На какомъ же основаніи въ исторической литературѣ установилось мнѣніе о существованіи Запорожской Сѣчи на Томаковскомъ островѣ? Попытаемся отвѣтить на этотъ вопросъ.

Выше, въ началѣ настоящаго очерка, отмѣчены главнѣйшія неблагопріятныя условія для историческаго изученія южной Руси, именно—неполнота и недостаточная точность источниковъ относительно фактовъ вообще и географическихъ обозначеній въ частности. Къ сказанному необходимо прибавить, что въ основныхъ трудахъ по южно-русской исторіи, каковы изслѣдованія и монографіи извѣстныхъ нашихъ историковъ М. А. Максимовича, Н. И. Костомарова и В. Б. Антоновича, не отводится особаго мѣста для выясненія вопроса о мѣстахъ нахожденія Запорожскихъ Сѣчей. Отдѣльно этотъ частный вопросъ не былъ поставленъ вслѣдствіе необходимости сосредоточить работу на выясненіи болѣе важныхъ общихъ вопросовъ южнорусской исторіи при той скудости точно обслѣдованныхъ фактовъ и той массѣ самыхъ невозможныхъ вымысловъ, какіе находили мѣсто въ исторической литературѣ до работы названныхъ основателей историческаго изученія Южной Руси. Только съ этого времени началась научная разработка южнорусской исторіи, до того же даже слово „козакъ“ оставалось темнымъ и о происхожденіи козачества вмѣсто историческихъ данныхъ приводились самыя нелѣпыя сказки. Какія же данныя послужили основаніемъ для признанія острова Томаковки мѣстомъ Запорожской Сѣчи? Намъ кажется, что такимъ основаніемъ послужило отмѣченное выше сбивчивое сообщеніе Мышецкаго о мѣстахъ Запорожскихъ

называетъ Томаковскимъ. (Богданъ Хмельницкій т. I стр. 257). Нельзя не отмѣтить, что намъ не внушаетъ довѣрія сообщеніе судьи Подольскаго изъ сравнительно отдаленнаго пункта Бара, будтобы Хмельницкій строилъ на островѣ Буцкомъ „*сильное укрѣпленіе*“. Болѣе компетентнымъ кажется намъ сообщеніе неизвѣстнаго лица изъ Черкасъ, пункта связаннаго съ Днѣпровскимъ низомъ, что Хмельницкій „*сидѣлъ*“ на о—вѣ Буцкомъ. Послѣ отъѣзда Хмельницкаго въ Крымъ, хорошо защищенный природою о—въ Буцкій (Томаковку) естественно было занять польскому отряду.

сѣчей, въ спеціальномъ очеркѣ „Исторія о запорожскихъ козакахъ“, которая, на первый взглядъ, могла казаться правдивою. Въ серьезныхъ историческихъ трудахъ, для которыхъ названный трудъ Мышецкаго служилъ источникомъ, вопросъ о мѣстахъ запорожскихъ сѣчей, какъ сказано предъ этимъ, остался въ тѣни, какъ не стоявшій на очереди. Въ позднѣйшихъ же трудахъ по исторіи Запорожья сообщеніе Мышецкаго о мѣстопребываніи Сѣчи на Томаковскомъ островѣ осталось непрокритикованнымъ и принято на вѣру.

Держаться такого взгляда по данному вопросу побуждаетъ насъ то обстоятельство, что ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ источниковъ и ни въ одномъ трудѣ по южно-русской исторіи нѣтъ хронологической даты о Томаковской сѣчи. Да и трудно надѣяться, чтобы такая дата нашлась въ какомъ либо источникѣ первой руки. Запорожская Сѣчь могла существовать на Томаковскомъ островѣ лишь въ 20, 30 и началѣ 40-хъ годовъ 17 в., т. е. между временемъ гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, стоявшаго въ окопахъ близъ Хортицы на мѣстѣ, которое и въ настоящее время называется „Сагайдашне“,—и 1648 г., когда запорожское козачество подвинулось по правому берегу Днѣпра до Никитина Рога (нынѣ Никополь Екатериносл. губ.), явившагося въ этомъ году первой точкой опоры для Богдана Хмельницкаго. Только въ этотъ промежутокъ времени и могла бы существовать Томаковская сѣчь, такъ какъ Запорожское кокозачество, постепенно углубляясь въ степи, должно было обезпечить обладаніе Томаковскимъ островомъ раньше, чѣмъ оно утвердилось на болѣе южномъ пунктѣ—Никитиномъ Рогѣ. А между тѣмъ въ названный періодъ времени отъ Конашевича-Сагайдачнаго до Хмельницкаго низовое козачество частью сосредоточивалось въ сѣверной части Запорожья, близъ границъ съ Украйной, поддерживая тамъ козацкія возстанія, частію же, по свидѣтельству Боплана, въ области Великаго луга Днѣпровскаго, въ мѣстности, гдѣ находится и до-нынѣ сохранившее свое названіе озеро „Скарбне“; въ послѣднее десятилѣтіе передъ Хмельнищиною ослабленное репрессивными мѣрами польскаго прави-

тельства низовое козачество[1]), какъ свидѣтельствуютъ современники преслѣдуемое польскими отрядами, скиталось кочевыми таборами по Запорожью. Въ этотъ періодъ, очевидно, не могла существовать на островѣ Томаковкѣ какая-то безвѣстная Запорожская Сѣчь.

Остается, въ заключеніе, по мѣрѣ возможности, выяснить вопросъ, почему Томаковскій островъ называется Городищемъ; такое названіе едва-ли могло явиться въ связи съ находящимся на о—вѣ окопомъ, хотя бы и называемомъ мѣстными жителями „городкомъ". Названіе „городище" на Нижнемъ Днѣпрѣ точно такъ-же, какъ и въ другихъ южнорусскихъ мѣстностяхъ, заключаетъ въ себѣ совершенно опредѣленное понятіе о мѣстѣ, гдѣ существовало въ старину поселеніе. Такихъ городищъ насчитывается свыше десятка на Нижнемъ Днѣпрѣ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ есть указанія въ историческихъ матеріалахъ, какъ напримѣръ, въ путевыхъ запискахъ Лассоты, Освѣцима и другихъ, причемъ изъ такихъ указаній видно, что древность нѣкоторыхъ изъ нихъ опредѣляется чуть не тысячелѣтіями. Относительно же большаго числа городищъ свидѣтелемъ является лишь народное преданіе, которое не указываетъ ни времени существованія изчезнувшихъ поселеній, ни народа, основавшаго ихъ, но опредѣленно и безошибочно, какъ показали археологическія раскопки, отмѣчаетъ мѣста, гдѣ нѣкогда существовали поселенія.

Такимъ образомъ, окопъ на Томаковскомъ островѣ, называемый городкомъ, быть можетъ, сооруженъ и не запорожцами, стоявшими здѣсь кошами, и не польскимъ отрядомъ, явившимся сюда для поддержанія соотвѣтствовавшаго взглядамъ польскаго правительства порядка на Запорожьи, а, весьма возможно, уцѣлѣлъ отъ болѣе ранняго времени и только приспособленъ былъ позднѣйшими обитателями для ихъ надобностей. Козаки, въ періодъ своихъ возстаній, какъ извѣстно, подъ часъ отаборивались на мѣстахъ старыхъ городищъ („Старица" при впаденіи Сулы въ Днѣпръ при Остранинѣ).

---

[1]) Антоновичъ, Исторія Мал. Козачества. Литограф. зап. стр. 64.

Къ какому же времени можетъ быть пріурочено существованіе огражденнаго поселенія на Томаковскомъ островѣ? Вопросъ—не разрѣшимый безъ археологическихъ раскопокъ. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ изложить здѣсь нѣкоторыя соображенія по данному вопросу.

Не случайно, какъ намъ кажется, то обстоятельство, что ни на Томаковскомъ островѣ, ни въ его окрестностяхъ мѣстные жители не находили и не находятъ никакихъ остатковъ старины, нерѣдкихъ на мѣстахъ другихъ городищъ Нижняго Днѣпра, притоки котораго время отъ времени выносятъ тамъ на берегъ неопровержимыя доказательства обитаемости тѣхъ мѣстъ въ сѣдую старину.

Другое названіе Томаковскаго острова — „Городище“ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь было нѣкогда поселеніе. Но когда и что это было за поселеніе, не оставившее послѣ себя, если не считать окопа, никакихъ слѣдовъ? Одно обстоятельство дозволяетъ намъ высказать догадку по этому вопросу. Въ сосѣднемъ съ Томаковскимъ о—вомъ селѣ Городищѣ, названномъ такъ, послѣ постройки церкви въ отдѣлившейся части села Красногригорьевки, по имени о—ва Городище,—въ этомъ селѣ Городищѣ, какъ имѣли мы случай видѣть на мѣстѣ, залегаютъ марганцевыя руды. Если допустить, что древніе обработывали марганцевую руду, какъ обработывали они желѣзную изъ недалекихъ, по разстоянію, криворожскихъ рудниковъ, то существованіе поселенія особаго типа можно представить на Томаковскомъ островѣ. Здѣсь не могло быть поселенія рыболововъ или виноградарей, какъ на мѣстѣ Бѣлозерскаго городища, лежащаго нѣсколько ниже по Днѣпру надъ Бѣлымъ озеромъ; не могло быть здѣсь при 10—12-верстномъ разстояніи отъ русла Днѣпра и торговаго пункта, какимъ, напримѣръ, судя по остаткамъ древности, былъ невѣдомый намъ огромный городъ на мѣстѣ упоминаемаго у Лассоты и нынѣ хорошо извѣстнаго жителямъ села Каменки городища при Каменномъ Затонѣ на Нижнемъ же Днѣпрѣ, гдѣ и теперь еще находится много слѣдовъ обитаемости этого мѣста въ старину [1]).

[1]) Кіевская Старина за 1891 г., № 12, стр. 387.

Но, быть можетъ, въ періодъ греческой культуры на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря на о—вѣ Томаковкѣ было сравнительно небольшее поселеніе на подобіе факторіи и фортовъ европейскихъ колоній въ странахъ, занятыхъ бродячимъ населеніемъ, т. е. временное поселеніе для добыванія руды въ сосѣднихъ марганцевыхъ рудникахъ, можетъ быть, даже подъ защитой вооруженнаго отряда.

Но отъ догадки до историческаго факта—далеко. Вопросъ, какое поселеніе было въ древности на Томаковскомъ о—вѣ, можетъ быть разрѣшенъ спеціалистомъ изслѣдователемъ, котораго ожидаетъ не только островъ Томаковка, но и много другихъ отмѣченныхъ многовѣковою исторіею края мѣстъ на нижнемъ Днѣпрѣ. Таковы мѣста на правой сторонѣ Днѣпра: 1) старое городище при рѣчкѣ Тарасовкѣ вблизи Днѣпра, нѣсколько выше впаденія въ Днѣпръ рѣки Бугая, 2) городище на мѣстѣ высохшей рѣчки Дурной с. Гавриловки херсонскаго уѣзда, 3) нѣсколько ниже городище Омеловое (Мѣловое) при поселеніи этого же имени, 4) городище близъ Бирокова монастыря при оврагѣ пропастномъ, 5) городище на урочищѣ Козмакъ (Космаха), 6) остатки турецкой крѣпости Кизикерменъ, на мѣстѣ нынѣшняго Берислава, 7—8) два городища ниже Берислава въ 8 и 14 верстахъ, 9) замѣчательное городище при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Тягинки, гдѣ стоялъ великій городъ и при немъ окруженный водою трехъугольный замокъ съ круглыми башнями, 10) городище при впаденіи въ Днѣпръ рѣки Ингульца; на лѣвой сторонѣ Днѣпра находятся на мѣстѣ соединенія рѣки Конки съ Днѣпромъ, нѣсколько ниже острова Хортицы: 11) слѣды города Самыса, въ которомъ по преданію было 700 мечетей, 12) неизвѣстное городище при впаденіи въ Днѣпръ Янчикрака 13) такое же городище при устьи притока Днѣпра Карачикрака, 14) городище при устьи рѣчки Маячки, 15) какое-то городище Польчикъ, верстъ на 20 выше Каменнаго Затона, 16) городище при Каменномъ Затонѣ, 17) городище при Бѣломъ Озерѣ въ чертѣ селенія Большой Знаменки, 18) городище при Мамай-Суркѣ, мѣстности возвышающейся трезубцемъ надъ Днѣпромъ противъ старой Запорожской Сѣчи (по преданію столица

татарскаго хана Мамая), 19) городище при впаденіи въ Днѣпръ Мечетной Капри, городище какого-то большого города на мѣстѣ соединенія Конки съ Днѣпромъ, выше мѣстечка Каховки, 20) городище верстъ на 5 ниже, и 21—23) мѣста турецкихъ городовъ, Шингирея, Ослана и Тавани, въ окрестностяхъ Бериславa; послѣднія два городища на днѣпровскихъ островахъ [1]).

Здѣсь перечислены городища лишь по двумъ источникамъ: по описанію Днѣпра въ „Исторіи Мышецкаго о козакахъ запорожскихъ“ и по „Дневнику“ Эриха Лассоты [2]). Возможно, что изслѣдователь спеціалистъ еще не одно городище укажетъ на дивномъ по остаткамъ древности нижнемъ Днѣпрѣ.

Л. Падалка.

---

[1]) Длинный рядъ городищъ на Нижнемъ Днѣпрѣ заключаетъ въ себѣ 24. городища на возвышенномъ мысѣ между Днѣпромъ и Бѣлымъ озеромъ, ниже Херсона. Городище это, обстоятельно изслѣдованное Г. Л. Скадовскимъ, составило предметъ и до настоящаго времени не появившагося, къ сожалѣнію, въ печати сообщенія послѣднему археологическому съѣзду въ Москвѣ.

[2]) Мышецкій, насколько намъ удалось ознакомиться съ топографіей Нижняго Днѣпра, въ этой части своего труда такъ же точенъ, какъ и примѣрный по точности Лассота.

КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ АФ. ВАС. МАРКОВИЧѢ.

Посвященныя воспоминаніямъ объ Афанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ двѣ статьи, появившіяся въ Кіевской Старинѣ 1892 г. № 9 и 1893 г. № 4, побуждаютъ меня сказать нѣсколько словъ въ дополненіе къ этимъ воспоминаніямъ.

Упоминая о занятіяхъ А. В. Марковича музыкою малорусскихъ пѣсенъ, авторъ статьи: „Памяти А. В. Марковича", напечатанной въ Кіевской Старинѣ прошлаго года, г. А. Л., говоритъ, что ничего изъ этихъ занятій не вышло и что хотя имъ были поставлены въ Черниговѣ на сцену „Наталка-Полтавка" и „Чары", причемъ знатоки говорили, что исполненіе музыкальной части въ этихъ операткахъ представлялось верхомъ совершенства, но музыка поставленныхъ А. В. Марковичемъ оперетокъ не сохранилась: партитура писалась наскоро, на листочкахъ, которые потомъ безслѣдно растерялись. По поводу этого надо замѣтить, что листочки, которыхъ не сберегло черниговское общество, не растерялись въ Новгородсѣверскѣ: полная партитура „Наталки-Полтавки" въ томъ видѣ, какъ ставилъ эту оперетку А. В. Марковичъ въ Новгородсѣверскѣ, сохранилась у бывшаго учителя Новгородсѣверской гимназіи А. И. А—га, который послѣ самъ ставилъ по ней „Наталку-Полтавку" и который, какъ намъ передавали, бережетъ эту партитуру какъ драгоцѣнность, очень желалъ-бы, чтобъ она сдѣлалась общественнымъ достояніемъ, и потому былъ-бы радъ еслибъ нашелся издатель для нея.

Вышло-ли что нибудь изъ другихъ занятій А. В. Марковича малорусскими пѣснями—представляется не вполнѣ яснымъ

но мнѣ кажется, что къ этому вопросу имѣетъ нѣкоторое отношеніе одно обстоятельство, о которомъ упомяну ниже.

Авторъ другой статьи объ А. В. Марковичѣ, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ, Д. В. Марковичъ, разсказывая о томъ, что въ Новгородсѣверскѣ дядя его во время прогулокъ своихъ всегда былъ окруженъ гимназистами старшихъ классовъ, прибавляетъ, что пусть сами гимназисты, имена которыхъ появляются теперь подъ статьями, помѣщаемыми въ Кіевской Старинѣ, скажутъ о томъ, что имъ говорилъ тогда Афанасій Васильевичъ. Повидимому, почтенный авторъ считалъ меня однимъ изъ тѣхъ, которые тогда гуляли съ А. В. Марковичемъ по Новгородсѣверску, а теперь сотрудничаютъ въ Кіевской Старинѣ, и если это дѣйствительно такъ, то онъ ошибся. Я окончилъ Новгородсѣверскую гимназію и поступилъ въ Московскій университетъ (лѣтомъ 1861 года) передъ тѣмъ, какъ А. В. Марковичъ сталъ пріѣзжать въ Новгородсѣверскъ и затѣмъ на нѣкоторое время поселился въ немъ. Познакомиться съ Афанасіемъ Васильевичемъ мнѣ пришлось гораздо позже, уже передъ смертью его.

Но если я не былъ въ числѣ тѣхъ гимназистовъ, которые окружали А. В. Марковича во время прогулокъ его въ Новгородсѣверскѣ, за то я много слышалъ о немъ отъ тѣхъ, которые тогда ходили съ нимъ. Это были мои пріятели, которые, годомъ позже меня окончивъ гимназію и пріѣхавъ въ Москву, привезли мнѣ восторженные разсказы объ Афанасіи Васильевичѣ. Въ особенности много и часто говорилъ мнѣ о немъ жившій вмѣстѣ со мною на квартирѣ, даровитѣйшій изъ товарищей моей молодости Василій Николаевичъ Гуковъ, который впослѣдствіи очень непродолжительное время былъ учителемъ словесности въ Полтавской гимназіи и который, начавъ страдать чахоткою еще въ университетѣ, умеръ черезъ два года по окончаніи университетскаго курса. Съ завѣтною мечтою—посвятить всего себя изученію Малороссіи, онъ вслѣдствіе подкосившей его болѣзни ничего не успѣлъ сдѣлать, кромѣ того только, что доставилъ нѣсколько собранныхъ имъ малорусскихъ пѣсенъ въ богатое собраніе О. М. Бодянскаго, неизвѣстно гдѣ

въ настоящее время находящееся. Часто вспоминая вдали отъ родины о Новгородсѣверскѣ, онъ въ воспоминаніяхъ этихъ больше всего дорожилъ двумя людьми, передъ которыми преклонялся, которыхъ чтилъ выше всѣхъ; это были—Ѳ. Л. Метлинскій, о которомъ мы говорили въ статьѣ: „Къ столѣтію Новгородсѣверской гимназіи [1]), и А. В. Марковичъ.

Изъ разсказовъ Гукова и другихъ товарищей я составилъ себѣ представленіе объ А. В. Марковичѣ, какъ о горячемъ энтузіастѣ, страшномъ любителѣ, знатокѣ и собирателѣ малорусскихъ пѣсенъ, вполнѣ сохранившемъ юношескій жаръ сердца, всецѣло преданномъ интересамъ народа и обладавшемъ необыкновенною способностью увлекать другихъ тѣмъ, чѣмъ самъ онъ былъ увлеченъ; это былъ, какъ можно было судить по разсказамъ, человѣкъ, по натурѣ своей какъ бы созданный для пропаганды того, во что онъ вѣровалъ, что любилъ. Тоже самое впослѣдствіи, посѣщая Новгородсѣверскъ, я слышалъ тамъ отъ другихъ лицъ, которые помнили и вспоминали А. В. Марковича.

Я не скажу, чтобы до пріѣзда А. В. Марковича въ Новгородсѣверскъ тамъ не было никакихъ проявленій любви къ родинѣ, чтобы только съ его пріѣздомъ вошло въ употребленіе исполненіе малорусскихъ пѣсенъ. Еще не слышавши имени Афанасія Васильевича, мы любили свои пѣсни, знали наизусть многія стихотворенія Шевченка и плакали, когда до насъ дошла вѣсть о смерти его, съ нетерпѣніемъ ожидали выхода „Основы“ и стали зачитываться ею, когда она начала выходить. Раньше чѣмъ А. В Марковичъ сталъ бывать въ Новговодсѣверскѣ, тамъ на сценѣ, устроенной въ гимназической залѣ, былъ сыгранъ почти весь малороссійскій репертуаръ того времени. Тотъ самый Кулжинскій, который, по словамъ Д. М. Марковича, запрещалъ гимназистамъ бывать у Афанасія Васильевича и который сталъ поступать еще круче, сдѣлавшись директоромъ Полтавской гимназіи, въ первые годы своего директорства въ Новгородсѣверскѣ, подъ вліяніемъ вѣяній того времени вообще и подчиняясь авторитету Ѳ. Л. Метлинскаго въ част-

[1]) Кіевская Старина за 1888 г., № 9.

ности, былъ однимъ изъ либеральнѣйшихъ директоровъ и не только терпѣлъ, а самъ поощрялъ такія вещи, которыя послѣ сдѣлались уже немыслимыми. Въ то время гимназисты высшихъ классовъ по вечерамъ въ извѣстные дни сходились въ гимназіи на литературныя бесѣды и чтенія, причемъ иногда читались малорусскія произведенія. Еще болѣе занимали гимназистовъ спектакли, которые ежегодно въ теченіе масляной недѣли устраивались въ гимназической залѣ и которые собирали не только все новгородсѣверское общество, а и много пріѣзжей публики. Въ этихъ спектакляхъ участвовали не только ученики, но и учителя гимназіи и уѣзднаго училища, между которыми было нѣсколько очень даровитыхъ актеровъ, какъ Ѳ. Л. Метлинскій (въ малорусскихъ роляхъ), Н. Л. Монуйловичъ, Котляровъ. Многія пьесы были съиграны исключительно учениками, исполнявшими какъ мужскія, такъ и женскія роли, причемъ и пишущему эти строки пришлось впервые выступить на сцену въ женской роли. Теперь одна прежняя „Наталка-Полтавка“ служитъ гдѣ-то на Кавказѣ, а другая отростила себѣ солидную бороду и дѣйствуетъ въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго. Гимназисты, подъ руководствомъ учителя рисованія, расписывали декораціи и занавѣсы; изъ гимназистовъ же состоялъ оркестръ, въ которомъ было нѣсколько талантливыхъ музыкантовъ. Исполненіе музыкальной части въ пьесахъ, какъ разсказывали намъ люди, имѣвшіе возможность сравнивать, во многомъ уступало тому исполненію, которое послѣ было при А. В. Марковичѣ, но лучшаго исполненія Новгородсѣверскъ до тѣхъ поръ не видѣлъ. Особенный интересъ, какъ въ публикѣ, такъ и среди учащейся молодежи, возбуждали малорусскія піесы, которыя были поставлены Ѳ. Л. Метлинскимъ. Никогда не изгладится въ моей памяти воспоминаніе о первомъ представленіи „Наталки Полтавки“, бывшемъ, кажется, въ 1858 г. Родные звуки и мотивы, впервые услышанные со сцены въ той самой залѣ, въ которой передъ тѣмъ мы привыкли слышать сердитый голосъ инспектора О. А. Самчевскаго и въ которой учились маршировать подъ командой капрала Никиты, произвели на всѣхъ насъ необычайно сильное впечатлѣніе; отъ во-

сторга хотѣлось плакать, слушая эти мотивы. За „Наталкою-Полтавкою“ послѣдовали „Сватанье на Гончаривци“, „Шельменко волостный писарь“, „Шельменко деньщикъ“, „Москаль-чаривникъ“ и проч. Пѣсни, которыя исполнялись во всѣхъ этихъ піесахъ, вслѣдъ за тѣмъ дѣлались общимъ достояніемъ: ихъ распѣвала вся гимназія.

Но хотя не А. В. Марковичу принадлежала первая иниціатива пробужденія среди воспитанниковъ въ Новгородсѣверской гимназіи любви къ родинѣ, тѣмъ не менѣе, какъ можно судить по разсказамъ извѣстныхъ мнѣ лицъ, онъ очень много сдѣлалъ, ожививши своимъ появленіемъ новгородсѣверское общество и въ высшей степени усиливъ тѣ симпатіи и стремленія, которыя раньше были пробуждены Ѳ. Л. Метлинскимъ, а во многихъ—ихъ впервые заронивши. Любившій Малороссію такъ же горячо, какъ и А. В. Марковичъ, но всегда серьезный, вдумчивый и сдержанный, притомъ не обладавшій такими музыкальными способностями, какими одаренъ былъ А. В. Марковичъ, Ѳ. Л. Метлинскій вращался почти исключительно среди учителей и гимназистовъ, рѣдко посѣщалъ кого нибудь и былъ вполнѣ откровененъ только съ очень немногими, а на дамское общество почти не обращалъ вниманія. Я зналъ многихъ, которые любили его горячо и беззавѣтно, но для того, чтобъ полюбить его такимъ образомъ, нужно было хорошо присмотрѣться къ нему, нужно было узнать его. Марковичъ-же производилъ на людей обаяніе сразу, съ первой встрѣчи; у него всегда душа была на распашку, съ нимъ каждый могъ чувствовать себя такъ же свободно, какъ съ товарищемъ; его скоро узналъ весь городъ, имъ восторгались барыни, онъ такъ любилъ говорить, такъ легко воодушевлялся; онъ именно обладалъ той способностью, которая можетъ едва тлѣющую искру раздуть въ пожаръ, растопить ледъ, расшевелить и взволновать тѣхъ, которые казались неспособными ни къ какому движенію, ни къ какому чувству. Понятно, что вліяніе такого человѣка на воспріимчивыхъ людей, и въ особенности на молодежь, могло быть громадно.

И до сихъ поръ объ А. В. Марковичѣ, точно также какъ и о Ѳ. Л. Метлинскомъ, въ Новгородсѣверскѣ сохраняется жи-

вая память, и теперь, благодаря въ значительной степени А. В. Марковичу, тамъ знаютъ очень много малорусскихъ пѣсенъ, любятъ ихъ и хорошо исполняютъ.

О пѣсняхъ я хотѣлъ сказать еще одно слово. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1866 года, когда я еще не покидалъ Москвы, жившій тамъ-же Михаилъ Матвѣевичъ Лазаревскій, получивъ изъ Парижа отъ проживавшей тамъ жены А. В. Марковича, извѣстной подъ псевдонимомъ Марка-Вочка, сборникъ малорусскихъ пѣсенъ съ нотами для исходатайствованія разрѣшенія цензуры и собираясь въ то время куда-то уѣзжать изъ Москвы, поручилъ мнѣ этотъ сборникъ для представленія въ цензуру. Исполняя это порученіе, я представилъ сборникъ въ московскій цензурный комитетъ, получилъ разрѣшеніе цензуры, съ которымъ и возвратилъ его Михаилу Матвѣевичу, когда онъ вернулся въ Москву. Сборникъ этотъ предполагалось выпустить въ восьми выпускахъ, изъ которыхъ вышелъ только одинъ, заключающій въ себѣ 25 пѣсенъ съ нотами для пѣнія и аккомпанимента на фортепіано и носящій слѣдующее заглавіе: „Двисти украинськихъ писень. Спивы и слова зибравъ Марко Вовчокъ, у ноты завивъ Эдуардъ Мертке. Властность и выданне Ритеръ-Бидерманна, Лейпцигъ и Винтертуръ“. Я не встрѣчалъ въ печати отзывовъ объ этомъ сборникѣ, но отъ знатоковъ музыки слышалъ, что Мертке, которому, какъ иностранцу, совсѣмъ незнакомому съ нашими пѣснями, были совершенно чужды украинскія мелодіи, своею аранжировкою совершенно испортилъ музыку пѣсенъ.

Въ слѣдующемъ 1867 году мнѣ пришлось въ первый и послѣдній разъ увидѣться съ А. В. Марковичемъ, когда я лѣтомъ на одинъ день пріѣзжалъ въ Черниговъ, гдѣ нашелъ А. В—ча въ городской больницѣ, но не въ больничныхъ палатахъ, а въ боковомъ флигелькѣ, предназначенномъ, кажется, для квартиръ служащихъ въ больницѣ. Къ сожалѣнію, я не могу теперь вспомнить, говорили ли мы съ нимъ что нибудь о томъ сборникѣ пѣсенъ, который я представлялъ въ цензуру. Я былъ тогда слишкомъ пораженъ болѣзнью А. В. Марковича: ѣдучи въ Черниговъ, я вовсе не зналъ объ этой болѣзни, думалъ увидѣть его здоровымъ и бодрымъ, а вмѣсто того засталъ его близкимъ

къ смерти. И онъ самъ заговорилъ о скорой смерти, когда, познакомивши меня съ навѣстившей его М. А. Загорской, завелъ рѣчь о томъ, что, можетъ быть, когда его не будетъ, судьба приведетъ меня гдѣ нибудь встрѣтиться съ нею и быть полезнымъ ей въ чемъ-нибудь. Помню, что, не смотря на болѣзнь и слабость, онъ очень много говорилъ и по временамъ такъ оживлялся, что, слушая его, можно было забыть о его болѣзни. Помню, что когда я нѣсколько разъ собирался уходить отъ него, онъ все не хотѣлъ отпускать меня отъ себя, причемъ опять напоминалъ, что вѣдь больше мы уже не будемъ видѣться... Пришедши къ нему днемъ, я съ крайне тяжелымъ чувствомъ ушелъ отъ него поздно вечеромъ и въ ту-же ночь уѣхалъ изъ Чернигова, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того услышалъ, что А. В. Марковича уже не стало.

Зная изъ разсказовъ многихъ лицъ о томъ, что А. В. Марковичъ занимался собираніемъ пѣсенъ и мотивовъ, я, услышавши отъ Мих. М. Лазаревскаго о сборникѣ пѣсенъ, полученномъ имъ отъ М. А. Марковичъ, былъ увѣренъ, что сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ пѣсни, собранныя Афанасіемъ Васильевичемъ. Помнится мнѣ, я и слышалъ отъ упомянутаго выше В. Н. Гукова, что А. В. Марковичъ передалъ своей супругѣ собранныя имъ пѣсни съ мотивами, подобно тому, какъ свое собраніе пословицъ онъ передалъ М. Т. Симонову, писавшему подъ псевдонимомъ Номиса, причемъ эта передача объяснялась тѣмъ, что самъ Афанасій Васильевичъ жилъ въ уѣздномъ городкѣ, далекомъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ можно какъ издавать книги и ноты, такъ и отыскивать для нихъ издателей; и кромѣ того, заграницею, гдѣ въ то время находилась М. А. Марковичъ, печатаніе нотъ обходилось дешевле, чѣмъ въ Россіи; но я не могу сказать съ увѣренностью, высказывалъ ли Гуковъ только свои предположенія, или говорилъ объ этомъ, какъ о фактѣ, извѣстномъ ему изъ какихъ нибудь источниковъ. Въ виду сказаннаго, я не безъ удивленія въ полученномъ отъ Мих. М. Лазаревскаго сборникѣ увидѣлъ, что пѣсни и мотивы значились собранными Маркомъ Вовчкомъ и, что имени А. В. Марковича, какъ собирателя, вовсе не упоминалось. Вспомни-

лось по этому поводу и то, что еще въ сборникѣ южнорусскихъ пѣсенъ, изданномъ Амвросіемъ Лук. Метлинскимъ, было помѣщено много пѣсенъ, которыя значились собранными „М. А. Маркевичевою". Сборникъ этотъ вышелъ въ 1854 году, когда Афанасій Васильевичъ жилъ въ ссылкѣ въ Орлѣ, а Марья Александровна, только что вышедши за него замужъ, какъ говорятъ, еще не бывала въ Малороссіи; это было тогда, когда съ именъ лицъ, участвовавшихъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, еще не была снята опала, что и заставляло ихъ, появляясь въ литературѣ, скрывать свои дѣйствительныя имена подъ именами вымышленными или чужими.

Гдѣ и когда М. А. Марковичъ успѣвала собирать упомянутые пѣсни и мотивы—представляется въ такой же степени загадочнымъ, какъ и то, какимъ образомъ она, будучи великороссіянкою и не живши прежде въ Малороссіи, послѣ выхода замужъ за Афанасія Васильевича, вдругъ сдѣлалась украинскою писательницею, съ первыхъ своихъ произведеній обратившею на себя вниманіе критики, какъ вѣрнымъ изображеніемъ малорусскаго народнаго быта, такъ и прекраснымъ украинскимъ языкомъ, о которомъ редакція „Основы" писала, что „нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжола Божа, выпывъ найкращу росу изъ квитокъ нашои мовы" [1]),—о которомъ П. А. Кулишъ говорилъ: „заслуга Марка Вовчка въ тому, що винъ перенявъ одъ народу его щиру мову, якъ переймають писню, и заговорывъ до насъ такъ, якъ самъ народъ говорыть промижъ себе: не мале и се дило, и не богато есть на свити людей, котори зможуть вымовытысь такъ пысьмомъ, якъ мижъ простымъ народомъ говорыть найрозумнійша людына, найнижнише серце, найчистша душа; такіи оповидання, якъ Вовчкови, станутця съ часомъ основою словесности нашои народнеи" [2]),—и который, наконецъ, разумѣлъ Т. Г. Шевченко, когда, по словамъ И. С. Тургенева, на вопросъ его, какого автора ему слѣдуетъ читать,

---

[1]) Основа 1861 г., № 4, „Отъ редакціи", стр. 33.

[2]) „Народни оповидання Марка Вовчка", изданіе Кулиша 1858 г., „Слово одъ издателя", стр. IX.

чтобъ поскорѣе выучиться малороссійскому языку, съ живостью отвѣтилъ: „Марка Вовчка! онъ одинъ владѣетъ нашей рѣчью“ [1]).

Покойный А. В. Марковичъ никому не выдалъ тайны такихъ необычайно блестящихъ успѣховъ своей супруги въ изученіи незнакомой ей раньше украинской народной жизни и въ усвоеніи себѣ того языка, которымъ въ ея мялорусскихъ сочиненіяхъ восхищались Кулишъ и Шевченко; и какъ бы для усиленія эффекта этой тайны, со времени смерти А. В. Марковича, послѣдовавшей болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, до настоящихъ дней, къ тому, что при жизни его было выпущено въ свѣтъ на малорусскомъ языкѣ съ подписью Марка Вовчка, больше уже не прибавилось ни одной строчки.... Тайну эту могла бы повѣдать та, которая по всѣмъ видимостямъ своею литературною славою, какъ украинской писательницы, въ значительной степени обязана А. В. Марковичу. Хотѣлось бы думать, что она отзовется на эти вопросы и сомнѣнія и, въ дополненіе къ появившимся въ печати воспоминаніямъ о дорогомъ ей, человѣкѣ прибавитъ свое слово, которое могла бы ей подсказать благодарная память.

Н. Ш—въ.

[1]) „Кобзарь зъ додаткомъ споминокъ про Шевченка писателивъ Тургенева и Полонского“, стр. VI.

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА.

Нѣжинскій уѣздъ.

Въ наше время, съ расширеніемъ изъ года въ годъ желѣзнодорожной сѣти и съ развитіемъ большихъ административныхъ центровъ, почти исчезли глухіе деревенскіе уголки, населеніе которыхъ росло, старилось и умирало, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ особенности своего быта. Легкость передвиженія съ мѣста на мѣсто и значительный спросъ на черноробочую силу въ городахъ, главнымъ образомъ, обусловливаютъ исчезновеніе этихъ особенностей потому, что съ возвращеніемъ домой ходившихъ въ отхожіе промыслы, въ самые уединенные поселки проникаютъ заимствованныя на чужой сторонѣ бытовыя особенности. Съ каждымъ годомъ сельскій бытъ различныхъ мѣстностей Малороссіи пріобрѣтаетъ все болѣе единообразный характеръ, вслѣдствіе обмѣннаго позаимствованія. Эта нивеллировка касается какъ внутренней, такъ и внѣшней стороны жизни нашего села. Современному этнографу зачастую бываетъ нелегко отскоблить изъ-подъ амальгамы чуждыхъ вліяній характерныя національныя особенности населенія данной мѣстности, остатки типичной старины. Народное творчество, обычаи, обряды, домашній бытъ, одежда—все подверглось воздѣйствію неумолимаго рока, ломающаго, сглаживающаго и создающаго все новыя и новыя формы. Много этнографическаго матеріала спасено отъ гибели и сдѣлалось достояніемъ науки, благодаря усиліямъ трудолюбивыхъ собирателей, но нѣкоторыя старинныя особенности сельскаго быта остаются неизучен-

ными во всѣхъ подробностяхъ по недостатку собраннаго матеріала, а между тѣмъ время идетъ, и онѣ все болѣе исчезаютъ. Къ менѣе обслѣдованнымъ сторонамъ сельскаго быта принадлежитъ и народная одежда, а между тѣмъ ея наиболѣе касается рука времени, вслѣдствіе сильнаго роста обрабатывающей промышленности и наводненія самыхъ глухихъ рынковъ ея продуктами. Было время, когда обыватели уединенныхъ малороссійскихъ хуторовъ ни за какія деньги не могли бы достать продуктовъ фабричнаго производства и поневолѣ довольствовались собственными издѣліями; теперь же нѣтъ ни одного самаго маленькаго мѣстечка, не говоря уже объ уѣздныхъ городахъ, гдѣ бы не было временныхъ „крамовъ“, во время ярмарокъ и базаровъ, а то и постоянныхъ, въ которыхъ можно достать дешевый, хотя и непрочный, матеріалъ для одежды, а то и „готовое платье“. Это и обусловливаетъ главное отличіе современной сельской одежды отъ старинной: прежде весь необходимый для нея матеріалъ изготовлялся дома, и хотя обходился, быть можетъ, дороже, если принять во вниманіе трудъ отдѣльнаго лица и отсутствіе раздѣленія труда, но за то былъ изумительно проченъ; теперь же все необходимое крестьянину предлагаютъ ему въ изобиліи и съ большимъ разнообразіемъ фабрики, дающія матеріалъ, бьющій въ глаза, но непрочный.

Украинская народная одежда сравнительно подробно описана Головацкимъ и Чубинскимъ въ ихъ трудахъ—„о народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и сѣверо-восточной Венгріи“ (Спб. 1877, и въ предисловіи къ I-му тому „народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“ Москва, 1878) и въ VII т. ч. 2 „Трудовъ И. Г. О“. (Малороссы Юго-западнаго края, стр. 412—433. Спб. 1873). Матеріалы для послѣдняго труда были собраны въ предѣлахъ Юго-западнаго края, отчасти на западной окраинѣ полтавской губерніи, и только четыре раза упоминается мелькомъ черниговская губернія (стр. 413, 422, 425, 428). Но, конечно, эти общія описанія одежды не дѣлаютъ излишними болѣе подробныхъ наблюденій во всѣхъ уголкахъ, гдѣ разселены Малороссы, такъ какъ даже на сравнительно недалекихъ разстоя-

ніяхъ могутъ быть различныя особенности и неотмѣченныя подробности народной одежды.

Не задаваясь широкими задачами обработки всего собраннаго уже по интересующему насъ вопросу матеріала и собранія новыхъ данныхъ по всей обширной территоріи разселенія малорусскаго племени, мы хотимъ внесть маленькую лепту въ общую сокровищницу изученія внѣшняго быта нашего села, ограничиваясь пока описаніемъ народной одежды на территоріи небольшой административной единицы нѣжинскаго уѣзда черниговской губерніи. Мы опишемъ современную одежду сельскаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ этого уѣзда и укажемъ затѣмъ на сохранившіяся по-нынѣ принадлежности старинной мѣстной одежды. Быть можетъ, наша попытка дастъ охоту и другимъ заняться тѣмъ-же.

Такъ какъ особенности народной одежды находятся въ зависимости отъ условій климатическихъ и почвенныхъ, а отсюда и отъ занятій жителей, то прежде всего мы приведемъ нѣкоторыя данныя объ этомъ, сдѣлавши извлеченія изъ „статистико-экономическаго описанія“ нѣжинскаго уѣзда, составленнаго въ 1880 году А. А. Русовымъ.

Нѣжинскій уѣздъ лежитъ между 50°,37½′ и 51°,24′ сѣверной широты и 49°2′ и 49°55′ восточной долготы. Уѣздъ, обмежеванный пограничными линіями, имѣетъ форму паралелограмма, болѣе длинныя стороны котораго тянутся съ СЗС. на ЮВЮ. Наибольшая длина уѣзда по діагонали этого паралелограмма, идущей отъ с. Хибаловки у р. Десны, чрезъ м. Веркіевку, г. Нѣжинъ и м. Макіевку—80 верстъ; ширина въ разныхъ мѣстахъ доходитъ до 40, 50 и даже 55 верстъ. Находится онъ въ южной части черниговской губерніи и окруженъ—козелецкимъ, черниговскимъ, сосницкимъ и борзенскимъ уѣздами этой губерніи, на югѣ же граничитъ съ полтавскою губерніею (прилуцкимъ уѣздомъ).

Общій видъ мѣстности нѣжинскаго уѣзда разнообразится не столько повышеніями и пониженіями почвы, сколько большею или меньшею скученностью лѣсной растительности и людскихъ построекъ. Если провести кривую линію съ востока на

западъ, начавъ ее отъ с. Заудайки, черезъ с. Андреевку, с. Дорогинку, с. Талалаевку и далѣе черезъ сѣверный край м. Носовки, то мы можемъ раздѣлить весь уѣздъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ большую, сѣверную, можно назвать *лѣсистою*, а южную—*степною*.—Сѣверная часть уѣзда представляетъ нѣсколько большее разнообразіе въ топографическомъ отношеніи и ее можно раздѣлить на нѣсколько мѣстностей, отличающихся другъ отъ друга въ этомъ отношеніи. Это будетъ два—три болѣе возвышенныя пространства земель, обращенныхъ въ распаханныя поля, и три—четыре площади низовъ, по большей части болотистыхъ и заросшихъ лѣсомъ. Въ южной части уѣзда, если исключить Заудайскіе лѣса, покрывающіе все пространство, принадлежащее нѣжинскому уѣзду за р. Удаемъ, ландшафтъ имѣетъ совершенно иной видъ: унылой степи, среди которой, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, вы не встрѣтите ни лѣса, ни холмистой поверхности, ни рѣчки. Пейзажъ разнообразится только купами вербъ, обозначающими положеніе того или другаго поселенія, да *журавлями* у колодцевъ, которыхъ на всемъ пространствѣ уѣзда на югъ отъ м. Носовки, с. Володьковой Дѣвицы и с. Безугловки, можно насчитать болѣе ста. Самый видъ поселеній въ южной части нѣсколько иной: заборовъ и плетней, отдѣляющихъ усадьбы, а иногда и *гноянки* селъ сѣверной части уѣзда, здѣсь уже почти не видно. *Коворотовъ*, т. е. воротъ, которыми запираются выходныя улицы изъ села для охраненія полей отъ свиней и другихъ домашнихъ животныхъ, нѣтъ и помину. Границею одного двора отъ другаго въ такихъ удаленныхъ отъ лѣсовъ мѣстностяхъ, какъ с. Лосиновка, с. Шатура и д. Калиновка, служатъ канавки съ насыпями около нихъ, на которыхъ часто нѣтъ даже и посаженныхъ вербъ; насыпи эти въ Лосиновкѣ, напримѣръ, обкладываются нѣсколькими слоями навоза и истлѣвшей соломы, которые замѣняютъ огорожу. Самыя постройки значительно хуже, такъ какъ онѣ дѣлаются тутъ, за недостаткомъ хорошаго строеваго лѣса, и изъ вербъ, и изъ очерету.

Что касается состава почвы уѣзда, то по составу и свойствамъ своимъ она представляетъ гораздо болѣе разнообразія,

чѣмъ по формѣ поверхности. На пространствѣ уѣзда можно встрѣтить всевозможныя почвы, отъ летучаго песку до твердаго глинистаго чернозему. Черноземъ не имѣетъ повсюду однихъ и тѣхъ-же свойствъ, и его можно подраздѣлить на два сорта: 1) глинистый вязкій или *тучный черноземъ*, по цвѣту темный, съ небольшою примѣсью кремнистыхъ частицъ и 2) болѣе песчаный, рыхлый, *обыкновенный черноземъ*, по цвѣту нѣсколько болѣе свѣтлый или сѣрый; что же касается сѣрой земли, то она можетъ быть подраздѣлена на 1) *сѣропесчаную* или супесчаную землю, въ основѣ песчанаго происхожденія, но съ большимъ запасомъ чернозема, 2) *чистопесчаную* съ незначительнымъ количествомъ перегноя и, наконецъ, 3) черноземно-*суглинистую* почву, встрѣчающуюся въ сѣверной части уѣзда.

Различное качество позволяетъ воздѣлывать различныя сельско-хозяйственныя растенія. На унавоженныхъ поляхъ на всемъ пространствѣ уѣзда сѣютъ коноплю, ячмень, просо, рыжей, рапсъ, табакъ, картофель, фасоль, лукъ, ленъ, иногда пшеницу, и безъ навоза, преимущественно въ южной части уѣзда, рожь.

Естественныя условія мѣстности, занимаемой Нѣжинскимъ уѣздомъ, обусловливаютъ занятія ея обитателей. Главнымъ средствомъ для существованія жителей уѣзда служитъ земледѣльческая промышленность въ разныхъ ея видахъ. Охотничьи рыболовные, лѣсные, и болѣе оспеціализированные, такъ называемые, „кустарные“, промыслы составляютъ исключеніе. Изъ занятій, которыя въ силу мѣстныхъ условій захватываютъ сравнительно большія массы населенія, можно назвать еще пожалуй рыболовство, распилку лѣсныхъ матеріаловъ, плотническое ремесло, колесничество, плетеніе изъ лозы и соломы, собираніе *муравьиныхъ подушекъ*, гуртоправство и извозъ. Кромѣ названныхъ занятій, есть, конечно, и представители многихъ другихъ формъ перерабатывающей промышленности въ видѣ *одиночекъ ремесленниковъ*. Если классифицировать сельскія ремесла по большей или меньшей необходимости того или другаго ремесла для домашняго быта, то, конечно, на первомъ мѣстѣ будутъ стоять плотники и кровельщики, ткачи и портные, кушниры и

шаповалы, чимбары и сапожники, линники и горшечники, бондари, колесники и кузнецы; затѣмъ уже пойдутъ печники и колодезники, столяры, рѣзчики разнаго рода, какъ напримѣръ: ложечники, образники и бердники, лимари, слесари и мѣдники, наконецъ, набойщики и красильщики, булочники и мясники, шорники и живописцы.

Кромѣ того, несмотря на значительное плодородіе почвы уѣзда и на довольно значительное развитіе земледѣльческой и перерабатывающей промышленности, все таки извѣстная часть населенія уѣзда ищетъ себѣ заработковъ на сторонѣ въ *отхожихъ промыслахъ*. На далекіе заработки „въ Таврію", т. е. въ южныя губерніи, и „на Донъ", отчасти на сахарные заводы кіевской и подольской губерній, идутъ больше всего изъ сѣверной части уѣзда. Изъ поселеній степной части вообще уходятъ мало, хотя изъ м. Макіевки, с. Ровчака, д. Степановки, д. Татаровки и др. почему-то любятъ отправляться въ Кіевъ, гдѣ пріискиваютъ себѣ мѣста дворниковъ, водовозовъ, кучеровъ и поваровъ.

Разспросы во всѣхъ большихъ поселеніяхъ нѣжинскаго уѣзда, съ попыткою опредѣлить цифрою число тѣхъ или другихъ ремесленниковъ, показали, что въ сельскомъ населеніи больше всего рукъ мѣстныхъ жителей занимаютъ ремесла плотницкое, кравецкое (портняжное) и швецкое (сапожное). Чимбарей и кушнировъ, несмотря на сильно развитое овцеводство, составляющее для жителей с. Липова Рога и с. Березанки предметъ особаго барышничества, въ уѣздѣ почти нѣтъ. Чинятъ овечьи шкурки вездѣ почти нахожіе изъ калужской и тульской (въ м. Мринѣ) губерній ремесленники, поселяющіеся на зиму въ извѣстныхъ населенію пунктахъ. Нѣтъ также и горшечниковъ, за отсутствіемъ глины, годной для подѣлокъ. Сукна валить жители нѣжинскаго уѣзда отдаютъ по „дуркамъ" на валюшни переяславскаго уѣзда, расположенныя по Днѣпру, кожи—„по биркамъ" въ Нѣжинъ и другія мѣста. Южная часть уѣзда всѣ деревянныя подѣлки покупаетъ или въ городѣ, или на ярмаркахъ, на которыя лопаты, бочки, берда, гребни, решета, иконы и т. п. привозятъ изъ сосницкаго и черниговъ-

скаго уѣздовъ. Въ послѣдніе годы, съ усиленіемъ привоза фабричныхъ произведеній,—ситцы, пояса, картузы, ремни, гребни, керосинъ и др. предметы домашняго обихода стали входить въ большее употребленіе у населенія. Покупая ихъ въ Нѣжинѣ и на ярмаркахъ, оно еще болѣе оспеціализировалось на главномъ своемъ занятіи—земледѣліи и скотоводствѣ. Въ виду этого бытъ населенія нѣжинскаго уѣзда можно назвать по преимуществу земледѣльческимъ. Примѣнительно къ особенностямъ этого быта, одежда сельскаго населенія нѣжинскаго уѣзда, широкая—грубая, сшитая частью изъ продуктовъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго производства, частью изъ покупнаго.

Мы сдѣлаемъ попытку описать во всѣхъ подробностяхъ эту одежду по личнымъ наблюденіямъ въ различныхъ мѣстностяхъ уѣзда, а также по доставленнымъ намъ нѣкоторыми представителями мѣстной интеллигенціи описаніямъ мѣстной одежды въ с. Смолянкѣ, с. Дроздовкѣ, с. Дремайловкѣ (сѣверъ), м. Веркіевкѣ, м. Мринѣ, с. Талалаевкѣ (средина), с. Лосиновкѣ и м. Монастырищѣ (югъ). Сначала мы опишемъ части одежды, сперва мужской, потомъ женской, общія различнымъ мѣстностямъ уѣзда, какъ по покрою, такъ и по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы, отмѣтивши нѣкоторыя особенности одежды сѣверной и южной части уѣзда, и затѣмъ укажемъ сохранившіяся принадлежности старинной одежды, а также случаи вліянія городскаго костюма на сельскій.

Во всемъ уѣздѣ мужчины носятъ короткія сорочки изъ грубаго пеньковаго или льнянаго холста собственнаго издѣлія, съ отложнымъ воротникомъ, пришитымъ къ сборкамъ, который обыкновенно подвязываютъ пестрымъ ситцевымъ платкомъ или же гаруснымъ шарфомъ. Иногда украшаютъ обшлага рукавовъ и наплечья *мережками*, а *комняръ* (воротникъ) вышиваютъ *заполочью* по узорамъ, называемымъ *сухарики*, *заступци*, *сливки*, *гапличекъ*, *гусяче око*, *макивки*, *карточки* и т. п. Сорочка обыкновенно запускается въ широчайшіе шаровары съ *матней* въ ходу ниже колѣнъ и *крисломъ* (прорѣхой) сзади изъ набиваннаго въ клѣточки или въ полоски домашняго полотна, *выбойки*, *крашенины*—для будней, и изъ фабричныхъ матерій—для празд-

никовъ, стянутые на поясницѣ или поясомъ, или въ сборки на *очкурѣ*, продѣтый въ зарубленный верхній край шароваръ; впрочемъ въ послѣднее время стали носить и по буднямъ *набираные* (изъ покупной матеріи) шаровары—черные, сѣрые, коричневые, въ особенности молодежь. Поверхъ сорочки надѣваютъ обыкновенно жилетъ изъ покупной матеріи или сукна, преимущественно синяго, со стоячимъ воротникомъ и съ металлическими пуговицами до самой шеи. Зимой жилетъ часто замѣняютъ *куфайкой*, т. е. жилетомъ съ рукавами изъ *шведской матеріи*, *бумазеи*, *чертовой кожи*, съ металлическими пуговицами, или безрукавкой, сшитой въ талію, со сборками при таліи.

Верхней одеждой служатъ свитка, чимерка, кожухъ и кирея.

Свитка и чимерка имѣютъ одинаковый покрой въ талію съ густо-собранными сборками при поясницѣ, со стоячими воротниками и застежками до верху; только свитка дѣлается изъ домашняго сукна, чернаго, коричневаго и сѣраго, а чимерка изъ черкасину. Кожухи шьются изъ бѣлыхъ недубленыхъ овчинъ домашней чиньбы съ небольшими стоячими барашковыми воротниками и съ обшитыми барашкомъ рукавами и карманами, *до усовъ* и *до толбы*. Кожухъ *до усовъ* шьется съ двумя складками сзади, съ боковъ у поясницы, *до толбы*—съ едва замѣтнымъ перехватомъ, въ талію, но безъ складокъ. Болѣе состоятельные имѣютъ кожухи для праздниковъ, покрытые или черкасиномъ, или синимъ сукномъ. Кирея, *кобинякъ*, или широкій армякъ не въ талію, охабень, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ или съ *кобкой*, *богородицей*, шьется изъ толстаго домашняго сукна и надѣвается поверхъ кожуха или свитки.

Верхняя одежда опоясывается обыкновенно полушерстянымъ поясомъ. Поясъ покупной, цвѣта преимущественно краснаго или зеленаго.

Обувью служатъ *чоботы* изъ *юхты* и *шкапыны*, широкіе, съ *пидборами* (каблуки), густо подбитыми большими желѣзными гвоздями. Покупается только *товаръ*, а шьютъ дома мѣстные

шевци. Въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, лѣтомъ носятъ *постолы*, или лапти, плетеные изъ липоваго лыка.

Большую часть года мужчины носятъ теплыя цилиндрическія невысокія шапки изъ шкурокъ ягнятъ, подбитыя иногда козьимъ мѣхомъ или просто ватой на стеганой подкладкѣ, но сами не шьютъ, а покупаютъ готовыя въ лавкахъ, лѣтомъ носятъ преимущественно войлочные и соломенные *брыли* (круглыя шляпы съ широкими полями и закругленными тульями) собственнаго издѣлія, а въ сѣверной части уѣзда, кромѣ того, *яломки*, имѣющіе форму усѣченнаго конуса, изъ толстаго коричневаго домашняго войлока, съ двойными бѣлыми войлочными же покупными тульями. Изрѣдка попадается и картузъ, въ особенности среди молодежи.

Въ болѣе глухихъ мѣстностяхъ сѣверной части уѣзда (с. Смолянка, с. Орловка, с. Стодолы) сохранилась старинная верхняя одежда *жупанъ*, изъ болѣе тонкаго чернаго сукна, имѣющій форму сюртука, но только съ нѣсколькими складками сзади у поясницы. Въ м. Веркіевкѣ замѣчается нѣкоторое возвращеніе къ старинѣ—вмѣсто сорочекъ съ отложными воротниками, пришитыми къ сборкамъ, начинаютъ опять носить сорочки съ маленькими стоячими воротниками, пришитыми къ гладкой спинѣ, вышитыми у *парубковъ* собственноручно заполочью и чернымъ шелкомъ. Въ южной части уѣзда (м. Монастырище, с. Галица) до семидесятыхъ годовъ мужчины носили лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, длинныя до пятокъ сорочки, а мальчики до 15 лѣтъ все лѣто ходили въ однихъ длинныхъ сорочкахъ безъ шароваръ; кромѣ того, кобинякъ былъ обязательной принадлежностью повседневной одежды круглый годъ; парубокъ не смѣлъ являться на улицу безъ кобиняка. Въ с. Лосиновкѣ сохранилось отъ старины оригинальное завязываніе шеи *хусткой* изъ бѣлаго, тонкаго льнянаго самодѣльнаго холста съ протканными продольными полосками изъ красной бумаги, которой повязываютъ шею поверхъ свитки или кожуха всѣ мужчины, начиная съ подростковъ.

Что касается вліянія городскаго костюма на сельскій, то оно особенно замѣчается въ поселеніяхъ, расположенныхъ на

почтовомъ трактѣ между г. Черниговомъ и г. Нѣжиномъ: появился „спинжакъ", который шьется изъ бумажной, сѣрой или черной матеріи и носится преимущественно лѣтомъ, какъ болѣе легкая одежда при полевыхъ работахъ; пойти же въ пиджакѣ въ церковь или въ общественное собраніе, или явиться къ кому нибудь изъ начальства считается неприличнымъ.

Женская одежда значительно разнообразнѣе мужеской. Она также изготовляется частью изъ домашнихъ издѣлій, но, главнымъ образомъ, изъ покупнаго матеріала. Держась прежняго порядка, мы опишемъ современную женскую одежду, съ указаніемъ на нѣкоторыя различія въ сѣверной и южной части уѣзда, а затѣмъ отмѣтимъ сохранившіяся части старинной одежды, а также случаи вліянія города на село.

Женщины носятъ длинныя ниже колѣнъ сорочки изъ домашняго полотна, покрой которыхъ очень простъ: два длинные отрѣзка полотна сшиваются по бокамъ, сверху по краямъ пришиваются *полики* (наплечья) изъ прямоугольныхъ кусковъ и потомъ вшиваются сборчатые рукава, въ праздничныхъ сорочкахъ изъ покупнаго полотна; образовавшійся широкій прямоугольный вырѣзъдля ворота собирается по краямъ въ сборки и обшивается узкой вышитой полоской полотна или простой лавочной тесьмой. Рукава и полики всегда расшиты, а въ болѣе нарядныхъ сорочкахъ и *помережаны*. Вышивка дѣлается безъ канвы, прямо по полотну, преимущественно бѣлыми нитками гладью, иногда и красными. Работа вышивокъ очень тонкая и красивая. Узоры своеобразные малорусскіе, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ прямыхъ линій. Рукавъ возлѣ плеча обыкновенно вышивается поперекъ какимъ-нибудь широкимъ узоромъ, а отъ него идутъ вышитыя полосы вдоль рукава, иногда же этихъ послѣднихъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ вышиваются отдѣльные небольшіе разбросанные по рукаву рисунки, преимущественно цвѣтовъ, ягодъ и т. п. Узоры *мережки* очень разнообразны—*метеликъ*, *прутикъ*, *двогольная*, *трогольная* и т. д.; но въ нихъ такъ-же, какъ и въ вышивкахъ, преобладаютъ прямыя линіи. Подолъ (*подолки*) сорочки бываютъ всегда помережаны.

Поверхъ сорочки въ будни подвязывается *запаска*, состоящая изъ двухъ прямоугольныхъ кусковъ шерстяной матеріи собственнаго издѣлія, сзади чернаго цвѣта, спереди синяго. Задній кусокъ имѣетъ около одного аршина длины и около трехъ-четвертей аршина ширины, передній нѣсколько короче и уже. Куски эти плотно облегаютъ тѣло и стягиваются на поясницѣ краснымъ гаруснымъ самодѣльнымъ поясомъ. Въ праздники подвязывается *плахта*, состоящая или изъ узкой полосы толстой шерстяной ткани шириною въ $^1/_2$ аршина, длиною около 5 аршинъ, перегнутой вдвое и сшитой съ одного краю отъ сгиба до половины, причемъ несшитые концы поднимаютъ и подтыкаютъ подъ поясъ, или изъ одного куска шириною около одного-аршина, длиною около 4 аршинъ, разрѣзаннаго съ одного конца до половины и тоже перегнутаго вдвое, такъ что книзу опускается три конца—по верхъ-сорочки болѣе широкій, а сверху его два узкіе. Такъ какъ плахта не обхватываетъ всего тѣла, то спереди подвязывается узкій и короткій передникъ, *попередница*, изъ синей или бѣлой шерстяной ткани, вышитый внизу заполочью. Клѣтчатую ткань для плахтъ приготовляютъ особыя мастерицы изъ домашнихъ, окрашенныхъ въ разныя цвѣта, шерстяныхъ нитокъ и вышиваютъ иногда клѣтки разноцвѣтнымъ гарусомъ. Замужнія женщины могутъ носить плахты повседневно, для дѣвушекъ же это считается неприличнымъ, и онѣ носятъ ихъ только по праздникамъ, идя *до церквы* и *на улыцю*. Въ нѣкоторыхъ селахъ средней части уѣзда (с. Дремайловка, с. Заньки) дѣвушки носятъ по праздникамъ цвѣтныя запаски изъ покупнаго фабричнаго краснаго, зеленаго, синяго и голубаго, полусукна.

Поверхъ сорочки лѣтомъ надѣвается *корсетка* (безрукавка), сзади въ талію, съ тремя, пятью, семью и болѣе складками у поясницы отъ вставныхъ клиньевъ, *усы*, *хвосты*, у дѣвушекъ преимущественно изъ красного съ цвѣтами или *горошкового* (съ крапинками) кумача, у женщинъ—изъ простаго или кубоваго ситца темныхъ цвѣтовъ. Въ холодную погоду поверхъ корсетки надѣвается *юпка*. По своему покрою и по матеріалу она похожа на корсетку, но гораздо длиннѣе послѣдней, шьется съ рукавами

и часто на ватѣ. Зимой верхнюю одежду составляютъ *свитки* и *кожушанки*. Свитка тоже, что и юпка, но шьется изъ бѣлаго домашняго толстаго сукна. Кожушанка похожа покроемъ на свитку, шьется изъ бараньяго мѣху и покрывается какою-либо темной матеріей.

Обувью служатъ зимою юфтовые *чоботы*, лѣтомъ такіе-же *черевики*.

Что касается женскаго головного убора, то дѣвушки завязываютъ платокъ на головѣ такъ, что темя остается открытымъ; въ волосы, заплетенные въ одну косу, вплетаютъ разноцвѣтные длинные *косники* (ленты); сверхъ платка, въ праздники надѣваютъ вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ цвѣтовъ, „*матерьянка*“, или изъ живыхъ цвѣтовъ. Замужнія женщины скручиваютъ волосы въ одну прядь, не заплетая, и укладываютъ ихъ подъ *очипокъ* (чепецъ) изъ парчи, кумачу и цвѣтного ситца-пике, „*серветяного ситцу*“, на холщевой подкладкѣ—у молодыхъ, и просто изъ двойнаго холста—у пожилыхъ. Поверхъ очипка повязывается платокъ такъ, что очипка не видно. Пойти куда-либо въ одномъ очипкѣ безъ платка считается неприличнымъ. Платки покупаются обыкновенно *прохоровскіе*, *бордусовы*, т. е. черные съ цвѣтными полями, *каемками* и *карасировы*, т. е. красные шерстяные. На шею и замужнія женщины и дѣвушки надѣваютъ *намисто*.

Различіе въ женской одеждѣ сѣверной и южной части уѣзда то, что на сѣверѣ носятъ плахты изъ двухъ узкихъ полосъ, а также покупныя, на югѣ исключительно только изъ одного широкаго куска.

Въ женской одеждѣ сохранилось болѣе остатковъ старинной мѣстной одежды, чѣмъ въ мужеской. Хотя рѣдко, но можно еще видѣть юпку съ пелеринкой изъ зеленой байки, съ нашивными хвостиками изъ краснаго гаруса. Кое-гдѣ богатыя старухи облекаются зимой въ праздникъ въ длинные до пятокъ *шушуны*, въ родѣ халата, безъ перехвата въ талію, но съ двумя усами на заднихъ боковыхъ швахъ, суконные—лѣтомъ и изъ бараньяго мѣха, обязательно покрытые синимъ сукномъ—зимой, съ пелеринками, покрытыми парчей или желтымъ сукномъ (лѣтомъ),

или мелкимъ чернымъ барашкомъ (зимой), а голову обвязываютъ бѣлой *намиткой* собственнаго издѣлія. Намитка похожа на длинное узкое полотенце изъ тонкой льняной ткани, на подобіе марли; ею обвязываютъ голову такъ, какъ и платкомъ, а длинные концы опускаютъ ниже поясницы, такъ что ихъ развѣваетъ вѣтеръ. Иногда намитка прикалывается къ платку, въ видѣ фаты. Встрѣчаются еще случаи ношенія *сапьянцивъ*, красныхъ сапогъ на высокихъ каблукахъ. Дѣвушки привѣшиваютъ иногда къ намисту *дукачи* (родъ медаліоновъ).

Въ поселеніяхъ, расположенныхъ по почтовому тракту, идущему изъ Чернигова въ Прилуки, въ послѣднее время замѣчается значительное вліяніе городского костюма на сельскій. Запаску и плахту начинаетъ вытѣснять ситцевая *сподница*. На праздничныхъ сподницахъ нашиваютъ для украшенія снизу понѣсколько широкихъ полосъ темной шерстяной матеріи или чернаго бархату. Вышивки на сорочкахъ тоже измѣнились. Вышиваютъ уже не прямо по полотну, а по канвѣ, красной и черной бумагой. Узоры уже не своего изобрѣтенія, какъ прежде, а заимствованные изъ печатныхъ сборниковъ—крупные цвѣты, бытовыя картинки и т. п., въ общемъ выходитъ гораздо грубѣе, чѣмъ прежде.

Настоящее описаніе народной одежды въ нѣжинскомъ уѣздѣ черниговской губерніи составлено на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ теченіе 1890 года.

Н. Степовой.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА.

Иванъ Андреевичъ Полетика былъ сыномъ бунчуковаго товарища лубенскаго полка и младшимъ братомъ Григорія Андр., котораго біографія напечатана въ „Кіевской Старинѣ“ 1891 г. [1]). Онъ родился въ г. Ромнахъ въ 1726 г. и былъ годомъ моложе брата; первоначальное образованіе получилъ въ кіевской академіи, но, желая изучать медицину, поѣхалъ по окончаніи курса, на средства своего отца, заграницу и поступилъ въ медицинскую академію г. Киля въ Голштиніи. Тамъ онъ пробылъ 4 года; въ 1750 году пріѣхалъ въ Петербургъ и просилъ принять его въ с.-петербургскій генеральный сухопутный госпиталь (нынѣшняя клиника при медицинской академіи). 31 декабря 1750 г. онъ былъ принятъ туда подлѣкаремъ и въ госпитальной школѣ слушалъ лекціи профессоровъ Шрейбера, фонъ-Меллена и Унгебауера. Не прошло года, какъ онъ снова поѣхалъ заграницу и продолжалъ учиться сначала въ Кильской академіи, а потомъ въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ медицинскій факультетъ пользовался высокой репутаціей, потому что въ немъ читалъ лекціи знаменитый, но въ то время уже умершій, докторъ Бургаавъ (Boerhaav).—Здѣсь въ 1754 г., 27 іюня, онъ получилъ докторскій дипломъ, напечатавъ и защитивъ диссертацію о наслѣдственныхъ болѣзняхъ (De morbis haereditariis).

Замѣтимъ здѣсь, что въ одно время съ нимъ, но по другому факультету, слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ его двоюродный братъ Григ. Иван. Полетика, бывшій впослѣдствіи долгое время совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ

[1]) № 4, стр. 97—116.

въ царствованіе императора Іосифа II. Въ этомъ видѣнъ характеръ временъ Петра Великаго, заставлявшій любознательныхъ и достаточныхъ людей искать высшаго образованія заграницей. Для способныхъ малороссіянъ это было не очень трудно, потому что въ Кіевской академіи хорошо преподавались классическіе языки, особенно необходимые въ то время для изученія наукъ.—Прибавимъ еще, что духовные лица и медики пользовались въ малороссійскомъ обществѣ такимъ же уваженіемъ, какъ и казацкія старшины.

Получивъ дипломъ, И. А. Полетика отправился опять въ Киль, и въ томъ же 1754 году тамошняя медицинская академія избрала его въ свои профессоры; избраніе это было утверждено герцогомъ шлезвигъ-голштейнскимъ и наслѣдникомъ русскаго престола Петромъ Феодоровичемъ (впослѣдствіи императоромъ Петромъ III). И такъ, Полетикѣ досталась честь первому изъ русскихъ быть профессоромъ въ нѣмецкой академіи.

Два года занималъ онъ профессорскую каѳедру, но, соскучившись по родинѣ, исходатайствовалъ себѣ увольненіе, возвратился въ 1756 г. въ Петербургъ и просилъ медицинскую канцелярію о разрѣшеніи ему частной практики и объ опредѣленіи опять въ главный сухопутный госпиталь. Для дозволенія практики закономъ требовался особый экзаменъ въ Россіи, но такъ какъ Полетика имѣлъ уже докторскій дипломъ и званіе профессора, то бывшій тогда архіатеромъ (т. е. директоромъ медицинской канцеляріи) Павелъ Захаровичъ Кондоиди придумалъ устроить въ медицинской канцеляріи ученый разговоръ съ нимъ о медицинѣ и ея частяхъ, который должны были вести профессоръ Шрейберъ и докторъ морскаго флота Синопеусъ въ присутствіи самого Кондоиди.

Разговоръ происходилъ 11 сентября 1756 г., послѣ чего тотчасъ же подписанъ былъ одобрительный аттестатъ съ разрѣшеніемъ практики въ имперіи и съ назначеніемъ младшимъ докторомъ въ тотъ же сухопутный госпиталь. На этомъ мѣстѣ онъ не оставался и трехъ недѣль. Тогда началось участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ, и старшій докторъ госпиталя Унгебауеръ назначенъ былъ 30 сентября генералъ-штабъ-докторомъ

въ армію генералъ-фельдмаршала графа Апраксина, а на вакантное мѣсто старшимъ докторомъ опредѣленъ Полетика. Такимъ образомъ онъ опять первымъ изъ русскихъ получилъ въ управленіе большой госпиталь. Онъ тогда только что достигъ 30-лѣтняго возраста.

На этомъ мѣстѣ Иванъ Андр. оставался съ небольшимъ три года. По словамъ проф. Чистовича [1]), въ клиникѣ до настоящаго времени (1883 г.) существуютъ два памятника заботливости его о госпиталѣ, а именно: по его старанію построены были 7 деревянныхъ барачныхъ корпусовъ во 2 отдѣленіи госпиталя, занятые больными въ концѣ 1759 г., и разведенъ въ 1758 г. ботаническій садъ съ большимъ прудомъ и теплицами, который остается и нынѣ между медико-хирургической академіей, клиникой и больницею Вилье. Онъ управлялъ госпиталемъ согласно съ правилами Высочайше утвержденнаго въ 1735 г. регламента, т. е. совмѣщалъ въ себѣ все управленіе. Это соотвѣтствовало его личному характеру, но вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживало и питало его недостатки. Онъ былъ крайне самолюбивъ, вспыльчивъ и упрямъ, и на первыхъ же порахъ поссорился съ военнымъ инспекторомъ госпиталя, генералъ-лейтенантомъ барономъ фонъ-Вертерномъ; это вызвало непріятную переписку между военной коллегіей и медицинской канцеляріей, свидѣтельствующую, что генералъ былъ неправъ, но что и Полетика не имѣлъ способности мирнымъ образомъ улаживать встрѣчающіяся затрудненія и препятствія,—поэтому, онъ трудно уживался и съ ближайшими своими сослуживцами. Помощникомъ ему въ управленіи былъ главный лекарь Степанъ Венечанскій, такой же упрямый и непокорный въ правотѣ своей малороссъ; ссоры между ними были чуть не ежедневныя и явно нарушали ходъ дѣлъ въ госпиталѣ. Онѣ доходили до архіатера, и Кондоиди не разъ мирилъ ихъ, но наконецъ убѣдился, что эти два человѣка не могутъ уживаться на одномъ мѣстѣ. Кондоиди жалѣлъ Полетику, какъ ученаго, и способнаго профессора въ госпитальной школѣ, однакожъ вынужденъ былъ дать ему

[1]) См. Исторію медицинскихъ школъ въ Россіи, приложеніе, стр. CCLIX.

другое назначеніе. Постановленіемъ медицинской канцеляріи отъ 31 дек. 1759 г. онъ былъ переведенъ докторомъ въ с. петербургскую дивизію генералъ-аншефа Ал. Ив. Шувалова.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ И. А. Полетика женился на воспитанницѣ П. З. Кондоиди, турчанкѣ, попавшей въ плѣнъ ребенкомъ при взятіи фельдмаршаломъ Минихомъ Очакова въ 1739 г. Она была разрознена съ своимъ семействомъ, и потому взята на воспитаніе Кондоиди, занимавшимъ въ то время должность генералъ-штабъ-доктора при арміи Миниха. Лѣтомъ 1761 г. Полетика въ первый разъ могъ получить отпускъ на четыре мѣсяца и поѣхалъ съ женою въ Ромны, гдѣ былъ его отецъ. При этомъ медицинская канцелярія поручила ему набрать изъ кіевской академіи и малороссійскихъ коллегій до 50, а если можно то и до 100 студентовъ для госпитальныхъ школъ, обѣщая студентамъ по 10 руб. для проѣзда до Москвы и Петербурга. Полетика исполнилъ это порученіе, набравши 55 учениковъ, а въ благодарность за это съ него не вычли жалованья за все время отпуска.

Вѣроятно вслѣдствіе этой поѣздки онъуспѣлъ хорошо познакомиться съ положеніемъ карантиновъ, устроенныхъ въ то время въ Малороссіи, и съ условіями медицинской службы на нихъ. Послѣ войны фельдмаршаловъ Миниха и Ласси съ турками, въ южной Россіи стала появляться чума, потребовавшая большаго распространенія карантинныхъ заставъ на турецкой и польской границахъ. Въ Малороссіи было шесть карантиновъ, изъ которыхъ главный былъ въ г. Васильковѣ, гдѣ жилъ карантинный докторъ. Польская граница проходила тогда у самаго этого города, который поэтому и назывался форпостомъ. Содержаніе карантина назначалось изъ кіевской губернской канцеляріи, а карантинный домъ, существовавшій съ 1740 г., отдавался на откупъ частнымъ лицамъ. За постой въ карантинѣ бралось съ каждаго человѣка по копѣйкѣ въ сутки, а съ вола или лошади по одной деньгѣ. При заставѣ находилась военная и таможенная стража.

Кондоиди умеръ въ 1760 г., и медицинскою канцеляріею началъ управлять бывшій его помощникъ докторъ Лерхе, не

любившій всѣхъ русскихъ и въ особенности Полетику, какъ ученаго и правдиваго человѣка. Къ концу 1763 г. очистилась ваканція карантиннаго доктора въ Васильковѣ, и Полетика сталъ проситься на это мѣсто, что и было охотно исполнено докторомъ Лерхе, желавшимъ удалить его изъ Петербурга. Въ тоже время произошла реформа въ русскомъ медицинскомъ управленіи. Указомъ императрицы Екатерины II отъ 12 ноября 1763 г. учреждена медицинская коллегія, по образцу коллегій, существовавшихъ по другимъ частямъ администраціи; прежняя канцелярія пресоединена къ коллегіи въ видѣ 2-го хозяйственнаго ея департамента. Президентомъ коллегіи назначенъ баронъ Ал. Ив. Черкасовъ, выбранный императрицею по его отличному образованію и по знакомству съ медицинскими науками.

Въ ноябрѣ 1763 г. Полетика выѣхалъ изъ Петербурга и только въ мартѣ слѣдующаго года принялъ на себя управленіе карантиномъ. Немедленно послѣ того у него начался споръ съ откупщикомъ о способахъ очищенія товаровъ. Докторъ говорилъ, что на основаніи карантинной инструкціи, утвержденной сенатомъ 22 февраля 1755 г., товары должно провѣтривать и для того, въ случаѣ надобности, распаковывать и развѣшивать на воздухѣ; откупщикъ и чиновники настаивали на томъ, что нужно довольствоваться прикладываніемъ печатей къ каждому мѣсту, не распаковывая его, чтобы не терялся таможенный сборъ. Такъ какъ прикладываніе печатей не содѣйствовало очищенію товаровъ, то докторъ настоялъ на точномъ исполненіи инструкціи, что возбудило противъ него чрезвычайную злобу. Плодами этой злобы были жалобы генералъ-губернатору Глѣбову, а также то, что въ октябрѣ 1764 г. барону Черкасову предъявлено было неизвѣстно кѣмъ частное письмо изъ Кіева, въ которомъ Полетика обвинялся во взяткахъ съ проѣзжающихъ черезъ заставу возовъ. Черкасовъ просилъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ отъ генералъ-губернатора; по сообщенію генерала Глѣбова, дѣло о взяткахъ состояло въ слѣдующемъ:

24 іюня 1764 г. черезъ таможню проѣхало нѣсколько крестьянъ изъ польскаго села Харлѣевки съ 37 воловыми подво-

дами съ солью, и съ нихъ взято карантинщикомъ Зефиромъ Афанасьевымъ денегъ три руб. и соли по 20 ступокъ съ каждаго воза; караульными солдатами взято съ каждаго воза по три ступки соли, и докторскимъ писаремъ Михайломъ Усковымъ на имя доктора съ каждаго воза по 15 ступокъ соли и по 12 коп. деньгами. Полетики не было дома, когда была взята взятка; узнавъ о ней, онъ, по совѣту Глѣбова, приказалъ Ускову возвратить мужикамъ соль и деньги; однакожъ мужики отказались взять то и другое, такъ какъ поборъ уже вошелъ въ обычай. Тогда соль (на 1 руб. 14 коп. по тогдашнимъ цѣнамъ) была оставлена Ускову, а на деньги 4 руб. 44 коп. куплены бумага, сургучъ и перья. Послѣ производства изслѣдованія, сознавшіеся во взяткахъ люди подвержены были строгимъ наказаніямъ, а изъ объясненій Полетики оказывалось, что по заведенному предмѣстниками его правилу собираемо было съ каждаго проѣзжающаго воза на канцелярскіе расходы по 3 коп. и что онъ прекратилъ этотъ сборъ въ исполненіе указа объ этомъ Кіевской губернской канцеляріи отъ 17 мая 1764 г., „только писаря, какъ видно, вдругъ отучить было невозможно“.—

Опасаясь за исходъ этого дѣла и зная, что въ медицинскомъ управленіи у него болѣе враговъ, нежели друзей, Полетика самъ пріѣхалъ въ январѣ 1766 г. въ Петербургъ и далъ въ медицинской коллегіи подробныя письменныя объясненія о сборахъ и злоупотребленіяхъ въ Васильковскомъ карантинѣ.— Коллегія постановила, что она совершенно оправдываетъ его, но подозрѣнія барона Черкасова не разсѣялись, и онъ на это постановленіе не согласился, а предполагалъ Полетику, въ видѣ штрафа, назначить докторомъ въ Сибирскій корпусъ. Въ этомъ смыслѣ было составлено постановленіе, но члены коллегіи его не подписали.

Споръ этотъ грозилъ затянуться на долгое время, между тѣмъ Ив. Андр. проживался въ Петербургѣ, не получая жалованья. Чтобы выйти изъ этого тягостнаго положенія, онъ рѣшился на отчаянную мѣру и подалъ прошеніе въ кабинетъ императрицы черезъ члена кабинета д. с. с. Ивана Перфильевича Елагина. Затѣмъ онъ подалъ въ медицинскую коллегію

протестъ, обвиняя барона Черкасова въ пристрастіи и прося устранить его отъ разсмотрѣнія его дѣла. Коллегія, съ согласія президента, рѣшила представить императрицѣ экстрактъ изъ дѣла со своимъ мнѣніемъ. Тоже сдѣлалъ съ своей стороны и баронъ Черкасовъ. На донесеніи коллегіи императрица написала собственноручно: „когда дѣло идетъ о чести человѣка обвиняемаго, то ничего пропускать не надобно къ изысканію правды, и для того быть по мнѣнію коллежскому. Екатерина.“

Вслѣдствіе этого медицинская коллегія постановила 25 января 1767 г., чтобы Полетика возвратился на свое мѣсто къ карантину; но ему этого было мало; ему нужно было выхлопотать невыданное жалованье за все время производства о немъ дѣла въ медицинской коллегіи. Для этого необходимо было ѣхать въ Москву, гдѣ былъ дворъ, и ожидать рѣшенія императрицы по его прошенію. 23 апрѣля 1767 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ медицинской коллегіи, которымъ повелѣно доктора Полетику, „яко оказавшагося по учиненному надъ нимъ слѣдствію во взяткахъ невиннымъ, по прежнему докторомъ карантиннымъ въ Васильковскомъ форпостѣ опредѣлить и удержанное у него за тринадцать мѣсяцевъ жалованье выдать сполна изъ суммы коллегіи медицинской“.

Остальное время своей жизни И. А. Полетика провелъ въ Васильковѣ. Въ 1773 г. умеръ его отецъ, оставивъ на его долю помѣстья въ роменскомъ повѣтѣ, и преимущественно въ селѣ Коровинцахъ, съ 212 душами мужескаго и 192 душами женскаго пола. Женитьба безъ приданаго и спеціально ученая карьера не дали ему возможности увеличить свое имущество, и онъ умеръ въ Васильковѣ 22 апрѣля 1783 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника, оставивъ жену съ многочисленнымъ и недостаточно обезпеченнымъ семействомъ. Сыновья его воспитывались въ недавно передъ тѣмъ основанныхъ въ Петербургѣ корпусахъ: артиллерійскомъ, кадетскомъ и пажескомъ; двое изъ нихъ, Михаилъ и Петръ, достигли впослѣдствіи высокаго положенія на государственной службѣ; а одна изъ дочерей, Екатерина, окончивъ воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, назначена была флейлиной къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и провела весь долгій вѣкъ въ зимнемъ и Таврическомъ дворцахъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

1864 г. 29 февраля Директоръ ровенской гимназіи Теодоровичъ приглашенъ директоромъ Каменецъ-Подольской гимназіи, а учитель словесности Солтановскій—инспекторомъ. Витте пригласилъ обоихъ для исправленія этой гимназіи.

9-го марта. Въ Дубно сегодня вѣшаютъ Б. У него нашли много денегъ въ золотой монетѣ, важныхъ бумагъ и фотографическія карточки жандармовъ-вѣшателей. По этимъ даннымъ арестовали уже 18 человѣкъ, въ томъ числѣ К—ля, сына городоваго врача въ Дубно, и брата жены Л—га, ровенскаго городоваго врача. Арестованы также бывшіе ровенскіе воспитанники два брата В—чи. 7-го черезъ Ровно проѣхалъ изъ Житомира въ Дубно жандармскій полковникъ, чтобы присутствовать при экзекуціи надъ Б—мъ.

Каменецъ-Подольскъ.

20 марта. Привезли помѣщика съ австрійской границы въ Каменецъ. Прибывъ изъ Европы на границу, онъ былъ тщательно обысканъ и пропущенъ. Садясь въ экипажъ, онъ открылъ porte-tabac и вынулъ папиросу. Стоявшій около экипажа жандармъ предложилъ ему огня закурить и попросилъ у него другую бывшую въ porte-tabac'ѣ папиросу. Жандармъ сталъ закуривать и замѣтилъ, что въ ней бумага, а не табакъ. Онъ потушилъ папиросу, разорвалъ её и вынулъ изъ середины дипломъ отъ

[1)] См. „Кіевск. Стар.“, 1893 г., № 4.

ржонда на званіе главнокомандующаго въ Подольской губерніи.

27. Въ Казенной палатѣ произвели обыскъ и нашли какіе-то революціонные документы и 18 ф. пороху.

Автономъ Григорьевичъ Теодоровичъ занялъ мѣсто Герасименка, который перешелъ въ Ровно. Герасименко человѣкъ добрый, но слабый, весь преданный своимъ страстямъ. Гимназія его мало занимала.

Конечно, не ему было управиться въ Каменецъ-Подольской гимназіи, которая въ теченіе 10 лѣтъ постепенно развинчивалась, а въ 1863 г. окончательно сдѣлалась гнѣздомъ польскихъ патріотическихъ интригъ и нигилизма. Въ теченіе десяти лѣтъ въ ней директорствовалъ англичанинъ Б — ръ, весьма плохо владѣвшій русскимъ языкомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ всего раза четыре былъ въ гимназіи: при вступленіи въ должность, два раза во время попечительской ревизіи и разъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Рудольфомъ Ивановичемъ Б., губернаторомъ, на торжественномъ актѣ. Гимназіей управляли инспектора, а канцеляріей письмоводитель. Два сына Б — ра воспитывались въ Оксфордскомъ университетѣ. Онъ былъ вдовъ, и при немъ жила какая-то пожилая дѣвица, племянница, высокая и сухая, съ огромнѣйшими зубами. Она славилась, какъ отличная хозяйка и мастерица готовить всевозможныя кушанья англійской кухни. Б — ръ любилъ кейфъ и былъ необыкновенный лакомка. Утромъ за кофе онъ пробѣгалъ газету „Теймсъ“. Послѣ отправлялся самъ на рынокъ съ корзинкою подъ мышкой и закупалъ дневную провизію. Часто его встрѣчали съ корзинкой въ одной рукѣ и индюкомъ, гусемъ или зайцемъ въ другой. Если удавалось ему купить на рынкѣ упитаннаго поросенка, или индюка, или каплуна, онъ сейчасъ посылалъ пригласительную на обѣдъ записку другу своему, губернатору Б., а самъ располагался соснуть часокъ. Потомъ занимался до обѣда чтеніемъ Шекспира или другаго англійскаго классика, подписывалъ составленныя ему письмоводителемъ бумаги и переодѣвался къ обѣду. Послѣ плот-

наго, съ крѣпкой выпивкою, обѣда, выкуривши по дорогой сигарѣ, друзья расходились. Б—ръ отдыхалъ до чаю, затѣмъ отправлялся на преферансъ къ Б. И такъ однообразно и мирно текли дни этого администратора. Учителей почти никого онъ не зналъ въ лицо, а ученики его совсѣмъ не знали. Когда при встрѣчѣ на улицѣ учитель кланялся ему, Б—ръ брался за козырекъ шапки, но на лицѣ его изображался вопросъ:—„Это что за знакомецъ“!!... „Кажется, гдѣ-то видѣлъ“. Ученики не только не раскланивались съ нимъ, но даже часто толкали его на узкихъ тротуарахъ, когда онъ, обремененный покупками и всякой живностью, пробирался съ базара домой. Когда наступило безпокойное время, и инспекторъ потребовалъ его вмѣшательства въ управленіе гимназіей, Б—ръ, уже выслужившій пенсію, посовѣтовавшись съ Б. подалъ въ отставку. Онъ все время своей службы состоялъ въ перепискѣ съ высокопоставленными въ Петербургѣ лицами, и потому окружное начальство не смѣло его ничѣмъ безпокоить. Ф—нъ, инспекторъ при Бякстерѣ, служа учителемъ въ Малороссіи, успѣлъ жениться на дочери помѣщика и взялъ за нею 10000 руб. сер. Онъ сейчасъ купилъ себѣ мѣсто инспектора въ Каменецъ-Подольской гимназіи, которою и управлялъ самостоятельно. Но такъ какъ онъ любилъ общество, любилъ принимать у себя, любилъ бывать ежедневно въ гостяхъ и велъ большую игру, то удѣлять гимназіи не могъ много времени и долженъ былъ большую часть своихъ обязанностей возложить на надзирателя А—ча, весьма ловкаго малаго, вкравшагося въ его довѣренность. И отпуски, и переводы, и всякія льготы ученикамъ—все исходило отъ А—ча, который при этомъ былъ страшно грубый и заносчивый человѣкъ, наносилъ неосновательно и ученикамъ и даже учителямъ оскорбленія и бралъ безъ всякой мѣры взятки. Ученикамъ позволялось ношеніе всевозможныхъ костюмовъ, куреніе папиросъ и сигаръ во время классовъ въ классныхъ комнатахъ, допускались безпрерывныя отлучки къ родителямъ, родственникамъ и знакомымъ. Нѣкоторые ученики и четверти года не жили въ Каменцѣ, вовсе не учились, а между тѣмъ переходили изъ

класса въ классъ, получали аттестаты, чинъ XIV класса и даже награждались медалями. На повѣрочныхъ испытаніяхъ не принимали въ университетъ награжденныхъ медалями вслѣдствіе совершеннаго незнакомства ихъ съ предметами гимназическаго курса. Ф—нъ до побитія его учениками и перевода въ Житомиръ успѣлъ въ Каменцѣ проиграть не только всѣ тѣ взятки, которыя приходилось ему получать черезъ руки А—ча, но и все приданое жены.

Я пріѣхалъ въ Каменецъ часовъ въ 10 утра и, переодѣвшись въ инспекторской квартирѣ, находившейся во второмъ этажѣ въ зданіи, стоявшемъ на гимназическомъ дворѣ, отправился представиться директору. Въ это время въ гимназіи шли уроки, и я полюбопытствовалъ осмотрѣть гимназію внутри. Поднявшись по парадной лѣстницѣ во 2-й этажъ, я очутился передъ дверьми 2 класса. Я подошелъ къ нимъ и заглянулъ въ стекло. Сначала я ничего не могъ разобрать. Классная комната была полна дыма или какого-то тумана. Мало-по-малу я различилъ сидящаго на кафедрѣ учителя, а затѣмъ и учениковъ на скамейкахъ. Большинство учениковъ самаго юнаго возраста дымили папиросами, другіе при помощи машинокъ готовили папиросы, вездѣ на скамьяхъ лежали кучки табаку и папиросная бумага. Иные ученики читали книги. Повидимому, никто не слушалъ объясненій учителя. На корридорѣ постоянно появлялись изъ классовъ ученики. Нѣкоторые надѣвали шинели и уходили, другіе шеренгами гуляли по корридору, а въ концѣ корридора собралась порядочная толпа, о чемъ-то горячо спорила и курила папиросы. На вѣшалкахъ виднѣлись всевозможные верхніе костюмы: пледы, чемерки, ксендзовскіе плащи, горальскія галиційскія бурки, свитки и проч., и ни одной ученической шинели. Гулявшіе по корридору ученики, даже мальчуганы лѣтъ десяти, одѣты были или въ ботфорты, или въ походные штыфли, съ металлическими подковками. Я выразилъ директору Теодоровичу удивленіе по поводу такихъ порядковъ. Директоръ отвѣчалъ, что теперь еще ничего, было еще хуже, что онъ поджидалъ меня, чтобы совмѣстно постепенными и благоразумными мѣрами водворить порядокъ. Самое главное—нужно

выдержать характеръ, дѣйствовать твердо, но спокойно, ничуть не горячиться и не отчаяваться. Учителя еще почище своихъ учениковъ; и тѣ, и другіе находятъ поддержку въ обществѣ и даже въ губернаторѣ Б., а слѣдовательно, и въ полиціи. Жена Б. полька и фанатическая католичка; у нея вѣчно толкутся ксендзы, и она бѣгаетъ въ кафедру даже по вечерамъ. Полиція помогла бѣжать за границу ученикамъ, побившимъ Ф—на и А—ча. Когда Витте въ отсутствіи Б. исключилъ изъ гимназіи 60 коноводовъ и разослалъ ихъ къ родителямъ каждаго въ сопровожденіи конвойнаго солдата, любезно предложеннаго начальникомъ дивизіи и военнымъ начальникомъ графомъ Ниродомъ, то возвратившійся Б. громко высказался, что онъ никогда не допустилъ бы такого безобразія, что онъ самого Витте отправилъ-бы въ Кіевъ въ Кирилловское заведеніе съ конвойнымъ жандармомъ. „Не унывайте, Автономъ Акимовичъ, дастъ Богъ все обойдется!“ заключилъ директоръ. На слѣдующій день я сдѣлалъ визиты учителямъ. Меня вездѣ приняли холодно, чуть не враждебно. Одинъ только учитель французскаго языка Петре, мой товарищъ по университету, и его хорошенькая жена старались быть любезными. Харитона Ѳеодоровича Малинашевскаго, моего бывшаго товарища по философскому факультету, изъ семинаристовъ, я засталъ въ состояніи помѣшательства. Онъ встрѣтилъ меня въ какомъ-то испачканномъ, изорваномъ халатѣ, безъ подштаниковъ, въ туфляхъ на босую ногу. Желтое исхудалое лицо, обросшее свѣтлыми рѣдкими волосами, нечесанная на головѣ шевелюра, уставленные въ одинъ пунктъ, оловяные, безжизненные глубоко впавшіе глаза, грязныя, давно немытыя руки съ грязными длинными ногтями, все это не оставляло сомнѣнія въ его умственномъ поврежденіи. Онъ уже два мѣсяца не посѣщалъ уроковъ. Кругомъ весьма элегантная обстановка. „Что угодно?“—встрѣтилъ онъ меня. Я назвалъ себя. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, заговорилъ о безсмысленныхъ, несправедливыхъ порядкахъ, о соціализмѣ, Шопенгауэрѣ, Штраусѣ. Я сѣлъ безъ приглашенія, и онъ сѣлъ. Я прямо спросилъ его, чѣмъ онъ страдаетъ, и можно-ли познакомиться съ его супругой.

„Все болитъ! супруги нѣтъ дома!“ и опять Луи-Бланъ, Фурье и такъ далѣе. Малинашевскій читалъ всеобщую исторію и, пользуясь покровительствомъ нѣсколькихъ важныхъ духовныхъ лицъ, ему приходившихся съ родни, надѣялся скоро получить въ Каменцѣ мѣсто инспектора, но это ему не удалось, откуда пошли и всѣ прочія бѣды.

Дошло до того, что бѣдный Малинашевскій постоянно уходилъ изъ дому къ семинарскимъ учителямъ и тамъ за попойкой разсуждалъ о преобразованіи судебъ всего міра и Россіи, обзавелся соціалистическими и атеистическими сочиненіями и на урокахъ исторіи сталъ посвящать своихъ учениковъ въ теоріи, разрушительныя и зловредныя, благо въ гимназіи не существовало никакого контроля надъ преподаваніемъ. Ученики стали обожать его, стали вѣрить, какъ въ непреложное, въ каждое его изреченіе. Онъ сталъ во главѣ нигилистическаго въ гимназіи направленія. Слухи о его дѣятельности не скрылись отъ жандармовъ, и для него повышеніе по службѣ, не смотря на покровителей и даже подкупъ, сдѣлалось невозможнымъ. Неудача въ семейной жизни, неудача по службѣ довели его нервы до крайней напряженности, и онъ рехнулся. Тогдашніе нигилисты вполнѣ сочувствовали революціонному движенію поляковъ. Поляки же, будучи себѣ на умѣ, вслѣдствіе своей католической ортодоксальности и строгой дисциплинировки, съ презрѣніемъ отзывались о бредняхъ нигилистовъ, но въ глаза ихъ поощряли и во всѣхъ буйствахъ и манифестаціяхъ старались выдвинуть ихъ впередъ, называя ихъ: dobrze mysliece bracia rusini. Этимъ объясняется, что въ числѣ 60 человѣкъ, исключенныхъ попечителемъ Витте изъ Каменецъ-Подольской гимназіи, оказалось 46 православныхъ, дѣтей зажиточнаго подольскаго православнаго духовенства и бессарабскихъ помѣщиковъ. Естественныя науки преподавалъ учитель Вощининъ, сынъ бывшаго нѣкогда директора Каменецъ-Подольской гимназіи, отставнаго военнаго, а теперь назначеннаго правительствомъ исполнять должность предводителя дворянства каменецкаго уѣзда. Поляки-предводители, послѣ составленія и подписанія дерзкаго адреса на имя Государя о дурномъ управленіи польской губерніи Россіею и о не-

обходимости присоединить ее къ Царству Польскому, всѣ были удалены по Высочайшему повелѣнію, и мѣста предводителей дворянства заняли по назначенію военные и гражданскіе чиновники. Учитель русской словесности Стефановичъ, географіи Воробьевъ и математики Сербуловъ недавно прибыли и не успѣли еще проявить себя. Еще были русскіе учителя: Михаилъ Васильевичъ Мартыновскій—преподаватель математики въ высшихъ классахъ, и Малавскій—преподаватель латинскаго языка. Мартыновскій былъ брюнетъ, высокаго роста, атлетическаго сложенія; имѣлъ лицо широкое и круглое, одѣвался необыкновенно опрятно, носилъ всегда золотые очки. Преподавалъ хорошо. Онъ жилъ въ третьемъ этажѣ гимназическаго зданія, никого у себя не принималъ и не бывалъ ни у кого изъ товарищей. Его всѣ безъ исключенія недолюбливали и считали даже тайнымъ доносчикомъ. Малавскій лучше игралъ на скрипкѣ, чѣмъ преподавалъ. Онъ былъ малоспособный добрякъ, передъ русскими онъ былъ стойкій русскій, съ нигилистами — нигилистъ, съ поляками — полякъ. Ярыхъ поляковъ учителей уже перевели или отставили отъ должности, остались болѣе осторожные, за исключеніемъ ксендза, гимназическаго доктора и учителя польской словесности; послѣдній, впрочемъ, переходитъ въ одесскій округъ. Учитель математики Куликовскій и учитель законовѣдѣнія Каминскій держатъ себя осторожно. Къ вакаціонному времени мало-по-малу ученики пріучены были къ порядку, и куреніе выведено не только изъ классныхъ комнатъ, но даже изъ ученическихъ квартиръ. Къ окончательному испытанію прибылъ профессоръ университета Деленъ. Ученики 7 класса оказались ничего не знающими по всѣмъ безъ исключенія предметамъ; по географіи—они не умѣли отличить частей свѣта и воды отъ суши. На экзаменъ приглашены были епископъ Леонтій, нынѣ архіепископъ варшавскій и холмскій [1]), и бискупъ Фіалковскій. Послѣдній явился тогда только, когда Леонтій уѣхалъ домой; онъ боялся встрѣчи съ русскимъ епископомъ. Фіалковскій послѣ былъ митрополитомъ католической

[1]) Писано въ 1887 г.

церкви въ Россіи, а по смерти его на эту должность назначенъ плоцкій бискупъ Гинтовичъ.

13 апрѣля въ подольской губерніи арестованно 19 ксендзовъ. Губернаторъ уѣхалъ въ Кіевъ. Вчера во время архіерейскаго служенія вызвали изъ церкви военнаго начальника, дивизіоннаго генерала графа Нирода. Послѣ оказалось, что Нородъ произвелъ обыскъ въ квартирѣ губернатора. Дѣло происходило такъ: въ военно-судной коммиссій при какомъ то повстанцѣ найдены письма любимой камеристки губернаторши. Предсѣдатель коммиссіи, какой-то маіоръ, явился къ ея превосходительству Б. съ просьбою дозволить ему произвести обыскъвъ комнатѣ ея камеристки. Губернаторша разъярилась, стала кричать, что если позволителенъ обыскъ у камеристки, такъ пусть вездѣ ищутъ въ квартирѣ губернатора, и въ ея спальнѣ, и въ кабинетѣ мужа. Искать, такъ вездѣ искать, иначе она не согласна на обыскъ. Маіоръ далъ знать графу Нироду, и послѣдній въ своемъ присутствіи приказалъ вездѣ обыскать, согласно желанію madame Б. Когда возвратился Б. послѣ Пасхи, у нихъ съ женою произошла настоящая буря: зачѣмъ, она не дозволяла обыскать камеристку и зачѣмъ вызвала, къ униженію губернаторскаго сана, общій обыскъ.

Еще до обыска отношенія между Б. и графомъ Нородомъ обострились до крайности. Какой-то протеже m — me Б. служилъ становымъ приставомъ; это былъ полякъ, окончившій университетъ. Въ ожиданіи пріѣзда Анненкова (генералъ-губернатора) на смотръ дивизіи и для ревизіи, Б. и Нородъ выѣхали на встрѣчу на ближайшую почтовую станцію. Дивизія ожидала въ строю Анненкова. Нородъ не позаботился, чтобы для него заготовить на станціи лошадей. Представившись Анненкову, онъ долженъ поспѣшить впередъ и встрѣтить его передъ дивизіей. Между тѣмъ, становой приставъ распорядился запряжкой лошадей для Анненкова, Б., для исправника и для себя. Для Нирода не осталось ни одной лешади. Такъ какъ поляки не терпѣли Нирода, то очень можетъ быть, что приставъ распорядился такъ съ умысломъ. Нородъ вспылилъ, обругалъ пристава непечатной бранью и забралъ его

лошадей. Однакожъ для пристава лошади все-таки отыскались. Онъ поскакалъ вслѣдъ за Ниродомъ и пожаловался Б. Анненковъ остановился у послѣдняго и еще до обѣда М—me Б. успѣла передать дѣло пристава Анненкову и вообще жаловалась на дерзкіе пріемы Нирода и обхожденіе съ польскими дворянами. Анненковъ сдѣлалъ Нироду замѣчаніе, и съ этого началась ссора. Въ Гайсинѣ арестована вся полиція, состоявшая изъ поляковъ.

Въ Любарѣ въ фамильномъ склепѣ владѣльца въ свинцовыхъ пустыхъ гробахъ найдены важные документы и револьверы.

14 апрѣля. Ученикъ IV класса Іосифъ Целинскій обругалъ на улицѣ діакона Петропавловской церкви и метнулъ вслѣдъ за нимъ въ церковную ограду палку, которая чуть-чуть не попала въ раскрытыя церковныя двери. Полиціймейстеръ Энько-Даревскій представилъ мнѣ Целинскаго. Я заставилъ Целинскаго испросить у діакона прощеніе и посадилъ на 3 дня въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Ксендзъ Островскій сваливалъ всю вину на мать Целинскаго, у которой собираются и бранятъ русскую религію и русскихъ поповъ. Наслушавшись этихъ разсужденій, Целинскій и сдѣлалъ глупость, думая этимъ угодить Богу.

15 апрѣля. Сегодня жену учителя нѣмецкаго языка Берха ксендзъ кармелитскаго монастыря прогналъ отъ исповѣди за то, что мужъ у нея лютеранинъ, а дѣти православныя. Онъ ругалъ ее на весь костелъ и обзывалъ позорными кличками въ присутствіи болѣе чѣмъ сотни молящихся. М—me Берхъ уже пожилая дама и имѣетъ дочь лѣтъ 25-ти.

Лучицкій писалъ къ знакомымъ изъ Кіева, что съ Новаго года прибавятъ къ жалованію 25% изъ суммъ, взыскиваемыхъ съ польскихъ помѣщиковъ.

18-го апрѣля, въ Страстную субботу, поздно вечеромъ часовъ въ 8-мь началась въ католической каѳедрѣ Rezurexia. Она совершалась съ свойственнымъ католицизму въ этомъ краѣ великолѣпіемъ и торжествомъ. Масса духовенства во главѣ съ бискупомъ, блестящее освѣщеніе, блестящія ризы, блестящія

декораціи; весь католическій и православный Каменецъ отъ стариковъ до малолѣтнихъ, множество пріѣзжихъ помѣщиковъ и ихъ офиціалистовъ—словомъ, многотысячная толпа тѣснилась въ костелѣ, въ костельной оградѣ, и кругомъ подлѣ квартиры директора, губернскаго правленія и на площади. Весь костелъ горѣлъ огнями, и вершина очень высокаго минарета, стоящаго подлѣ костела, горѣла вѣнкомъ разноцвѣтныхъ огней. Въ другихъ костелахъ Rezurexia происходила тоже торжественно, но кончилась гораздо ранѣе каѳедральной. Костелы—это рыцарскіе замки полонизма въ юго-западномъ краѣ. Они доминируютъ надъ краемъ; они незамѣтно для самыхъ интеллигентыхъ людей изъ русскихъ по происхожденію производятъ на нихъ глубокое впечатлѣніе, особенно прибывшихъ изъ глубины Россіи, и внушаютъ имъ симпатію къ католицизму и уваженіе къ ксендзамъ. Здѣшній русскій интеллигентъ о попѣ всегда отзывается съ пренебреженіемъ, но къ ксендзу относится весьма почтительно, церковь посѣщаетъ вслѣдствіе необходимости, изрѣдка, а костелъ посѣщаетъ съ удовольствіемъ и охотно жертвуетъ на костелъ рубли, когда на церковь жалѣетъ копѣекъ. Прихожане католики здѣшняго края всѣ исконные русскіе; дома и на улицѣ говорятъ по русски, какъ говорили споконъ вѣка отцы ихъ, но богослуженіе слушаютъ на языкѣ польскомъ, молятся по польскимъ молитвенникамъ, и ихъ успѣли убѣдить ксендзы, что они не русскіе, а люди польской вѣры. Одни помѣщики и ихъ офиціалисты—настоящіе поляки, если не по происхожденію, то по воспитанію и по той идеѣ полонизма, которая не даетъ имъ покоя, постоянно подталкивая ихъ на рискованныя предпріятія. Еслибы правительству пришло на мысль дать здѣшнимъ католикамъ молитвенники и богослуженіе на русскомъ языкѣ, они перестали-бы считать себя людьми польской вѣры, а не русскими, и тогда вліяніе польской идеи на русскихъ католиковъ юго-западнаго края совсѣмъ прекратилось-бы. Эта идея проявилась въ сѣверо-западномъ краѣ; но въ юго-западномъ краѣ она никогда не могла возникнуть. Бибиковъ не могъ понимать положенія дѣлъ, не могъ принимать мѣръ для прочнаго и окончательнаго обрусѣнія края; онъ все

спасеніе находилъ въ карахъ. Его трепетали паны и ксендзы, а втихомолку вели ту организацію, которая разразилась бунтомъ 1863 года и предъявила права Польши на русскій юго-западный край.

Въ то-же время нѣкоторые изъ мѣстныхъ администраторовъ старались увѣрить правительство, что настоящая опасность угрожаетъ Россіи отъ кореннаго русскаго населенія юго-западнаго края, проникнутаго будто-бы духомъ сепаратизма, то есть—отъ мужиковъ, такъ какъ вся интеллигенція этого края заключалась въ состоящихъ на службѣ немногихъ чиновникахъ, которые не въ состояніи были имѣть въ себѣ, а тѣмъ болѣе проявлять сепаративный духъ. Имъ вѣрили—и вотъ пошло гоненіе на собирателей народныхъ пѣсенъ и сказокъ, запрещено печатаніе на малороссійскомъ языкѣ книгъ, запрещены представленія „Наталки-Полтавки“, „Москаля-Чаровника“ и другихъ невинныхъ драматическихъ піесъ на малороссійскомъ языкѣ.

Ксендзы строго запрещаютъ католичкамъ полькамъ выходить замужъ за иновѣрцевъ и въ особенности за русскихъ схизматиковъ. Ксендзы не признаютъ законнымъ бракъ съ иновѣрцами и считаютъ его простымъ сожительствомъ. На исповѣди вышедшимъ за православнаго католичкамъ толкуютъ, что онѣ ниже обыкновенныхъ проститутокъ, потому что проститутка можетъ во всякое время покаяться и сдѣлаться святою, какъ Магдалена, но онѣ уже на всю жизнь останутся проститутками —все равно будутъ-ли онѣ только въ сожительствѣ съ своими незаконными мужьями, или же съ сотнею другихъ мужей. Кажется, что такое толкованіе ксендзовъ не только не способствуетъ уменьшенію браковъ съ православнымъ, но еще ихъ умножаетъ. Страстныя кокетки польки, боясь осужденія за невѣрность мужьямъ католикамъ, предпочитаютъ подхватывать православныхъ въ мужья, такъ какъ и Kościol разрѣшаетъ невѣрность такимъ мужьямъ, и общественное мнѣніе польское не осуждаетъ ихъ за невѣрность. Сверхъ того, имъ хочется имѣть мужей, съ которыми бы онѣ ни мало не церемонились во всѣхъ отношеніяхъ, презирая ихъ, какъ схизматиковъ и хлоповъ рус-

скихъ. Особенно падки на русскихъ тѣ-дѣвицы-католички шляхетскаго происхожденія, которыя мужу ничего не приносятъ въ приданое, кромѣ двухъ, трехъ паръ носильнаго своего платья. Онѣ такъ накидываются на молодыхъ, малоопытныхъ, и военныхъ и статскихъ, людей русскихъ, такъ съ ними свободно заигрываютъ, такіе дѣлаютъ имъ страстные глаза, такъ страстно жмутъ руки, такъ наглядно высказываютъ свое увлеченіе, свою страстную къ нимъ любовь,—а въ случаѣ малѣйшей размолвки приходятъ въ такое натуральное отчаяніе, такъ нѣжно оправдываются, обѣщаютъ на всю жизнь быть преданными и покорными и страстно и вѣрно любить до гроба,—что бѣдная неопытная молодежь теряетъ голову и сочетывается законнымъ бракомъ. Смотришь—на третій день послѣ брака у ней оказывается любовникъ, и всѣмъ ея пріятельницамъ уже извѣстно, что мужъ ея грубый хлопъ-москаль, деспотъ, и что она постарается его отшлифовать на всѣ стороны. Она всю жизнь пилитъ его отъ утра до вечера, особенно если заведутся дѣти, которыхъ мужъ по простотѣ и добродушію считаетъ своими собственными и привязывается къ нимъ съ горя. О, тогда жена становится лютымъ звѣремъ: слезы, спазмы, истерики, угрозы отравиться, повѣситься, все бросить, бѣжать куда глаза глядятъ отъ деспота, тирана, мужика! А пріятельницы трубятъ во всѣ стороны о несчастьяхъ жены, о дурномъ характерѣ мужа. Всѣ вѣрятъ имъ на слово, и несчастный, обманутый мужъ, съ чужими дѣтьми на шеѣ, о которыхъ онъ долженъ заботиться, становится одинокимъ, чужимъ и въ семьѣ, и въ обществѣ. Жена въ обществѣ очаровательна—ангелъ не жена, и всѣ её жалѣютъ,—дома съ мужемъ—сатана. Мужъ женѣ помѣха въ гостяхъ, и жена дѣлаетъ ему сцены, собираясь съ нимъ въ гости; дѣлаетъ сцены на дорогѣ, и мужъ мало-по-малу пріучается сидѣть дома съ дѣтьми и прислугой, жена-же гуляетъ по цѣлымъ ночамъ, домой является за тѣмъ, чтобы переночевать и наругаться надъ мужемъ и прислугой. Мужъ выѣзжаетъ изъ дому по службѣ, а въ его домѣ настоящія оргіи. Ея пріятели и пріятельницы—ея кружокъ—угощаются на славу: нужно же и усебя угощать, если угощаешься у другихъ!—думаетъ жена.

Дѣти растутъ на рукахъ прислуги. Мать къ нимъ равнодушна—они схизматической вѣры. Если въ высокоторжественный день по необходимости нужно повести дѣтей въ церковь или пріобщить ихъ,—тогда надолго мужу нѣтъ покоя:—ему выставляется на видъ жертва, принесенная женою. Съ мужемъ дѣти не идутъ въ церковь: жена успѣла внушить имъ, обдѣляя всевозможными игрушками, что отецъ ихъ терпѣть не можетъ, что онъ тиранъ, мучитель, извергъ, что она, несчастная забитая женщина, одна ихъ любитъ и балуетъ. Чтобы вполнѣ увѣрить ихъ въ своей добротѣ и возстановить противъ мужа, дѣлающаго выговоры дѣтямъ и побуждающаго ихъ къ труду и ученію, жена покрываетъ всѣ ихъ шалости, оправдываетъ ихъ лѣнь. Если въ семьѣ случайно явится дитя съ свѣтлымъ умомъ и склонностью къ труду и выростая пойметъ всю фальшь матери и правоту отца,—тогда горе ему. Мать заѣстъ такое дитя живьемъ и отправитъ на лоно Авраама, а послѣ, для успокоенія совѣсти, будетъ служить паннихиды. Сыновья выростаютъ, не кончая гимназіи, не сознавая себя ни католиками, ни православными; избалованные, лѣнивые, съ развратными наклонностями матери, они не въ состояніи заработать себѣ кусокъ хлѣба и въ тягость и для мнимаго отца и для себя самихъ, и для общества.

Если мужъ совсѣмъ слабъ, тогда полька жена вмѣшивается въ его служебныя дѣла и старается, по степени положенія мужа на служебномъ поприщѣ, оказать солидное покровительство своимъ компатріотамъ и услуги польской справѣ. Я зналъ одну семью, почти нищую. Дочь опутала русскаго, почти еще мальчика. Онъ былъ въ нее до безумія влюбленъ. Мать, благословляя дочь, сказала „помни, что будущій твой мужъ врагъ Польши, врагъ твоей религіи; онъ твой врагъ. Грѣхъ быть къ нему снисходительной!“ Дочь успокоила жениха, указывая на выходку матери, какъ на послѣдствіе воспитанія, какъ на причуду въ ея характерѣ, но, между тѣмъ свято исполнила завѣтъ матери: жена смяла совсѣмъ влюбленнаго въ нее мужа, смяла семью и всю жизнь оставалась злѣйшимъ его врагомъ.

19 апрѣля. Пасха. Всенощная началась въ 12-ть въ теплой архіерейской церкви; крестный ходъ въ холодную церковь, и здѣсь отслужена заутреня и обѣдня; все кончилось въ 3½ часа утра. У архіерея Леонтія разговлялись высшіе чины.

Губернаторша принимала гостей по царски: вся въ кружевахъ сидѣла въ креслахъ, поставленныхъ на какомъ то возвышеніи; вокругъ нея полукругомъ стояли представлявшіеся чины и кушали стоя изъ чашекъ бульонъ. Всякое новое лицо отвѣшивало поклонъ губернаторшѣ и примыкало къ полукругу, губернаторша въ отвѣтъ только поводила бровями. Въ залѣ, кромѣ кресла губернаторши, стоялъ длинный столъ съ пасхальными яствами, другихъ же креселъ и стульевъ не было, такъ что не на чемъ было присѣсть.

Въ настоящее время въ Каменцѣ есть два врача-богача: Б — ій, инспекторъ врачебной управы, и гимназическій докторъ К., братъ польскаго писателя, живущаго въ Краковѣ. Послѣдній нажилъ деньги практикой, связанной съ званіемъ гимназическаго врача. Гимназія доставляла ему въ годъ не болѣе 150 р. сер., такъ какъ онъ освобождалъ отъ рублевой платы всѣхъ бѣдныхъ учениковъ. Онъ дѣйствительно очень хорошій врачъ: хорошо и заботливо лечилъ больныхъ. Если заболѣвалъ сынъ богатаго помѣщика, К. посѣщалъ его по нѣсколько разъ днемъ и ночью, посылалъ ему съ своей кухни кушанья, сиропы, варенья, вина. Въ случаѣ опасной болѣзни, онъ просиживалъ около больнаго ночи, извѣщалъ объ опасности родителей. Все это цѣнили родители и щедро награждали его. Сверхъ того его требовали безпрерывно въ окрестности. Онъ былъ лѣтъ 30 гимназическимъ врачемъ и нажилъ капиталъ, построилъ дома тысячъ въ 300 и купилъ имѣніе. Онъ замѣшанъ былъ, хотя косвенно, въ возстаніи, и ему въ 1864 году предложили подать въ отставку. Старикъ, узнавъ объ этомъ, плакалъ, какъ ребенокъ: онъ за столько лѣтъ сжился съ гимназіей, какъ съ семьею. Б — ій тоже былъ замѣшанъ въ возстаніи, но успѣлъ удержаться на мѣстѣ. Онъ былъ холостъ, жилъ эпикурейцемъ, страстно любилъ музыку и самъ поря-

дочно игралъ на віолончели. У него часто по вечерамъ собирались любители музыки и разыгрывали на разныхъ инструментахъ его музыкальныя творенія. Въ числѣ любителей былъ молодой человѣкъ, (имени не вспомню), игравшій на скрипкѣ. Это былъ человѣкъ съ большими музыкальными способностями. Его собственныя сатирическія пьесы удивительно вѣрно изображали дѣйствительность. Особенно славилась его мша (месса) бискупа Фіалковскаго. Тутъ слышался и старческій голосъ бискупа, воспроизведенный съ стереотипной вѣрностью, и его напѣвъ, и голоса его сослужащихъ, и звонъ колокольчика, и проповѣдь. Словомъ, видѣвшему служеніе Фіалковскаго, оно, при игрѣ на скрипкѣ этимъ молодымъ человѣкомъ, возникало съ удивительной вѣрностью. Фіалковскій за это запретилъ творца и исполнителя пьесы пріобщать Св. Таинъ.

12 мая. Торжественный церковный ходъ съ архіереемъ къ Смотричу, къ мѣсту закладки моста. Молебствіе. Въ палаткѣ завтракъ, устроенный подрядчикомъ евреемъ для Анненкова, архіерея, губернатора, графа Нирода, генерала Іордана, вице-губернатора Жемчужникова, прокурора, предсѣдателей палатъ и полковыхъ командировъ. Шампанское лилось рѣкою, слѣдовали тосты за Государя, Царскую Семью, генералъ-губернатора, губернатора и другіе. Каждый тостъ сопровождался залпомъ артиллеріи, расположенной надъ обрывомъ Смотрича у Гунской Криницы. Въ толпѣ во время тостовъ слышались свистки. Но все обошлось благополучно, такъ какъ кругомъ расположена была пѣхота и казаки. Вечеромъ Анненковъ былъ въ театрѣ и крѣпко спалъ. Театръ былъ почти пустъ. Поляки не посѣщали театра, а евреи боялись поляковъ. Полиціймейстеръ напрасно бился по городу до вечера, зазывая жидовъ и поляковъ въ театръ.

1 іюля. Губернаторъ Б. назначенъ въ Варшаву членомъ учредительнаго комитета. Онъ даетъ завтра прощальную аудіенцію и затѣмъ уѣзжаетъ въ Варшаву.

2 іюля. Въ первомъ часу губернаторъ въ мундирѣ принималъ чиновниковъ, одѣтыхъ въ мундиры, и очень чувствительно съ ними прощался. Жена его съ ребенкомъ находилась

тутъ же. Высшіе чины говорили ей любезности. Чиновники просили Б. принять отъ нихъ прощальный обѣдъ. Онъ поблагодарилъ, но отказался. Онъ просилъ собранныя на обѣдъ деньги пожертвовать на публичную библіотеку. Денегъ никогда не собрали, и библіотека такъ и осталась только въ проектѣ. Выходя, высшіе чины просили позволенія проводить Б. до станціи Нѣгинъ. Онъ согласился.

4 іюля. Съѣхалось много помѣщиковъ поляковъ, вся пріемная полна была ими и богатыми евреями. Передъ домомъ стояла толпа евреевъ и среди ней вся полиція. Полиціймейстеръ поминутно выскакивалъ и давалъ какія-то приказанія. Выскочилъ жандармъ и приказалъ давать экипажъ. Выѣхали впередъ на лошадяхъ два жандарма въ полной формѣ. Экипажъ подкатилъ. Выскочилъ полиціймейстеръ и сдѣлалъ знакъ рукою полиціи и толпѣ евреевъ: грянуло неумолкаемое „ура“, встрѣтившее выходящаго губернатора съ супругой и нянюшку съ ребенкомъ на рукахъ. За ними потянулся длинный хвостъ польскихъ помѣщиковъ и богатыхъ евреевъ. Полиціймейстеръ изъ за плечей Б. опять подалъ сигналъ толпѣ евреевъ, и она моментально окружила его съ супругой и внесла ихъ на рукахъ въ экипажъ, лобызая ихъ руки, ноги, одежду. Выскочило еще нѣсколько пожарныхъ на пожарныхъ лошадяхъ и помчались впередъ, а за ними—вскочившій въ крытыя дрожки полиціймейстеръ. Ура не умолкало. Тронулись конные жандармы, и за ними экипажъ Б. Тронулось вслѣдъ до Нѣгина и множество каретъ и фаэтоновъ польскихъ пановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

25-лѣтіе московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. Этнографическая наука, какъ извѣстно, давно нашла себѣ въ Москвѣ надежный пріютъ въ этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ этого года этнографическій отдѣлъ этого общества скромно справлялъ 25-ю годовщину своего существованія, и мы не можемъ обойти молчаніемъ этотъ случай и не помянуть добрымъ словомъ дѣятельность этого учрежденія на страницахъ нашего изданія, имѣющаго весьма близкое отношеніе къ русской этнографіи, а слѣдовательно и къ одному изъ важнѣйшихъ очаговъ этой науки—этнографическому отдѣлу московскаго общества. Мы чувствуемъ себя обязанными это сдѣлать тѣмъ болѣе, что московскіе этнографы, празднуя свое 25-лѣтіе, привѣтствовали «Кіевскую Старину», какъ дѣятельнаго соратника на полѣ этнографическихъ завоеваній. Дѣйствительно, дѣятельность московскаго кружка этнографовъ по своимъ задачамъ близко соприкасается съ нашею дѣятельностью въ томъ отношеніи, что бытъ народа составляетъ и для насъ, какъ и для этнографовъ—спеціалистовъ, одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ изученія. Мы не станемъ исчислять здѣсь заслуги московскаго этнографическаго отдѣла для науки и плодотворные результаты его 25-лѣтней дѣятельности, укажемъ только на то, что эта дѣятельность, особенно въ послѣдніе годы, распространяется и на ту область, изученію которой посвящено и наше изданіе, т. е. на южную Россію. Такимъ образомъ связь наша съ московской этнографіей дѣлается еще нагляднѣе. Благодаря тому, что въ послѣдніе годы въ число членовъ московскаго общества вступили многіе изъ малорусскихъ этнографовъ, каковы: проф. Сумцовъ, П. В. Ивановъ,

И. И. Манжура, М. К. Васильевъ, В. В. Каллашъ и др., вопросы малорусской этнографіи стали близко интересовать московское ученое общество, и мы видимъ на страницахъ его изданій, особенно въ «Этнографическомъ Обозрѣніи», цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ малорусской этнографіи. Кромѣ того, намъ извѣстно, что московское общество, по мысли секретаря Н. А. Янчука, давно желаетъ издать цѣлый томъ своихъ «Трудовъ», посвященный Малороссіи, куда должны войти цѣнные матеріалы гг. Иванова, Манжуры и др. Этотъ томъ давно готовъ къ печати; къ сожалѣнію, не достаетъ только средствъ на его изданіе.

Вопросъ о средствахъ, насколько мы знаемъ, часто служитъ для московскихъ этнографовъ камнемъ преткновенія въ ихъ благихъ замыслахъ и начинаніяхъ. Казенная субсидія, получаемая этнографическимъ отдѣломъ отъ общества любителей естествознанія, какъ оказывается, настолько ничтожна (какихъ нибудь 150 руб. въ годъ или въ два года), что о ней и говорить нечего. Отдѣлъ существуетъ только частными пожертвованіями и своими добровольными взносами. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, можно удивляться той неустанной энергіи, какую проявляетъ отдѣлъ въ своихъ ученыхъ предпріятіяхъ, каковы научныя экспедиціи, изданіе журнала, изданіе большихъ томовъ «Трудовъ», составленіе и изданіе программъ и т. д.

Однимъ изъ подобныхъ предпріятій, которымъ этногр. отдѣлъ началъ новое 25-лѣтіе, былъ, между прочимъ, «этнографическій концертъ», устроенный отдѣломъ въ залѣ благороднаго собранія 11-го марта и собравшій довольно многочисленную публику. Идея концерта, устроеннаго по мысли секретаря отдѣла и при содѣйствіи капельмейстера-композитора Н. С. Кленовскаго, весьма симпатична. Это первый опытъ представить на судъ публики цѣлый рядъ характерныхъ мотивовъ народной музыки не только славянской, но и инородческой. Подобный концертъ долженъ былъ съ одной стороны показать богатство музыкальныхъ мелодій у разныхъ народовъ Россіи, а съ другой—обратить вниманіе на изученіе этой стороны духовной жизни народа, до сихъ поръ почти не затронутой спеціалистами изслѣдователями. Понятно, что задача эта настолько грандіозна, что и при самомъ лучшемъ ея выполненіи всегда могутъ оказаться существенные недочеты. Поэтому мы не должны быть слишкомъ требовательны къ первому опыту въ этомъ дѣлѣ, а напротивъ пожелать, чтобы оно развилось и дало желаемые результаты. Первый концертъ показалъ, по крайней мѣрѣ, что этимъ вопросомъ всѣ за-

интересовались: о немъ не мало говорилось и въ обществѣ, и въ печати; къ сожалѣнію, неожиданное событіе, взволновавшее всю Москву (убійство городского головы), помѣшало большему успѣху, на какой могло разсчитывать это оригинальное предпріятіе. Въ программу этнографическаго концерта на первый разъ вошли славянскіе народы: великоруссы, бѣлоруссы, малоруссы, поляки и болгары, а затѣмъ инородцы: литовцы, армяне, грузины, греки, киргизы, сарты, чуваши. Пѣсни этихъ народностей исполнялись на ихъ языкѣ подъ оркестръ и рояль и вызывали шумныя одобренія со стороны публики. Для большаго удобства тексты исполняемыхъ пѣсенъ въ подлинникахъ съ переводомъ были изданы отдѣльной брошюрой, по которой публика слѣдила за исполненіемъ. Какъ тексты, такъ и мотивы взяты не только изъ печатныхъ сборниковъ, но также изъ неизданныхъ записей, просмотрѣнныхъ спеціалистами, каковы: Ю. Н. Мельгуновъ, С. И. Танѣевъ, Н. С. Кленовскій и др. Главный трудъ выбора пѣсенъ изъ массы матеріала выпалъ на долю Н. А. Янчука и Н. С. Кленовскаго, который изготовилъ и все оркестровое сопровожденіе, а также хоровое переложеніе. Не перечисляя всѣхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ программу концерта, мы остановимся только на малорусскомъ отдѣлѣ. Сюда вошло пять пѣсенъ (изъ 32-хъ №№ всей программы), три изъ собранія Н. В. Лысенка и двѣ изъ записей Н. А. Янчука; къ сожалѣнію, одна, по болѣзни исполнительницы, была пропущена. Исполнена была прежде всего изъ сборника г. Лысенка шутливая пѣсенка (соло съ репликами) «Да куды йидешъ, Явтуше?» Эта игривая пѣсня дала наглядное понятіе о малороссійскомъ легкомъ жанрѣ съ примѣсью національнаго юмора. Затѣмъ слѣдовала «поважная» пѣсня хоровая—«про голоту» (тоже изъ сб. Лысенка), полная драматизма, съ яркимъ отпечаткомъ соціально-бытовой жизни Украины. Дополненіемъ къ ней служила красивая пѣсня для баритона «Ой у степу крыниченька» (изъ Лысенка), затрогивающая другую существенную сторону прежней жизни Украины—чумачество. Наконецъ, отдѣлъ закончился характерной веснянкой «А вже весна» (по записи г. Янчука), которая должна исполняться въ видѣ перекликанія двухъ «лавъ»—дивочей и парубочей, и заканчиваться соединеннымъ хоромъ. Въ исполненіи этой типичной пѣсни, къ сожалѣнію, эффектъ значительно утратился вслѣдствіе того, что женскаго хора не было, и дивчатъ замѣняли мальчики.

Такой характеръ носилъ весь этотъ оригинальный—концертъ. Строго «этнографическимъ» онъ, пожалуй, назваться не можетъ, по-

тому что оркестраторомъ, въ угоду публикѣ, были допущены нѣкоторыя прикрасы, но важно начало, а продолженіе всегда поправимо. Въ отношеніи публики къ исполняемымъ №№ иногда замѣчалось и нѣкоторое недовольство. Это происходило въ значительной степени отъ того, что, по намѣченному плану, въ программу не были внесены общеизвѣстныя пѣсни, такъ что, напр., по отношенію къ малорусскимъ пѣснямъ, иные были разочарованы, что услышали не традиціоннаго «Грыця» или «Вiють витры», а все новыя пѣсни, которыя даже на малороссійскихъ спектакляхъ не исполнялись. Но всѣмъ трудно угодить...

Этнографическій отдѣлъ, какъ кажется, имѣетъ намѣреніе повторять эти концерты, и нельзя не пожелать возможно большаго успѣха этому дѣлу.

Новые историко-статистическіе матеріалы по Полтавщинѣ. Профессоромъ И. В. Лучицкимъ открыты и собраны въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ золотоношскаго уѣзда подворныя описи государственныхъ крестьянъ за время 1840—1860-хъ гг.; затѣмъ, при изслѣдованіи кустарныхъ промысловъ по губерніи, я нашелъ въ волостныхъ архивахъ, въ разныхъ мѣстахъ, подобныя описи [1]) и ре-

[1]) По распоряженію Управляющаго Полтавскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, изложенному въ предписаніи на имя зѣньковскаго окружнаго начальника отъ 31 августа 1861 г. № 17977, подворныя описи заведены въ сельскихъ обществахъ Изъ предписанія Грунъскаго волостнаго правленія на имя Грунъскаго сельскаго старшины (находится при подворной описи козаковъ м. Груни за 1841—46 г.) видно, между прочимъ, что „по всѣмъ сельскимъ обществамъ должна быть сдѣлана подворная опись съ означеніемъ земли какъ въ собственномъ владѣніи каждаго состоящей, такъ и отъ казны надѣленной или паевой (каковая находится у казенныхъ крестьянъ, воинскихъ поселянъ и однодворцевъ), также съ означеніемъ скота, какъ рабочаго, такъ и гулеваго, и земледѣльческихъ орудій, т. е. плуговъ и сохъ". Распоряженіе по этому предмету велѣно было прочесть въ каждомъ сельскомъ обществѣ на мірскихъ сходахъ, „дабы, въ предупрежденіе всякаго неправильнаго толкованія поставить крестьянъ въ извѣстность, что сіе дѣлается лишь для ближайшаго наблюденія со стороны начальства, чтобы ни одинъ хозяинъ не былъ отягощенъ повинностями свыше своего состоянія". Для подворныхъ описей была издана форма и предписано завести книги на шесть лѣтъ, и отмѣчать могущія происходить перемѣны въ личномъ составѣ и имуществѣ хозяевъ. Одинъ экземпляръ описи долженъ былъ храниться въ сельскомъ, а другой въ окружномъ управленіи. Ежегодныя отмѣтки объ измѣненіяхъ должны были передаваться изъ сельскихъ въ окружное управленіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

визію 1835 г. о козакахъ. По возбужденному мною ходатайству, полтавская губернская земская управа, принявъ на себя храненіе подворныхъ описей и ревизіи, входила въ сношеніе съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, со стороны котораго въ 1885 г. послѣдовало циркулярное распоряженіе о передачѣ волостными правленіями въ губернскую земскую управу для храненія подворныхъ описей ревизіи 1835 г. государственныхъ крестьянъ.

Вслѣдствіе этого, нѣкоторыми волостными правленіями доставлены въ губернскую земскую управу книги подворныхъ описей и ревизіи, въ теченіе 1885 и 1886 г., но затѣмъ доставка описей прекратилась. Въ настоящее время собранныя книги хранятся въ архивѣ земскаго статистическаго бюро. Мною составленъ помѣщаемый ниже списокъ всѣхъ матеріаловъ, хранящихся въ статистическомъ бюро. Изъ этого списка можно видѣть, что по нѣкоторымъ уѣздамъ совсѣмъ не доставлены подворныя описи, а по другимъ уѣздамъ получено книгъ весьма незначительное количество; относительно же собранной профессоромъ И. В. Лучицкимъ коллекціи подворныхъ описей неимѣется свѣдѣній. По всей вѣроятности, масса описей предана уничтоженію вмѣстѣ со старыми дѣлами волостныхъ архивовъ, но можно сказать навѣрное, что часть уцѣлѣвшихъ книгъ подворныхъ описей найдется еще въ волостныхъ архивахъ между старымъ хламомъ—иногда на чердакахъ или въ темныхъ чуланчикахъ—какъ мнѣ не-

---

Мнѣ разсказывали старые волостные писаря прежняго времени, что, въ особенности во времена Арандаренка (въ половинѣ 1840—50 г.), подворныя описи велись исправно и провѣрка производилась дѣйствительно тщательная, да это замѣчается и при обозрѣніи книгъ, хотя можно допустить, что въ позднѣйшее время предъ передачею государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, подворныя описи велись менѣе тщательно, и что въ отмѣткахъ проглядываетъ канцеляризмъ. Многое зависѣло отъ личности и отношенія къ дѣлу бывшихъ Окружныхъ Начальниковъ. Впрочемъ могу сказать по личнымъ воспоминаніямъ, что волостное и сельское начальство прежняго управленія прошло школу строгой дисциплины и отличалось исполнительностію приказаній начальства. Во всякомъ случаѣ уцѣлѣвшія подворныя описи представляются весьма цѣннымъ матеріаломъ.

Въ ревизіи 1835 г., кромѣ обычныхъ показаній возраста каждаго члена семейства, имѣются отмѣтки о способности къ труду, о занятіи ремеслами, и данныя о количествѣ земельныхъ угодій съ опредѣленіемъ въ десятинахъ, но большею частію пахотная земля опредѣлена по числу дней оранки, а сѣнокосы по числу копенъ сѣна, а заросли возами лозы и хвороста. Имѣются также данныя о количествѣ рабочаго скота и краткія отмѣтки повѣрявшихъ ревизію чиновниковъ о степени состоятельности каждаго хозяина: „ничего неимѣющій, состоянія бѣднаго, посредственнаго, достаточнаго, хорошаго".

посредственно приходилось видѣть. Было-бы весьма желательно, чтобы распоряженіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія было исполнено, и чтобы всѣ уцѣлѣвшія подворныя описи 1840—1860-хъ г. и ревизія 1835 г. были сосредоточены въ губернской земской управѣ.

Могу сказать, что поименованныя въ спискѣ книги хранятся въ цѣлости въ архивѣ статистическаго бюро и представляются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ для сравнительной статистики. О значеніи подобнаго матеріала можно судить по тому, что наприм. по с. Чернечей-слободѣ, ромен. у., подворныя описи обнимаютъ непрерывный періодъ времени съ 1841—68г., т. е. отъ первоначальнаго составленія описей до передачи государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Весьма характерно, что съ этой передачей прекращено дальнѣйшее веденіе подворныхъ описей, и что ни со стороны крестьянскихъ учрежденій, ни со стороны земства не предпринималось никакихъ мѣръ для систематическаго изученія экономическаго положенія сельскаго населенія до начала 1880-хъ г., когда была предпринята на средства губернскаго земства обширная подворно-статистическая перепись, разработка которой еще до настоящаго времени не закончена.

Нужно замѣтить, что подворными описями и ревизіею 1835 г. далеко не исчерпывается историко-статистическій матеріалъ. Не говоря о массѣ матеріаловъ по Румянцевской описи, хранящейся въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ и въ Академіи Наукъ, мнѣ подробно неизвѣстныхъ,—въ архивѣ харьково-полтавскаго управленія государственныхъ имуществъ долженъ храниться весьма цѣнный матеріалъ объ экономическомъ положеніи государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій со времени учрежденія попечительныхъ конторъ. Кромѣ того, въ архивѣ казенной палаты въ Полтавѣ, найдена мною подворная опись 1785 г. посполитыхъ Гадячскаго полка, списана на подворныя карточки, и затѣмъ совершенно разработанъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ статистическій матеріалъ по такъ наз. комбинаціоннымъ таблицамъ. Считаю не безполезнымъ приложить списокъ поселеній съ показаніемъ по каждому числа посполитыхъ хозяевъ въ 1785 г. Что касается подворныхъ описей 1840—60 г., то, въ видѣ опыта, мною разработанъ матеріалъ за 1847—52 г. по м. Груни и Великой-Павловкѣ, зѣньков. у., по подворнымъ карточкамъ, и составлены комбинаціонныя таблицы, исчерпывающія весь

наличный матеріалъ [1]). Данныя по ревизіи 1835 г. по м. Опошнѣ, включены мною въ статистико-экономическій очеркъ Опошни (отдѣльная брошюра); остальной же матеріалъ, уже разработанный, остался пока безъ движенія за неимѣніемъ средствъ для напечатанія объемистыхъ таблицъ. Впрочемъ, затраченный трудъ послужилъ опытомъ для практическаго разрѣшенія техническихъ и методологическихъ вопросовъ относительно системы разработки цифровыхъ данныхъ и установленія формъ подворныхъ карточекъ и синтетическихъ или комбинаціонныхъ таблицъ для сравненія съ современною переписью.

И такъ, существуетъ, можно сказать, громадный и драгоцѣнный историко-статистическій матеріалъ для сравнительнаго изученія многихъ поселеній въ различные моменты, раздѣленные значительнымъ періодомъ времени, наприм.—въ золоношскомъ уѣздѣ: по румянцевской описи, по подворнымъ описямъ 1840—60 г. и по современной статист. переписи. Не менѣе интересно по гадяч. уѣз. сравненіе данныхъ, наприм., по сс. Сарамъ и Крутькамъ: по описи 1785 г., по ревизіи 1835 г., по подворнымъ описямъ непрерывно 1841—52 и 1841—46, 1854—63 г., съ современною переписью. Конечно, въ виду громадности нетронутаго матеріала, возможно ограничиться разработкою матеріала сперва хотя по такимъ селеніямъ, какія поименованы выше, какъ болѣе интереснымъ для сравнительнаго изученія. Само собою разумѣется, предъ грандіозностію предлежащаго кропотливаго труда единоличныя усилія могутъ значить не болѣе капли въ морѣ; но вѣдь не менѣе несомнѣнно, что постоянно падающія капли долбятъ камень. Затративъ уже не мало времени и труда на производство предварительныхъ опытовъ и за тѣмъ на регистрацію и на разработку статистическихъ данныхъ, я буду и далѣе прилагать посильный трудъ, въ особенности теперь, когда при составленіи списка, я неожиданно нашелъ по многимъ селеніямъ непрерывныя описи за продолжительный періодъ времени. Тѣмъ интереснѣе становится работа, тѣмъ скорѣе хотѣлось бы воспользоваться нетронутымъ матеріаломъ, имѣющимъ чрезвычайно важное значеніе для изученія современнаго экономическаго положенія сельскаго населенія и выясненія многихъ насущныхъ вопросовъ.

---

[1]) Въ подворныхъ описяхъ имѣется: число дворовъ; ревизскихъ душъ; земли всей и по угодьямъ; лошадей, скота рабочаго, гулеваго, мелкаго; число плуговъ и сохъ, и отмѣтки о занятіи ремесломъ или промысломъ. Каждый хозяинъ показанъ отдѣльно и за каждый годъ имѣются отмѣтки о всѣхъ измѣненіяхъ.

Весьма прискорбно, что уцѣлѣвшіе остатки Румянцевской описи въ весьма значительной части остаются еще мертвымъ капиталомъ. Таже участь предстоитъ и поименованнымъ выше матеріаламъ, если къ нимъ не приложатъ труда просвѣщенные дѣятели, проникнутые желаніемъ послужить интересамъ нашей родины. Между тѣмъ, въ періодъ 1880—1890 г. произведены обширныя статистико-экономическія изслѣдованія въ 26 земскихъ губерніяхъ—въ томъ числѣ въ черниговской, полтавской и херсонской. Многія сотни дѣятелей по истинѣ съ самоотверженіемъ работали по земской статистикѣ и обогатили литературу массою цѣнныхъ трудовъ, которые отчасти сведены въ «Итогахъ экономическаго изслѣдованія Россіи»— капитальномъ трудѣ, предпринятомъ московскими учеными и спеціалистами. Съ каждымъ годомъ вопросы экономическіе все болѣе расширяются и привлекаютъ силы ученыхъ и спеціалистовъ къ работамъ по статистикѣ и публицистикѣ. Вотъ почему, печатая списки извѣстныхъ мнѣ матеріаловъ, я обращаю вниманіе просвѣщенныхъ дѣятелей на новые запасы цѣнныхъ историко-статистическихъ данныхъ. При этомъ позволяю себѣ высказать пожеланіе, чтобы были также напечатаны списки съ поименованіемъ тѣхъ поселеній, по которымъ имѣются Румянцевскія описи въ кіевскомъ и харьковскомъ университетахъ и въ академіи наукъ, а также, чтобы была описана коллекція подворныхъ описей 1840—60 г., хранящихся у профессора И. В. Лучицкаго. Въ такомъ случаѣ, конечно, будетъ приведенъ въ извѣстность весь наличный матеріалъ по отдѣльнымъ поселеніямъ, и тогда видно будетъ, по какимъ именно поселеніямъ имѣется болѣе цѣнный, для сравнительнаго изученія, матеріалъ, имѣя въ виду богатую современную статистико-экономическую перепись по Полтавщинѣ. Слѣдуетъ добавить еще, что многимъ извѣстно и о существованіи рукописнаго обширнаго историко-географическаго матеріала для губерніи.

Такимъ образомъ, имѣются всѣ данныя для научнаго историко-географическаго и историко-статистическаго описанія губерніи, не говоря о монографическомъ описаніи отдѣльныхъ поселеній. Но для этого потребуются соединенные труды многихъ дѣятелей и значительныя денежныя затраты для разработки и изданія матеріаловъ. А пока нужно дѣлать возможное: нужно дать хоть нѣсколько болѣе интересныхъ описаній отдѣльныхъ поселеній. Мнѣ будетъ особенно пріятно, если найдутся желающіе принять участіе въ разработкѣ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ полтавскаго земскаго статисти-

ческаго бюро [1]). Просилъ бы также гг. харьковскихъ дѣятелей ознакомиться съ архивомъ харьково-полтавскаго управленія государственныхъ имуществъ и обратить вниманіе на ежегодныя таблицы по сельскимъ обществамъ, въ которыхъ выражены итоги данныхъ подворной переписи. Наличность этихъ таблицъ чрезвычайно облегчитъ и ускоритъ сводку данныхъ по уѣздамъ. Если кто либо сдѣлаетъ мнѣ честь войти въ письменныя сношенія по занимающимъ меня вопросамъ, то прошу адресовать: въ *Полтаву*, Виктору Ивановичу Василенко. Во всякомъ случаѣ смѣю надѣяться, что написанное выше вызоветъ обмѣнъ мыслей и приведеніе въ извѣстность наличныхъ матеріаловъ по экономической статистикѣ.

В. Василенко.

Списокъ поселеній, по которымъ подворныя описи хранятся въ полтавскомъ земскомъ статистическомъ бюро.

Роменскаго уѣзда.

С. Засулье, госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—52. 1853—58. 1859—64.
„ Чернечья-Слобода, тоже — 1841—46. 1847—52. 1853—58. 1859—68.
„ Протасовка, козаки. — 1847—52. 1853—59.
„ госуд. крест. — 1847—52.
„ Томашовка, коз. — 1847—52.
М. Сиѣлое, коз. — 1841—46. 1847—52. 1853—59.
„ госуд. крест. — 1841—46. 1847—52. 1853—59.
С. Пустовойтовка, коз. — 1847—52. 1853—58. 1859—62.
„ каз. крест. — 1841—46.
Г. Ромны, коз. — 1847. 1853—58. 1859—62.
М. Хмѣловъ, госуд. крест. — 1841—46. 1853—58. 1859—64.
С. Рогинцы, тоже. — 1841—46. 1847—52. 1853—58.
„ Гриневка, коз. — 1853—58.
Николаевскаго общ. госуд. крест. — 1841—46. 1847—52. 1857—58.
Хрищатицкой нѣмец. колоніи. — 1846—50. 1851—54. 1855—59. 1860—62.

Гадячскаго уѣзда.

С. Крутьки, госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—52.
„ Вельбовка. „ — 1854—62.
„ Кнышовка „ — 1841—46. 1847—52. 1854—58.
М. Лютенька. „ — 1854—61.
С. Сары „ — 1841—46. 1854—63.
„ Плѣшивецъ. „ — 1847—53. 1854—58.

---

[1]) Я лично воспользовался самымъ любезнымъ содѣйствіемъ завѣдывающаго статистическимъ бюро, Н. Г. Кулябко-Корецкаго, и другихъ служащихъ, которымъ и приношу глубокую признательность.

Лубенскаго уѣзда.

М. Яблуневъ, госуд. крест. Книги за 1847—52.
С. Денисовка, коз. — 1847—52. 1853—58.
„ каз. крест. — 1847—52.
„ Овсюки. „ — 1847—52. 1853—58.
„ Оржица. коз. 1841—46. 1858—61
„ каз. крест. — 1841—46. 1847—52.
„ Зарожскіе, коз. — 1847—52. 1853—58. 1858—61.
„ каз. крест. — 1847—52. 1853—58.

Хорольскаго уѣзда.

д. Нарожье, коз. Книги за 1853—57. 1859—60.
с. Кривая-руда, каз. крест. — 1841—46. 1847—50. 1859—60.
„ Зубани, коз. — 1854—59.
„ Заиченцы, коз. — 1859—60.

Полтавскаго уѣзда.

Россошинскаго общества гос. крест. Книги за 1847—52. 1853—60.
Остромогиловскаго общ. — 1847.
Ивонченскаго „ — 1841—46. 1847—52.
Байракскаго „ 1858.
Долинскаго „ 1858.

Зѣньковскаго уѣзда.

С. Великая-Павловка, коз. Книги за 1841—46. 1847—52.
„ Пирки, тоже, — 1847—51. 1852—55. 1859—60.
„ Тарасовка, тоже, — 1847—52. 1853—54. 1855. 1857—58. 1860.
М. Грунь; тоже, — 1841—46. 1847—52. 1852—56. 1857—59.
„ каз. крест. 1847—51.
С. Комыши, коз. — 1841—46. 1847—51. 1852—55. 1959—60.

Кобелякскаго уѣзда.

Х. Бреусовскіе, коз. Книги за 1841—46. 1852—58.
М. Маячка. тоже, — 1857—61.
„ Орликъ, гос. крест. — 1850—61.
Х. Велико-Кобелячковскіе, коз. — 1847—52.
М. Царичанка, коз. — 1858—61.

Кременчугскаго уѣзда.

Погребянскаго общ. госуд. крест. Книги за 1841—46. 1847—55.
Потокскаго тоже. — 1841—46. 1855—56.
С. Максимовка, коз. — 1841—46. 1847—52. 1853—56. 1857—58.
М. Чигринъ-Дуброва — 1847—55. 1856—58.
Д. Пещаная — 1847—52. 1853—56. 1860.
Градижскаго общ. госуд. крп. — 1847—48. 1847—55. 1856—58. 1859—61. 1860—61.

Пос. Крюковъ. — 1841.
Д. Тимченкова, коз. — 1847—51. 1856—58. 1859—64.
„ Кохновка — 1847—48. 1860.

Списокъ поселеній, по которымъ имѣются книги переписи 1835 года козаковъ.

Гадяч. у. с. Крутьковъ и Саръ.
Полтав. у. м. Старыхъ-Сенжаръ.
Хорол. у. „ Балаклеи.
Зѣньцов. у. „ Опошни.
Кременч. у. г. Градижска.
Лубен. у. м. Лукомья, сс. Овсюковъ, Перервинецъ, Круподеринецъ, Плехова, Иржавца, Остановки, Денисовки, Великой-Селецкой, Малой-Селецкой, Онушекъ, Золотухъ, Савинецъ, мм. Яблонева, Оржицы, хх. Зарожскаго, Загребелья.

Сверхъ того.

Описи государственныхъ крестьянъ по гадячскому округу.
„ „ „ „ супруновской вол. полтав. у.

Заключаютъ въ себѣ общіе итоги по подворнымъ описямъ 1845—1854 г. и нѣкоторыя другія данныя о причисленіи и исключеніи душъ и т. п.

Списокъ поселеній по описи 1785 года посполитыхъ Гадячскаго полка.

Гадячскаго уѣзда.

	Число хозяевъ.		Число хозяевъ.
Г. Гадячъ, посполитыхъ.	254,	с. Лисовка,	20.
„ подсосѣд.	17,	„ Млины,	49.
Хут. Гадячскіе поспол.	48,	„ Красная-Лука,	45.
С. Сары,	38,	„ Вельбовка,	103.
„ Цѣпки,	31,	„ Свинарное,	92.
„ Крутьки,	15,	м. Лѣтенька,	177.
„ Будища съ хх.	258,	с. Плѣшивецъ,	140.
„ Подставки,	33,	„ Подолки,	239.
„ Пирки,	3.		

Зѣньковскаго уѣзда.

	Число хозяевъ.		Число хозяевъ.
М. Опошня,	49,	с. Млины-Линскіе,	3.
„ Буды,	1,	„ Власовка,	2.
„ Дейкаловка,	3,	м. Куземинъ,	9.
„ Грунь,	34,	с. Лютенскія Будища,	53.
		Итого 2011.	

Письмо Алексѣя Петровича Стороженка къ Андрею Александровичу Краевскому. (Извлечено В. П. Горленкомъ изъ рукоп. Импер. Публичной Библіот.). Милостивый Государь Андрей Александровичъ! Ваше горе одинаково и наше горе, подписчиковъ «Голоса». Фразильное «Новое Время» не удовлетворяетъ насъ, но мы не ропщемъ и отъ всего сердца готовы принять участіе въ Вашихъ страданіяхъ за дѣло правое. Впрочемъ мы не теряемъ надежды, что гнѣвъ прейдетъ на милость и срокъ закрытія газеты сократятъ. Классицизмъ весьма знаменательно отразился въ Сѣверо-Западномъ краѣ: 4-классн. гимназіи опустѣли и вся молодежь удрала въ военную службу отъ латинскаго и греческаго языковъ. Вѣроятно, тоже явленіе послѣдуетъ и въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Поручаю Вашему покровительству мое дѣтище, которое отлежало себѣ бока и просится въ свѣтъ. Сюжетъ романа изъ польской революціи 1863 года, подъ названіемъ «Былое не минувшее», записки русскаго землевладѣльца. Прослуживши въ краѣ съ самаго начала мятежа и до окончанія, я былъ посвященъ во всѣ таинства польской интриги и имѣлъ возможность собрать всѣ факты, относящіеся къ мятежу. Кромѣ того, 40 лѣтъ изучая шляхту, я, признаюсь, вызубрилъ польскую натуру въ совершенствѣ. Описывая продѣлки патріотовъ, я не подводилъ ихъ по обыкновенію къ одному знаменателю и отмѣчалъ и другія личности, которыя были исключеніемъ изъ общей массы юродивыхъ. Впрочемъ, не мнѣ судить о своемъ дѣтищѣ, мрочтите и сами опредѣлите его достоинства и недостатки, и если признаете годнымъ, то прошу напечатать по возможности скорѣе въ вашемъ журналѣ. Ужъ больно старъ сталъ, пожалуй и не доживу до того времени, когда появится на страницахъ Отечественныхъ Записокъ мое послѣднее сказаніе.

Увѣренъ, что вы, по доброму вашему расположенію, не замедлите отвѣтомъ, который буду ожидать съ нетерпѣніемъ. На случай же, если *наше не въ ладъ*, то будьте снисходительны, пришлите *назадъ*. Пріймите увѣреніе и пр. Алексѣй Стороженко, 25 февраля 1872 г. Брестъ.

P. S. По случаю годовщины (100) перваго раздѣла, шляхта сильно хорохорится. Время для напечатанія романа весьма удобное.

«Былое не минувшее» не было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ. Алексѣй Петровичъ умеръ 6 ноября 1874 г.

Библіографическая справка. А. И. Чепа, неутомимый собиратель матеріаловъ для изученія родной старины, не ограничивался пріобрѣтеніемъ рукописнаго матеріала, а при случаѣ дѣлалъ выписки и изъ печатныхъ источниковъ, если не могъ пріобрѣсть интересовавшихъ его книгъ въ собственность. Въ Яготинскомъ архивѣ князя Н. В. Репнина сохранилась сдѣланная имъ выписка всего относящагося къ Малороссіи изъ книги «Картина Россіи», напечатанной въ Москвѣ 1807 года, часть I, отъ стр. 218 по 247.

По справкѣ въ Публичной Библіотекѣ, сдѣланной В. П. Горленкомъ, подробное заглавіе этой книги слѣдующее: «Картина Россіи, изображающая исторію и географію, хронологію, генеалогически и статистически, со включеніемъ обозрѣнія по духовной, военной и гражданской ея частямъ, какъ въ первобытномъ состояніи, такъ и въ царствованіе Государя Императора Александра I. Въ вольной типографіи Ѳедора Любія. Москва, 1807 г. Иждивеніемъ Ѳедора Любія». Стр. 364 in 16⁰. Чепа списалъ изъ книжки все относящееся къ Малороссіи, кромѣ нѣсколькихъ строкъ описанія границъ Малороссіи на стр. 8-й.

Въ составленномъ А. М. Лазаревскимъ «Указателѣ источниковъ для изученія малороссійскаго края. Вып. I, СПБ. 1858 г.» названная книжка не упомянута.

Особый способъ напоминать о себѣ начальству. Les enfants gâtés pleurent. Губернское правленіе представило меня къ чину за прошедшія два трехлѣтія. По ходу сего рода дѣлъ ожидаютъ иногда нѣсколько лѣтъ производства. Располагая же выйти въ отставку, обстоятельствомъ симъ затрудняюсь, не желая потерять уже выслуженное. Но отъ благодѣтельнаго ко мнѣ расположенія Вашего Сіятельства совершенно зависитъ рѣшить сіе стѣсненіе, поставя избалованнаго Вами Лукашевича въ тотъ списокъ, въ коемъ мѣститься будутъ удостоенные къ чему либо за отличіе, таковымъ способомъ получу и я свое безъ замедленія и буду единственно Вамъ обязанъ за сію особенную милость, которая послужитъ вмѣстѣ и финаломъ всѣмъ прежде оказаннымъ.

Письмо это писано было Платономъ Яковлевичемъ Лукашевичемъ, богатымъ полтавскимъ помѣщикомъ, извѣстнымъ собирателемъ старопечатныхъ книгъ и рукописей, къ князю Николаю Григорье-

вичу Репнину. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» было помѣщено его письмо къ генералъ-губернатору Бибикову. Въ его богатую коллекцію были пріобрѣтены, какъ извѣстно, и бумаги историка Н. А. Маркевича, теперь хранящіеся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Сообщ. **Н. В. Стороженко.**

Письмо Ѳ. Булгарина о Гоголѣ. Съ появленія Гоголя въ литературѣ и во все время его писательской дѣятельности ярыми противниками его были всегда, какъ извѣстно, «Сѣверная пчела», съ Булгаринымъ и Гречемъ, и Сенковскій. Ненависть къ создателю художественнаго реализма эти доблестные дѣятели сохранили до конца своихъ дней, и даже надъ свѣжей могилой Гоголя раздавались ихъ близорукіе и пристрастные приговоры. Въ 1872 году въ «Русской Старинѣ» (№ 3) напечатано было письмо Булгарина къ Хавскому по поводу смерти Гоголя, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ: «Никто не нанесъ погубнѣйшаго удара чистотѣ, правильности русскаго языка и изъящному вкусу, какъ Гоголь. Лавровые листы, которые вы прислали мнѣ съ его гроба, не расцвѣтутъ въ потомствѣ, всегда справедливомъ». Еще болѣе яркое свидѣтельство тупого и близорукаго отношенія къ великому писателю представляетъ печатаемое ниже письмо. Оно сохранилось въ копіи, засвидѣльствованной собирателемъ, въ бумагахъ А. А. Краевскаго, поступившихъ теперь въ Императ. Публичную Библіотеку. Безсильная злоба, которой оно проникнуто, возбуждаетъ теперь только презрѣніе, а извѣстіе о покровительствѣ В. П. Кочубея, не подтверждаемое никакими фактами біографіи Гоголя, довольно ужъ разработанной, слишкомъ отзывается инсинуаціей. Адрессовано письмо неизвѣстному лицу, прислашему въ газету Булгарина посмертную замѣтку о Гоголѣ. «Милостивый Государь Василій Васильевичъ! Весьма сожалѣю, что ваша умная и хорошо написанная статья «нѣсколько словъ о Гоголѣ» не можетъ быть помѣщена въ «Сѣверной Пчелѣ», которая не можетъ компроментироваться до такой степени, чтобы вдругъ, изъ одного угожденія, отречься отъ всѣхъ своихъ убѣжденій. «Сѣверная Пчела», отъ выступленія Гоголя на литературное поприще говорила одно и тоже и даже за день до смерти его высказала свое мнѣніе противное тому, которое вами обнаружено. Гоголь въ первое свое пребываніе въ Петербургѣ обратился ко *мнѣ*, чрезъ меня получилъ казенное мѣсто съ жалованьемъ и *въ честь мою* писалъ стихи, которые мнѣ стыдно даже объявлять!

Издавъ «Вечера на Диканькѣ» (sic), онъ былъ принятъ подъ покровительство княземъ В. П. Кочубеемъ, а, вслѣдъ за этимъ, партія литературная взяла Гоголя какъ *знамя*, для униженія другихъ писателей.

При концѣ своей жизни Гоголь разыгрывалъ роль Тартюфа въ домѣ набожной русской барыни. Слѣдовательно, этими и другими дѣлами Гоголя я *убѣжденъ*, что онъ *не добродушный*, какъ вы говорите. Не могу я принять вашихъ убѣжденій, что Гоголь составилъ *новый періодъ* въ русской литературѣ, что онъ «создалъ чисто національные элементы въ литературѣ», что «заслуги его равны заслугамъ Ломоносова и Карамзина» и проч. По моему мнѣнію, Гоголь, одинъ изъ тѣхъ тонкихъ хитрецовъ, которые умѣютъ прикрываться мантіей простодушія и которыхъ производятъ только Италія и Малороссія, списывалъ малороссійскую мелкую шляхту, представляя ихъ въ образѣ русскихъ дворянъ всѣхъ званій, *не зная русскаго языка*, писалъ малороссійскими фразами, не постигалъ никакихъ литературныхъ приличій и условій изящнаго, а потому не можетъ называться *художникомъ*, а былъ просто малороссійскій *жартовникъ*, какихъ бездна въ ярмарочной малороссійской литературѣ, и вся важность въ протекціи князя Виктора Павловича Кочубея и въ упрямствѣ литературной партіи. Человѣкъ, который дерзнулъ описать лакея, вошедшаго въ комнату барина съ вонью, будочника, бьющаго насѣкомыхъ на воротникѣ—жалкая фигура! писалъ онъ *малороссійскіе* нравы, выдавалъ ихъ за *русскіе*, потому что не зналъ ни одного иностраннаго языка и ничего не читалъ. Какую *идею* оставилъ послѣ себя Гоголь? какую *мысль* развилъ? Какое чувство разбудилъ въ читателяхъ? Выставилъ-ли хоть одинъ характеръ порядочной женщины? Просперъ Мериме истинно и справедливо описалъ Гоголя, а Мериме человѣкъ намъ чуждый и безпристрастный. Гоголь,—минутное заблужденіе русской литературы,—есть только *примѣръ раздора партій*, возвышающій достойнаго и примѣръ покровительства русскаго вельможи, который можетъ заставить кланяться и своему кучеру! Меня однакожъ не заставилъ поклониться шуту. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Спб. 21 марта 1852 года. Ѳ. Булгаринъ.

Жалованная грамота кн. Станиславу Понятовскому на староство богуславское (1777 г. августа 18). Приводимая ниже грамота кн. Станиславу Понятовскому (племянникъ короля Стани-

слава Августа) на староство богуславское имѣетъ такое же значеніе для исторіи мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, какъ и грамота Ф. К. Браницкому на староство бѣлоцерковское [1]), тѣмъ болѣе, что кн. Понятовскій послѣ присоединенія края къ Россіи продалъ это свое владѣніе тому же Ф. К. Браницкому. Грамота печатается по современному русскому оффиціальному переводу.

Станиславъ Августъ Б. М. Король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Самоштскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Подлясскій, Ливонскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій—объявляемъ всѣмъ и каждому въ особенности, кому о семъ знать надобно, что какъ услуги племянника Нашего кн. Станислава Понятовскаго по арміи царства Нашего генералъ-лейтенанта, и пол(ь)наго войскъ Нашихъ командира Намъ и республикѣ съ самаго юношества въ разныхъ случаяхъ и сраженіяхъ оказываемыя, возбудили Насъ къ тому, что Мы ему и наслѣдникамъ его недвижимое имѣніе Богуславъ съ принадлежностями онаго въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ числящеесь и состоящее, Намъ и наслѣдникамъ Нашимъ по силѣ конституцій на генеральномъ Сеймѣ 1773 г. при главной конфедераціи начавшемся, а 1775 г. оконченномъ состоявшейся по наслѣдственному праву (которое и на прочее недвижимое имѣніе дворянъ и помѣщиковъ Царства сего распространяется), совмѣстно съ прочими тремя староствами республикою предложенное, Нами же съ объявленіемъ сохранить права дѣйствительныхъ зависимыхъ владѣльцевъ до времени жизни ихъ, принятое—тѣмъ же земскимъ наслѣдственнымъ правомъ, совмѣстно съ правомъ нынѣшняго дожизненнаго владѣльца, дали и подарили, а именно настоящею Дарственною Грамотою Нашею оное недвижимое наслѣдственное имѣніе Наше, то есть: мѣстечка Богуславъ и Медвинъ съ принадлежностями ихъ и селенія Красногородку, Баранье Поле, Дмитренки, Кидановку, Бѣвецъ, Дешки, Хахутву, Яцюки, Исайки, Роскопанцы, Дыбынцы, Бородане, Чайки, Мисайловку, Люторы, Карапиши, Пустовойты, Липовецъ, Зеліонки, Россаву, Мироновку, Тупики, Баше, Шупики, Карандынцы, Вахутынцы, Гуле, Мылистяны, Яхны, Семигоры, Ольховецъ, Яновку, Москаленки, Тептіевку, Гуту, Митаевку и прочія къ тому же Богуславу относящіяся, со всѣмъ того имѣнія правомъ, владѣльчествомъ, собственностью, смежностью, правомъ наслѣдства, прибыльми, плодами, доходами, угодіями, замками, укрѣп-

[1]) См, „Кіевская Старина“ 1893 г. № 4.

леніями, строеніями, зданіями, пахатными полями, лугами, степями, лѣсами, рощами, озерами, рыбными прудами, фабриками, фабрикантами, мѣщанами, крестьянами, простолюдинами, садовниками, жильцами въ вышесказанномъ недвижимомъ имѣніи находящимись и гдѣлибо находиться могущими, скотами, со всею того имѣнія домашнею рухлядью, данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, обыкновенно ими выполняемомъ, а также съ правомъ одобрять вступающихъ всякихъ священниковъ обоего исповѣданія, и со всѣми наконецъ принадлежностями, подъ какимъ бы то ни было именемъ и названіемъ числящимись, къ Богуславскому имѣнію относящимись, ничего ни для насъ самихъ, ни для наслѣдниковъ нашихъ не исключая, но въ такой ширинѣ, долготѣ и окружности, какъ нынѣ въ своихъ межахъ и границахъ состоитъ и находиться должно, оному знаменитому кн. С. Понятовскому и его наслѣдникамъ земскимъ наслѣдственнымъ, никогда не отзывнымъ правомъ по точной силѣ статута, даемъ, даримъ и на вѣчныя времена уступаемъ. По силѣ каковой Дарственной Нашей онъ знаменитый кн. С. Понятовскій и его наслѣдники помянутое Богуславское имѣніе со всѣми онаго принадлежностями и отношеніями посредствомъ урядоваго ввода приметъ и владѣть будетъ, доходами-же изъ онаго не прежде, какъ по смерти нынѣшняго дожизненнаго владѣльца распоряжать и получать будетъ, съ полною силою и наслѣдственною властью помянутое недвижимое имѣніе дать, даровать, продать, замѣнять, отдѣлить и въ наилучшую свою пользу по волѣ и желанію своему обратить. Обѣщаемъ же при томъ, какъ со стороны Насъ, такъ и со стороны наслѣдниковъ рода Нашего, что часторечennому знаменитому кн. С. Понятовскому и его наслѣдникамъ въ спокойномъ наслѣдственномъ помянутаго имѣнія владѣніи и непосредственномъ полученіи доходовъ препятствовать не будемъ, ниже кого либо препятствовать не допустимъ, равно наслѣдники рода Нашего препятствовать не будутъ, ниже препятствія чинить не дозволятъ, но сверхъ того еще какъ Его самого, такъ и наслѣдниковъ Его въ наслѣдственномъ владѣніи и правѣ соблюдать, поддерживать и защищать будемъ, равно наслѣдники Наши соблюдать, поддерживать и защищать будутъ. Наконецъ, соизволяя Мы, дабы все вышеписанное всѣмъ, кому слѣдуетъ, а особливо тѣмъ урядамъ и судебнымъ мѣстамъ, вѣдомству коихъ сказанное имѣніе подлежитъ, извѣстно было, повелѣваемъ вышеозначенное имѣніе знаменитому кн. С. Понятовскому въ законное владѣніе урядово отдать и настоящую

жалованную Грамоту Нашу во всемъ привесть въ исполненіе, и оную какъ сами почитать должны, такъ и другихъ почитать и соблюдать заставить обязаны, по признательности Нашей и по долгу своему. Во увѣреніе чего сію Грамоту Нашу, собственноручно Нами подписанную, печатью Нашею утвердить повелѣли. Въ Варшавѣ 18 Августа 1777 года, а царствованія Нашего 23 года. У сей Грамоты подписи съ приложеніемъ печати слѣдующія: Станиславъ Августъ, король польскій. Коронный Секретарь кабинетной канцеляріи Е. К. В. Ресить (?) Яцекъ Огродскій (М. П.). Явка Варшавскихъ Актъ въ слѣдующемъ содержаніи: Вѣчно-жалованная грамота на имѣніе Богуславъ съ принадлежностями, въ Кіевскомъ и Брацлавскомъ воеводствахъ состоящее, знаменитому князю Станиславу Понятовскому дается. Сія грамота въ метрическіе королевской канцеляріи Акты 19 Августа 1777 г. принята и внесена, въ чемъ свидѣтельствую той-же коронной канцеляріи префектъ и секретарь Антонъ Рогальскій.

Библіографія.

І. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя въ 1892 г. Археологически (Sic)-историческое изслѣдованіе. Кіевъ, 1893 г. 4° 78 стр. и XXIX таблицъ. Цѣна 4 р.

Изданіе, заглавіе котораго мы только что выписали, принадлежитъ къ числу тѣхъ, довольно многочисленныхъ, къ сожалѣнію, произведеній, которыя, будучи предприняты при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и ведены съ замѣчательною энергіею, являются тѣмъ не менѣе совершенно безполезными, не смотря на искреннее желаніе автора принести свою долю пользы, и обогащаютъ собою лишь каталоги библіографическихъ курьезовъ. Выдающійся интересъ раскопокъ, описанію которыхъ посвященъ трудъ г. Хойновскаго, рѣдкая самоотверженность автора, пренебрегавшаго всевозможными обрушивавшимся на него непріятностями и интригами и безропотно выносившаго всѣ невзгоды ранней кіевской весны, рѣшимость его не щадить ни здоровья, ни денегъ ради спасенія найденныхъ древностей— могли бы, повидимому, обезпечить его книгѣ выдающійся научный интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы придать ему роскошный по внѣшности видъ, и, очевидно, не преслѣдовалъ никакихъ коммерческихъ разсчетовъ, назначая за него весьма скромную цѣну, если принять во вниманіе дороговизну изданій подобнаго рода.

Приходится искренно пожалѣть о томъ, что въ результатѣ всего этого получилось нѣчто, очень изящное по внѣшности, но весьма странное, лучше сказать—небывалое по своему врутреннему содержанію. А еще грустнѣе то, что виною такого прискорбнаго явленія приходится признать самого автора, въ конецъ испортившаго свое возлюбленное дѣтище. Если-бы г. Хойновскій задался цѣлью издать

только обстоятельное и добросовѣстное описаніе сдѣланныхъ имъ въ усадьбѣ г. Кривцова находокъ и пріобрѣтеній и снабдилъ его точными рисунками, то не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ его заслужилъ бы искреннюю признательность со стороны лицъ, интересующихся великокняжескою стариною. Но, къ несчастью, будучи новичкомъ въ дѣлѣ археологическихъ и историческихъ изысканій (по крайней мѣрѣ, на сколько намъ извѣстно, разбираемая книга является первымъ его опытомъ), онъ увлекся заманчивою мечтою, на основаніи сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній, нарисовать полную картину быта великокняжеской эпохи, пополнить и исправить лѣтописныя сказанія и—тѣмъ испортилъ все. Самыя искреннія пожеланія и самыя добрыя намѣренія, столкнувшись съ полною неподготовленностью и неопытностью въ области археологіи и исторіи, должны были разбиться и, конечно, разбились въ дребезги. Руководимый понятнымъ въ неофитѣ желаніемъ превзойти своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ, додуматься до того, до чего они не додумались, и досказать то, чего они не досказали, г. Хойновскій пытается не только точнѣйшимъ образомъ опредѣлить научное значеніе всякой найденной имъ бездѣлушки, всякаго обломка, но и возсоздать по дошедшимъ до него фрагментамъ вещи въ первоначальномъ ихъ видѣ, уяснить подробнѣйшимъ образомъ способъ ихъ фабрикаціи и, мало того, отыскать среди знакомыхъ ему историческихъ личностей ту, которой эти вещи принадлежали. Не встрѣчая на этомъ скользкомъ пути, всего чаще, никакого другого путеводителя, кромѣ своей пылкой фантазіи, г. Хойновскій надѣлалъ, какъ мы увидимъ ниже, не мало «открытій» самаго удивительнаго свойства.

Не имѣя возможности въ предѣлахъ журнальной замѣтки исчерпать, хотя бы отчасти, богатый запасъ курьезовъ, щедрой рукой разсыпанныхъ чуть не на каждой страницѣ, постараемся дать объ «археологически-историческомъ» изслѣдованіи г. Хойновскаго хотя приблизительное понятіе, выбирая для этого наиболѣе выдающіяся мѣста.

Въ «Предисловіи» г. Хойновскій знакомитъ читателя съ археологическимъ значеніемъ мѣстности, бывшей поприщемъ его изысканій, и говоритъ, что на усадьбу кн. Трубецкого, часть которой перешла къ г. Кривцову, однимъ «знатокомъ» Кіевскихъ древностей обращено было вниманіе членовъ 3-го археологическаго съѣзда, потому что на ней и на смежныхъ усадьбахъ «древняго града, въ началѣ Руси былъ Княжъ-Дворъ, что здѣсь на этой горѣ жилъ какъ лѣтописный Кій, такъ и основатели Русскаго государства, первые

князья кіевскіе». Такимъ образомъ г. «Знатокъ» безжалостно отнялъ у Рюрика честь основанія Русскаго государства, приписываемую ему всѣми школьными учебниками исторіи, потому только, что онъ не жилъ, какъ извѣстно, на усадьбѣ кн. Трубецкого. Не смотря, однакоже, на тотъ высокій интересъ, который могло представлять для археологовъ изслѣдованіе жилища «лѣтописнаго Кія», они не поспѣшили пріобрѣсти историческую усадьбу и, пріобрѣтя ее, «каждую былинку (?) разсмотрѣть и просѣять» и «Провидѣнію угодно было», чтобы трудъ этотъ выпалъ на долю г. Хойновскаго.

Когда началась съемка земли въ усадьбѣ г. Кривцова, мѣстные археологи поглощены были житейской прозой. «Увеселенія масляницы, званые блины, балы, концерты и дѣловое время контрактовъ поглотили все вниманіе кіевлянъ, а въ томъ числѣ и археологовъ; профессора-же были заняты лекціями въ университетѣ, да кромѣ того, слякоть въ перемежку съ двѣнадцати-градуснымъ морозомъ и снѣжною мятелью такъ устрашили любознательныхъ, что никто не рѣшался сидѣть по цѣлымъ днямъ при работахъ», кромѣ г. Хойновскаго. Этотъ многотрудный подвигъ, по его словамъ, засталъ его во всеоружіи научной подготовки потому, что, «дѣлая въ прежнее время разныя изысканія на площади Кіева», онъ имѣлъ уже случай «много изучать какъ лѣтописи, такъ и описанія прошлаго времени Кіева» и «зналъ хорошо важное историческое значеніе и блестящее прошлое участка», на которомъ происходили раскопки.

Желая обезпечить себѣ содѣйствіе рабочихъ при изысканіяхъ, г. Хойновскій рѣшился «развить между рабочими корыстолюбіе и соревнованіе», рискуя самъ сдѣлаться жертвою этого соревнованія въ томъ смыслѣ, что увлеченные корыстолюбіемъ землекопы будутъ сбывать ему, подъ видомъ находокъ, всевозможный хламъ, что кажется, и было на самомъ дѣлѣ. «Вооружаясь каждое утро кошелькомъ съ мелкимъ серебромъ и «кредитками», г. Хойновскій имѣлъ счастіе спасти отъ забвенія «много предметовъ довольно интересныхъ (излишняя скромность—какъ увидимъ ниже) въ историческомъ значеніи», и «сдѣлалъ все, что при данныхъ условіяхъ могъ сдѣлать, и добылъ такіе результаты, какіе энергія и деньги (а также, прибавимъ отъ себя, и пламенное воображеніе) могли добыть» (стр. 1—3).

Излагая на стр. 3—13 относящіяся къ заинтересовавшей его мѣстности лѣтописныя сказанія (и обращаясь притомъ съ лѣтописнымъ подлинникомъ довольно безцеремонно: напримѣръ, переводя слова «идѣже есть дворъ Воротиславль и Чюдинъ» словами «имѣли

свои усадьбы Воротиславль и Чюдинъ» и т. д., все въ томъ-же родѣ) и описывая прежде бывшія на ней раскопки, г. Хойновскій, увлеченный историческими воспоминаніями, впадаетъ въ неподдѣльный лиризмъ. Заявивъ, что «о прошломъ времени града» онъ почерпнулъ свѣдѣнія изъ лѣтописей, «т. е. сухаго хронологическаго перечисленія разныхъ событій, совершавшихся на этомъ мѣстѣ», онъ говоритъ, что «радость и горе» жившихъ тамъ людей ему удалось узнать «только теперь, слѣдя, какъ въ панорамѣ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ за постоянно новыми картинами бытовой обстановки», которую открывали ему нѣдра земли. Передъ его очами «раскрывались постепенно страницы исторіи жившихъ тамъ людей и языческаго времени, съ ихъ жертвоприношеніями», привелось ему увидать и «обстановку перваго поселенца на горѣ (Кія?!), въ его землянкѣ и очагѣ (любопытно—какая была въ очагѣ обстановка, да еще у перваго поселенца), и роскошную обстановку Великокняжескаго двора, и всѣ ужасы поруба или княжей тюрьмы, и поголовную рѣзню монголовъ (кто-же это рѣзалъ монголовъ-то, да еще и поголовно?), ихъ дикое кощунство (надъ чѣмъ?) и всеобъемлющее истребленіе (чего?), а послѣ того погрома всѣ великія страницы былаго померкли, исчезли и канули въ вѣчность забвенія» (стр. 13). Хорошо еще, что эти «великія страницы былого» не совсѣмъ померкли, потому что г. Хойновскому удалось спасти ихъ и прочесть въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ.

«Постепенно раскрывавшіяся нѣдра земли» были для него, «знавшаго прошлое и опытнаго въ выводахъ изъ находокъ соображеній»,—живой исторической книгой. Г. Хойновскаго удивляетъ «охота нѣкоторыхъ лицъ браться за описаніе этой раскопки на томъ только основаніи, что увидѣли найденныя тамъ вещи и посѣтили на нѣсколько минутъ раскопанное мѣсто». Лица эти, по его мнѣнію, похожи на «человѣка, прочитавшаго эпилогъ повѣсти и судящаго о содержаніи всей повѣсти». «Желаю имъ успѣха, но не желаю руководствоваться ихъ описаніемъ»!—гордо восклицаетъ г. Хойновскій и приглашаетъ изслѣдователей великокняжеской эпохи выйти изъ рамокъ лѣтописи на просторъ» и «захватить сколько можно больше данныхъ изъ археологическихъ изслѣдованій». Послѣдуемъ за нимъ и посмотримъ, что удалось ему захватить изъ своихъ раскопокъ.

Не смотря на свою опытность «въ выходахъ изъ находокъ соображеній», а можетъ быть именно благодаря этой опытности, г. Хойновскій находитъ самыя достопримѣчательныя вещи чуть не на

каждомъ шагу. То попадается ему среди множества скелетовъ (вѣроятно результатъ «рѣзни монголовъ») горшокъ, наполненный «какъ-бы пшенной кашей». (Что содержимое горшка именно «пшенная», а не иная какая нибудь каша—по мнѣнію г. Хойновскаго—не подлежитъ сомнѣнію. Хотя «комья истлѣвшей каши обратились «въ сѣрую пыль», но за то «середина зеренъ пшена, покрытая сѣрою пылью, сохранила черное ядро, величиною въ маковое зерно» (стр. 16). То находитъ онъ кусокъ «подмуровки» отъ «древнѣйшаго жилья», которое, ничтоже сумняся, относитъ ко временамъ Св. Ольги (стр. 21); то попадается ему, «невеликъ» отъ связки старыхъ кожаныхъ ноженъ (отъ «мечей» (?) временъ Петра I—по опредѣленію г. Хойновскаго) старый желѣзный топоръ, и г. Хойновскій тотчасъ-же видитъ въ немъ представителя вооруженія кіевскихъ дружинъ «во времена Олега и Ярополка I» (стр. 22).

Найдя нѣсколько обломковъ шиферныхъ досокъ и желѣзное кольцо, «въ отверстіе котораго могъ пройти дручокъ оглобли», которое, впрочемъ, кто-то у него «утащилъ», г. Хойновскому «имѣя въ наличности столько данныхъ» (стр. 38), съ поразительной легкостью удается возстановить гробницу великокняжеской эпохи, которую онъ и воспроизводитъ на таб. XV, съ мельчайшими подробностями. Не смущаясь отсутствіемъ на этихъ «данныхъ» никакихъ слѣдовъ надписей или другихъ признаковъ, могущихъ указать ихъ истинное назначеніе, г. Хойновскій считаетъ себя обязаннымъ «пояснить», что гробница эта была въ 1240 г. разбита монголами, а находившійся въ ней трупъ—ограбленъ. Не довольствуясь и этими «соображеніями изъ находокъ», авторъ пытается, пока еще робко, поставить найденные имъ куски шифера и *видѣнное* имъ кольцо въ связь съ именемъ Ярополка II, вычитанномъ имъ въ лѣтописи. За этою первою попыткою послѣдовали, какъ увидимъ ниже, другія, болѣе смѣлыя. Страсть г. Хойновскаго къ «соображеніямъ» заводитъ его нерѣдко въ области, очевидно мало ему знакомыя. Найдя мѣдную византійскую монету будто-бы «Максима Дуки» (мы что-то не слыхивали о такомъ византійскомъ императорѣ), онъ тотчасъ-же перескакиваетъ на монеты первыхъ князей кіевскихъ и авторитетнымъ тономъ замѣчаетъ, что монеты эти потому не попались ему въ раскопкахъ, «что до Владиміра Мономаха кіевскіе князья и не имѣли своей мелкой монеты, за исключеніемъ гривенъ (будто-бы гривна тоже мелкая монета) да звѣриныхъ шкурокъ и, какъ видно изъ раскопокъ, довольствовались мелкой византійской и польской монетой

(стр. 27)». Позволимъ себѣ замѣтить г. Хойновскому, что мелкая монета существовала на Руси и до Владиміра Мономаха; есть такъ называемое «Ярославле сребро», принадлежность котораго Ярославу I Владиміровичу считается безусловно доказанною; теорія обращенія «звѣриныхъ шкурокъ» въ качествѣ мелкой монеты нѣсколько устарѣла и въ настоящее время всѣми оставлена; а обращеніе въ Кіевѣ въ X—XII. вв. польской монеты довольно сомнительно, по крайней мѣрѣ ни г. Хойновскому и никому другому, сколько намъ извѣстно, не удалось найти на кіевской территоріи монетъ Пястовской династіи.

Находка «гробницы», будто-бы Ярополка II, очевидно разохотила г. Хойновскаго къ дальнѣйшимъ «открытіямъ». Найдя около тѣхъ обломковъ шифера, о которыхъ мы говорили выше, плохой желѣзный клинокъ, согнутый въ дугу и проржавѣвшій до потери своей первоначальной формы (см. таб. XX, гдѣ дреколіе это нарисовано въ дѣйствительномъ и въ идеализированномъ видѣ), г. Хойновскій торжественно заявляетъ, что это «драгоцѣнный мечъ, безъ сомнѣнія великокняжескій, въ золотыхъ ножнахъ, (которыхъ, впрочемъ, г. Хойновскій не видѣлъ, потому что ихъ украли рабочіе) и инкрустованный золотомъ» (стр. 38). То ничтожное обстоятельство, что «драгоцѣнный»» мечъ, будучи согнутъ настолько, что концы его почти сходятся, по всей вѣроятности или переломился-бы или выпрямился, нисколько не смущаетъ автора, и онъ продолжаетъ: «въ нѣсколькихъ мѣстахъ мнѣ удалось отмучить (?) достаточно пластинку (т. е. мечъ), чтобы видѣть рисунокъ, но около рукоятки, гдѣ можно ожидать болѣе крупнаго орнамента, а можетъ быть и надписи, невозможно удалить толстой накипи изъ опасенія, что мечъ распадется и искрошится, а на такую рискованную операцію съ мечемъ сына Мономаха, который онъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ кіевскимъ престоломъ унаслѣдовалъ отъ своего славнаго отца Владиміра Мономаха, я не рѣшился» (стр. 39). Воля Ваша, г. Хойновскій, мы готовы вѣрить Вашей опытности въ выводахъ изъ находокъ соображеній, но никакъ не можемъ согласиться, чтобы Владиміръ Мономахъ рѣшился самъ носить, да еще оставить въ наслѣдіе сыну такой дрянной клинокъ, который гнется какъ свинецъ. Но на этомъ исторія меча еще не оканчивается. По увѣренію г. Хойновскаго, у меча этого «эфесъ рукоятки» былъ изъ массивнаго золота, но не дошелъ до насъ потому, что «снятъ былъ цѣликомъ монголами» (почему непремѣнно «массивнаго» и почему именно «цѣликомъ» —неизвѣстно). Мечъ этотъ хотѣли сломать на могилѣ

Ярополка, потому что во времена великокняжескія былъ будто-бы такой обычай или, какъ выражается г. Хойновскій — «застыла рука владѣвшаго этимъ мечемъ и сыновья ломали отцовское оружіе и клали его вмѣстѣ съ прахомъ отца, оказывая (?) въ своей горести по родителю, что они не могутъ такъ доблестно владѣть отцовскимъ мечемъ, какъ онъ имъ владѣлъ». Краснорѣчиво—но не убѣдительно!

Какъ г. Хойновскій по мечу Мономаха узналъ гробницу Ярополка II, а по гробницѣ Ярополка II узналъ мечъ Мономаха, такъ по найденному въ одной изъ раскопанныхъ могилъ бронзовому энколпіону, который онъ тоже «отмучивалъ», чтобы имѣть возможность подробнѣйшимъ образомъ (но, увы, весьма бездоказательно) разсказать читателямъ способъ его фабрикаціи,—онъ съ тою-же авторитетностью опредѣлилъ, что въ открытой имъ могилѣ «вѣроятно былъ похороненъ игуменъ Янкина монастыря «Григорій», упоминаемый въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1127 г. (стр. 34). Однимъ словомъ, стоитъ г. Хойновскому, найдя ту или другую вещь, припомнить первую попавшуюся историческую личность—и связь между ними является сама собою.

Хороша въ своемъ родѣ исторія Мономахова меча, но еще лучше слѣдующій пассажъ: найдя, между прочимъ, костяную и глиняную штучки, похожія на современныя игральныя шашки, г. Хойновскій рѣшаетъ, что это тѣ самыя шашки, которыми «юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками», и поясняетъ удивленному читателю, что «игра въ шашки, *можетъ быть*, принесена была Св. Ольгой изъ Византіи, гдѣ ею забавлялись при дворѣ, *а потому* 956 г. можно считать началомъ введенія этой игры въ Кіевѣ и съ этого времени игра въ шашки начала замѣнять существовавшую у насъ со временъ Сарматовъ игру въ кости» (стр. 75). Эти «можетъ быть» и «а потому» настолько неподражаемы, что, выражаясь высокимъ слогомъ, мысль цѣпенѣетъ и перо выпадаетъ изъ рукъ.

Думаемъ, что приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы дать понятіе о научномъ достоинствѣ труда г. Хойновскаго. Выйдя, по его собственному выраженію, изъ узкихъ рамокъ лѣтописи и захвативъ, сколько могъ, данныхъ изъ своихъ раскопокъ, онъ на стр. 65—78 рисуетъ картину быта великокняжеской эпохи на основаніи сдѣланныхъ имъ «открытій». Не останавливаясь на ней подробно, скажемъ одно: каковы «открытія»—такова и картина. Для образчика приведемъ только одну деталь—объясненіе, почему урочище «Уздыхальница» получило свое названіе. Поставивъ на видъ

князьямъ-язычникамъ, что они «не знали теплыхъ чувствъ семейной жизни и до христіанства имѣли много женъ и наложницъ», г. Хойновскій продолжаетъ: «въ теремномъ дворѣ (находившемся на Уздыхальницѣ) содержались взаперти за оградой жены и дѣвушки князей, тоскуя въ ожиданіи ласки князя, и, въ однообразіи замкнутой жизни, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ихъ груди, какъ плачъ Ярославны въ ожиданіи возврата Игоря изъ похода на Половцевъ, и оттого древніе кіевляне назвали эту гору Уздыхальницей или Вздыхальницей» (стр. 73).

Да простятъ намъ читатели «Кіевской Старины» и г. Хойновскій за то, что мы, можетъ быть, злоупотребляли выписками и, начавъ говорить серьезно, перешли чуть не на фельетонный тонъ. Но, право, приведенныя нами цитаты даютъ, на нашъ взглядъ, такое живое представленіе о книгѣ, языкѣ, которымъ она написана, и научныхъ пріемахъ автора, что не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ, а фельетонный тонъ намъ показался наиболѣе умѣстнымъ въ рецензіи о такомъ «археологически-историческомъ изслѣдованіи», авторъ котораго позволяетъ себѣ совершенно серьезно говорить о драгоцѣнномъ мечѣ «славнаго Владиміра Мономаха» и о шашкахъ, которыми «юный Святославъ забавлялся съ своими дядьками».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о рисункахъ. Не смотря на всѣ промахи текста, объясняемые неподготовленностью и излишнимъ увлеченіемъ автора, точные снимки съ нѣкоторыхъ изъ найденныхъ имъ предметовъ могли-бы имѣть цѣну въ научномъ отношеніи, если бы и тутъ г. Хойновскій, «освободившись отъ узкихъ рамокъ» общепринятыхъ нынѣ способовъ воспроизведенія, не «вышелъ на просторъ» собственной изобрѣтательности. Не довольствуясь фототипіей съ фотографій, которая передаетъ предметы въ томъ видѣ, каковы они на самомъ дѣлѣ, г. Хойновскій предпочелъ сначала сдѣлать съ пріобрѣтенныхъ имъ древностей рисунки отъ руки (иногда крайне небрежные—см. напр. таб. IV №№ 13—15, таб. XV № 134, таб. XIX № 80 и др.), а потомъ уже воспроизвести ихъ фототипически. Вслѣдствіе этого на таблицахъ иногда можно видѣть не то, что есть, а то, что желаетъ видѣть г. Хойновскій.

Еще разъ отъ души сожалѣемъ, что г. Хойновскій затратилъ столько труда и денегъ на изданіе, столь изящное по внѣшности, столь симпатичное по замыслу и столь неудачное по выполненію. Желаемъ ему бо́льшаго успѣха въ будущемъ! Е.

Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г.).

Названный здѣсь сборникъ представляетъ довольно много интереснаго какъ для этнографа, такъ и для филолога. Этнографическій отдѣлъ его заключаетъ въ себѣ довольно обширное собраніе произведеній народной словесности на двухъ смежныхъ говорахъ воронежской губ.: на такъ назыв. «воронежскомъ мѣщанскомъ» говорѣ, принадлежащемъ къ группѣ говоровъ южно-великорусскаго поднарѣчія, и на мѣстномъ говорѣ малорусскаго или, по терминологіи г. Дикарева, «украйно-русскаго» нарѣчія. Въ филологическій отдѣлъ вошли статьи г. Дикарева, представляющія: «очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора, сравнительно съ украйно-русскимъ нарѣчіемъ»; двѣ статистическія таблицы звуковыхъ отношеній прилуцкаго говора полтавской губ. и воронежскаго мѣщанскаго говора, и, наконецъ, «Нѣсколько словъ къ очерку».

Словесный матеріалъ перваго отдѣла, записанный, такъ наз., «фонетическимъ» правописаніемъ, любопытенъ также и въ діалектологическомъ отношеніи, представляя образцы живой великорусской и малорусской рѣчи въ говорахъ, подвергавшихся долгое время взаимному вліянію другъ на друга, вслѣдствіе непосредственнаго и довольно давняго сосѣдства.

Но особенный интересъ «Сборника» заключается не столько въ сказанномъ словесномъ матеріалѣ его, сколько въ филологическихъ работахъ г. Дикарева. Послѣднія же тѣмъ, главнымъ образомъ, обращаютъ на себя вниманіе, что въ нихъ, сколько знаемъ, впервые дѣлается попытка научнаго обоснованія и систематическаго примѣненія статистическаго метода къ изслѣдованію звуковаго состава и строя русскихъ нарѣчій (точнѣе—говоровъ) съ другими славянскими нарѣчіями (литературными), и къ построенію на добытыхъ этимъ путемъ данныхъ параллельныхъ характеристикъ этихъ нарѣчій.

Благодаря сравнительной новизнѣ дѣла и возбуждаемымъ имъ вопросамъ, имѣющимъ принципіальное значеніе для лингвистики и для методическихъ ея пріемовъ, трудъ г. Дикарева былъ замѣченъ въ печати и вызвалъ нѣсколько критическихъ о себѣ отзывовъ, изъ которыхъ намъ извѣстны отзывы о немъ: въ библіографической замѣткѣ литературнаго обозрѣвателя «Вѣстника Европы» [1]), и въ рецензіяхъ двухъ филологовъ спеціалистовъ: г. А. С—скаго (если не оши-

[1]) Іюль, 1892 г., стр. 433—4.

баемся, проф. А. И. Соболевскаго) въ рецензіи, помѣщенной въ «Живой Старинѣ» [1]) и г. Евгенія Будде—въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» [2]). Впрочемъ, изъ нихъ только рецензія г. Будде трактуетъ трудъ автора нѣсколько подробнѣе; первыя же двѣ ограничиваются лишь краткими замѣчаніями, болѣе или менѣе общаго характера, о нѣкоторыхъ его достоинствахъ и недостаткахъ.

Но во всѣхъ этихъ рецензіяхъ вниманіе критиковъ обращено не столько на цѣлесообразность примѣняемаго авторомъ статистическаго метода въ діалектологическихъ изслѣдованіяхъ, сколько на то, какъ отнесся авторъ къ предмету своихъ изслѣдованій съ точки зрѣнія употребляемыхъ въ этихъ случаяхъ обычныхъ филологическихъ пріемовъ. Такъ, рецензентъ «Вѣст. Европы» ограничиваетъ свою оцѣнку труда г. Дикарева слѣдующимъ замѣчаніемъ: «просмотрѣвъ тотъ фонетически записанный матеріалъ,—говоритъ онъ,—на основаніи котораго г. Дикаревъ опредѣлилъ говоръ воронежскихъ мѣщанъ, какъ типическій южновеликорусскій, не трудно видѣть, что многія черты его принадлежатъ не только южному, но, напр., и центральному вел.-русскому говору. Такимъ образомъ, опредѣленіе южновеликорусскаго типа по упомянутому матеріалу окажется не вполнѣ точнымъ, и сравненіе съ прилуцкимъ можетъ показаться произвольнымъ». Что же касается статистическаго пріема изслѣдованія этого говора, то рецензентъ, довольствуясь указаніемъ на то, что этотъ пріемъ «у насъ былъ еще весьма мало или почти совсѣмъ неупотребляемъ», предоставляетъ оцѣнку его спеціалистамъ филологіи. При чемъ однако отъ себя дѣлаетъ еще слѣдующее замѣчаніе: «намъ казалось бы,—говоритъ онъ,—что, прежде чѣмъ предпринимать это спеціальное сличеніе говора воронежскаго и прилуцкаго, было бы желательно выяснить болѣе крупныя видоизмѣненія вел.-русской рѣчи, только тогда выдѣлились бы и частныя особенности болѣе тѣснаго мѣстнаго говора». Въ заключеніе рецензентъ признаетъ трудъ г. Дикарева во всякомъ случаѣ интереснымъ, въ виду того, что онъ затрогиваетъ «вопросъ, который до сихъ поръ представляетъ еще много неяснаго.»

Г. А. С — скій находитъ также, что «Очеркъ» г. Дикарева «былъ бы любопытенъ, если бы авторъ постарался подробнѣе описать и охарактеризировать говоръ воронежскаго мѣщанства и его

---

[1]) Вып. II, 1892 г., стр. 125—6.

[2]) № 2, 1892 г., стр. 314—322.

отношенія къ языку образованнаго общества, съ одной стороны, и къ ближайшимъ народнымъ говорамъ — съ другой...., а не пускался бы въ длинныя статистическія исчисленія звуковъ сомнительной цѣнности». При чемъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что у автора не отмѣчено, напр., какъ произносятся нѣкоторые звуки въ воронеж. говорѣ, каковы въ немъ особенности формъ склоненія и спряженія, а что взамѣнъ этого въ «статистикѣ вокализма» опредѣляется, «сколь часто употребляются тотъ или другой звуки въ разныхъ говорахъ и языкахъ», что, очевидно, по мнѣнію рецензента, не имѣетъ вообще особенной цѣнности.

Съ подобнаго же рода взглядами встрѣчаемся и въ болѣе обширной критической статьѣ г. Будде; но въ ней уже болѣе, чѣмъ въ предыдущихъ рецензіяхъ, обращено вниманіе на статистическій методъ и на способы примѣненія его у г. Дикарева. Однако и взглядъ г. Будде на пригодность сказаннаго метода для филологическихъ цѣлей не выраженъ съ достаточной твердостію и опредѣленностію. Съ одной стороны, въ надеждахъ, возлагаемыхъ г. Дикаревымъ на статистическій методъ въ лингвистикѣ, какъ на единственный методъ, долженствующій обратить ее въ точную науку и очистить отъ всякихъ случайностей и произвола,—критикъ усматриваетъ только чрезмѣрное увлеченіе автора этимъ методомъ и его значеніемъ для лингвистики,—преувеличеннымъ при томъ, главнымъ образомъ, какъ бы по винѣ послѣдней, такъ какъ, по его замѣчанію, «превратить неточное въ точное или совсѣмъ невозможно или возможно всемогущему» (стр. 315). Не отрицая однако точности самого статистическаго метода, и заявляя даже, «что было бы желательно имъ пользоваться для цѣлей филологіи», критикъ замѣчаетъ только, что хотя этотъ методъ вообще «самъ по себѣ останется хорошимъ, но не для настоящей филологіи при ея современномъ состояніи» (стр. 317), въ частности же,— что его тоже «пока еще нельзя примѣнять... для изслѣдованія звуковыхъ явленій живыхъ нарѣчій русскаго языка» (стр. 319).— Съ другой стороны, въ виду имѣвшихся уже примѣровъ примѣненія статистики въ области филологіи и ссылокъ на нихъ г. Дикарева, критикъ заявляетъ: «надо правду сказать, что почтенные труды ученыхъ спеціалистовъ, которыхъ цитируетъ авторъ въ своемъ трудѣ, именно гг. Гаттала, Бодуэнъ-де-Куртенэ и Житецкій, касались отдѣльныхъ случаевъ, пользуясь статистическимъ методомъ, т. е. выводя процентное отношеніе случаевъ употребленія того или другаго звука въ языкѣ по строго опредѣленному матеріалу, какого бы объема онъ

ни былъ (стр. 315). Затѣмъ, оставляя безъ объясненія причины, почему названные спеціалисты находили цѣлесообразнымъ примѣнять въ данныхъ случаяхъ этотъ методъ, вопреки утверждаемой критикомъ несвоевременности такого примѣненія, и какія стороны языка—даже при констатируемомъ имъ состояніи современной филологіи—могутъ все таки подлежать статистическому изслѣдованію, г. Будде ограничивается однимъ указаніемъ разницъ въ достоинствѣ нѣкоторыхъ частныхъ пріемовъ примѣненія этого метода у означенныхъ спеціалистовъ и у г. Дикарева. При чемъ, не входя также въ разсмотрѣніе мотивовъ, представленныхъ послѣднимъ въ оправданіе предпринятаго имъ «систематическаго», «массоваго» изслѣдованія этимъ методомъ звуковыхъ явленій въ языкѣ,—предпочтительно передъ отрывочными изслѣдованіями ихъ у означенныхъ спеціалистовъ, касавшихся въ своихъ изслѣдованіяхъ только отдѣльныхъ явленій,—критикъ произноситъ рѣзкій приговоръ труду г. Дикарева, основывая свое сужденіе о немъ главнымъ образомъ на погрѣшностяхъ автора въ его діалектологическихъ обобщеніяхъ, а также въ выборѣ и квалифицированіи словеснаго матеріала для своихъ изслѣдованій. «Прилуцкая дума, говоритъ г. Будде, служитъ въ трудѣ автора выразителемъ *всего* [1]) малорусскаго («укр.-рус.») нарѣчія, а воронежскія мѣщанскія пословицы и поговорки служатъ выразителемъ *всего* в.-русскаго нарѣчія». «Что касается въ частности звуковыхъ явленій языка, то такія обобщенія возможны только для того..., кто и не подозрѣваетъ всего разнообразія говоровъ и поднарѣчій нашего в.-русскаго и м.-русскаго языка». (Стр. 316). Конечно, такія обобщенія въ научной работѣ не должны быть допускаемы, хотя они, повидимому, и не имѣютъ у автора столь категорическаго характера и значенія, какія приписываются имъ критикомъ; но и выводимыя изъ нихъ заключенія подобнаго рода, рѣшающія за одно вопросъ и о діалектологическихъ познаніяхъ автора, едвали тоже вызываются необходимостію и находятъ въ существѣ дѣла достаточное для себя оправданіе.—Далѣе, не смотря на высказанныя критикомъ сомнѣнія въ правильности и пользѣ практикуемаго авторомъ массоваго изслѣдованія звуковъ статистическимъ методомъ, онъ, повидимому, не прочь допустить нѣкоторыя уступки и для такого способа, обусловливая ихъ лишь болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ подборомъ изслѣдуемаго матеріала.—«Статистика, говоритъ онъ, годилась бы здѣсь,

[1]) Всѣ курсивы въ цитатахъ здѣсь и далѣе принадлежатъ самому критику.

именно въ томъ случаѣ, если бы изслѣдователь поставилъ себѣ задачей опредѣлить, напр. звучность русскаго литературнаго языка (московскаго) или языка исключительно книжнаго безъ отношенія къ способу произношенія звуковъ въ живой рѣчи и т. п. (?). Но разъ изслѣдователь желаетъ воспользоваться точнымъ методомъ статистики для выводовъ изъ всего в.-русскаго языка, онъ предварительно долженъ имѣть статистическія таблицы звучности всѣхъ говоровъ и поднарѣчій влр. языка, и таблицы, выведенныя съ самой строгой точностію». (стр. 317). Такая однако работа, по мнѣнію критика, совсѣмъ почти не выполнима. Затѣмъ г. Будде указываетъ еще на нѣкоторыя частныя противорѣчія въ трудѣ г. Дикарева между статистическими выводами автора и общими положеніями его о звукахъ, долженствующихъ преобладать въ рѣчи. Между прочимъ, онъ указываетъ на тотъ, напр., фактъ, что хотя по статистическимъ выводамъ г. Дикарева въ «воронежскомъ мѣщанскомъ» вокализмѣ и является преобладаніе зв. *а*,—соотвѣтствующее, повидимому, одному изъ общихъ положеній автора и объясняемое у него легкостію артикуляціи этого звука,—но что за то въ сербскомъ вокализмѣ преобладающее мѣсто занимаетъ уже зв. *і*, гораздо болѣе труднѣйшій по своей артикуляціи, причину чего очевидно авторъ не можетъ уже объяснить своимъ положеніемъ, предоставляя это,—по выраженію критика, не совсѣмъ правильно перефразирующаго слова автора,—«разгадать будущей (sic) наукѣ—«антропофоникѣ».—Съ своей же стороны, главную причину подобнаго рода противорѣчій критикъ усматриваетъ преимущественно въ неподходящемъ выборѣ матеріала, употребленнаго г. Дикаревымъ для параллельнаго учета звуковъ въ разныхъ нарѣчіяхъ, и повидимому также въ отожествленіи звуковъ съ буквами въ текстахъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе г. Будде дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе по поводу статистическихъ пріемовъ автора: «для того, чтобы учетъ звуковъ на основаніи этого (взятаго авторомъ) матеріала имѣлъ научную цѣну и чтобы этимъ учетомъ можно было пользоваться при сравненіи звучности великорусскаго («воронежскаго») языка или малорусскаго («прилуцкаго») съ звучностію славянскихъ нарѣчій вообще, необходимо, чтобы сравниваемый матеріалъ былъ *однороденъ*, а не набранъ *кое-какъ*» (стр. 319). Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но, во 1-хъ, если авторъ и ошибался въ выборѣ своего матеріала, то все-таки онъ не набиралъ его «кое-какъ», а напротивъ того, старался мотивировать свой выборъ извѣстными аргумен-

тами, вытекающими у него, между прочимъ, и изъ критическаго разсмотрѣнія основаній и результатовъ иного подбора матеріала у его предшественниковъ; во 2-хъ, если эта аргументація автора оказалась въ данномъ случаѣ несостоятельной, то можно-ли, совсѣмъ игнорируя ее, утверждать столь категорически, какъ это дѣлаетъ г. Будде, что именно «изъ-за этого-то обстоятельства, т. е. вслѣдствіе набраннаго *зря* (?) матеріала, и выходитъ, что авторъ очень рѣдко сходится въ своихъ результатахъ, добытыхъ статистическимъ путемъ, безъ знанія фонетики слав. нарѣчій и русскаго языка (?), съ результатами, добытыми наукой въ лицѣ ея представителей» (стр. 319)? Нельзя не видѣть, что этимъ сказано, съ одной стороны, слишкомъ много, но съ другой—слишкомъ мало. Сущность же дѣла отъ такихъ критическихъ оцѣнокъ его нисколько не выигрываетъ въ своей ясности, и постановка вопроса о роли статистики въ діалектологическихъ изслѣдованіяхъ, отодвинутая въ сторону, становится лишь отъ этого еще болѣе загадочной.

Въ самомъ дѣлѣ, если съ точки зрѣнія критика наука поступаетъ вполнѣ цѣлесообразно, когда она, напр., въ лицѣ проф. Гатталы, для уясненія извѣстныхъ вопросовъ, касающихся сравнительной фонетики слав. нарѣчій, прибѣгаетъ къ статистическому учету звуковъ въ этихъ нарѣчіяхъ и избираетъ для этого звуковой матеріалъ, заключающійся въ такомъ образцѣ рѣчи, какъ текстъ молитвы господней «Отче нашъ», причемъ и полученные ею отсюда выводы должны считаться правильными,—то почему, спрашивается, является непозволительнымъ и не выдерживающимъ никакой критики такого же рода статистическій экспериментъ у г. Дикарева, хотя бы напр. съ «думой» прилуцкаго говора или съ «пословицами» воронежскаго, а выводимыя имъ отсюда данныя,—должны признаваться непригодными для уясненія вопросовъ, хотя бы касающихся только спеціальныхъ фонетическихъ особенностей этихъ говоровъ, независимо отъ всякихъ отношеній ихъ другъ къ другу? Вѣдь образецъ рѣчи у проф. Гатталы ни по качеству, ни по объему отнюдь не лучше образцовъ рѣчи у г. Дикарева; транскрипція звуковаго матеріала послѣднихъ тоже ничѣмъ не хуже перваго; а пріемы учета у обоихъ экспериментаторовъ одинаковы, и заподозривать неточность ихъ у г. Дикарева нѣтъ никакихъ видимыхъ основаній. Слѣдовательно, вся разница въ достоинствѣ данныхъ того и другаго изслѣдователя сводится лишь къ тому, что пригодность данныхъ проф.

Гатталы для сравнительной характеристики изслѣдуемыхъ имъ нарѣчій, какъ почерпнутыхъ изъ однороднаго матеріала, менѣе можетъ подлежать спору, чѣмъ пригодность данныхъ для подобной цѣли у г. Дикарева. Съ другой стороны, если не только допускаются, но и должны признаваться, по мнѣнію критика, правильными такія положенія въ наукѣ, какъ напр. утвердившееся въ ней положеніе о *преобладаніи* въ малорусскомъ яз. звука *і*, а въ великорусскомъ зв. *а*, и, пожалуй, даже выводимая отсюда теорія, усматривающая въ этомъ явленіи характерный признакъ психологическихъ особенностей всего малорусскаго и всего великорусскаго племенъ (какъ напр. у проф. Огоновскаго), то почему статистическая повѣрка этого положенія, предпринятая г. Дикаревымъ, и оспариваніе имъ, напр., преобладанія зв. *і* въ млр. нарѣчіи, на основаніи данныхъ его повѣрки, должны считаться непремѣнно ни съ чѣмъ несообразными и не заслуживающими никакого вниманія? Наконецъ, если въ глазахъ науки трудъ г. Дикарева дискредитируютъ указанныя въ немъ критикомъ неправильности діалектологическихъ обобщеній, имѣющихъ скорѣе всего видъ неточныхъ выраженій, случайно отожествляющихъ разныя вещи, то во 1-хъ, послѣднія нисколько не устраняютъ вопроса о достоинствѣ статистическихъ выводовъ автора, касающихся звукового характера спеціально изслѣдуемыхъ имъ русскихъ говоровъ, безъ отношенія ихъ другъ къ другу (тѣмъ болѣе, что въ незнаніи фонетики этихъ говоровъ нѣтъ, повидимому, никакихъ серьезныхъ поводовъ упрекать автора); а во 2-хъ, можно ли поручиться за то, что сама лингвистическая наука въ лицѣ своихъ представителей вполнѣ свободна отъ подобныхъ неточностей или неправильностей? Вѣдь, говоря правду, неправильности подобнаго рода далеко не особенная рѣдкость также и у послѣднихъ, благодаря, главнымъ образомъ, отсутствію въ діалектологіи достаточно твердыхъ опредѣленій и разграниченій ея понятій и пріурочиваемыхъ къ нимъ терминовъ. Отсюда и случаи нерѣдкаго смѣшиванія терминовъ, а за ними и выражаемыхъ ими понятій: о цѣломъ діалектологическомъ явленіи и о его частяхъ; о явленіяхъ вполнѣ конкретныхъ и о обобщенныхъ категоріяхъ ихъ, составляющихъ въ сущности лишь продуктъ логическаго отвлеченія. Вообще, въ данномъ случаѣ нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ, такъ какъ надо сознаться, что въ лингвистической систематикѣ (классификаціи) и терминологіи господствуетъ пока такой произволъ, непослѣдовательность и спутанность понятій и терминовъ, что въ этомъ лабиринтѣ не мудрено запутаться иногда и записному спеціалисту

Такъ какъ къ вопросу о правильной лингвистической (и діалектологической) систематикѣ или классификаціи рѣчи сводятся и другіе вопросы лингвистики (и діалектологіи), и такъ какъ этотъ вопросъ служитъ камнемъ преткновенія для всякаго рода изслѣдованій въ разныхъ областяхъ этой науки, то невозможно обойти молчаніемъ того, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается сказанная путаница и какъ мы понимаемъ вообще естественное дѣленіе организованной рѣчи. Извѣстно, напр., что термины «языкъ», «нарѣчіе», одинаково пріурочиваются и къ отдѣльнымъ «литературнымъ», т. е. *культивированнымъ* единицамъ рѣчи, и къ единицамъ *естественной* ея классификаціи, каковы, такъ называемые, «говоры», «поднарѣчія», «нарѣчія», «подъязыки» и, наконецъ, разнаго объема и значенія «языки», на разныхъ ступеняхъ ихъ генерификаціи. Отсюда не рѣдко случается, что, съ одной стороны, представленіе о такой конкретной лингвистической особи, какъ «литературный языкъ» или «нарѣчіе», переносится на такіе сложные и въ отвлеченіи только понимаемые организмы, какъ «языки» и «нарѣчія» естественной классификаціи рѣчи; а съ другой стороны, какой нибудь конкретный естественный «говоръ» даннаго нарѣчія принимается за это цѣлое нарѣчіе, или наоборотъ, и т. д. Между тѣмъ каждый «литературный языкъ« (или все равно— «литературное нарѣчіе»), какъ бы онъ ни былъ типиченъ для всего діалектическаго состава своего цѣлаго, представляемаго общимъ «нарѣчіемъ», какъ единицей естественной классификаціи рѣчи, является только особой (культурно развитой) частью его, и, слѣдовательно, величиной совсѣмъ несоизмѣримой съ послѣднимъ. Естественнымъ же эквивалентомъ (субститутомъ) его можетъ быть только такая же, какъ и онъ *конкретная* и недѣлимая единица лингвистической классификаціи рѣчи, а таковою представляется лишь тотъ или иной отдѣльный «говоръ» даннаго нарѣчія; почему именно и видимъ тотъ всеобщій фактъ, что всѣ существующіе *литературные языки* на самомъ дѣлѣ основывались каждый на какомъ нибудь одномъ *естественномъ говорѣ* живой рѣчи. Затѣмъ, изъ всѣхъ остальныхъ *единицъ* естественной классификаціи рѣчи,—всегда уже болѣе или менѣе *сложнаго состава*,—простѣйшую и наиболѣе цѣльную по своей организаціи единицу, соотвѣтствующую понятію естественнаго *вида* составляетъ «нарѣчіе», состоящее изъ совокупности вполнѣ однородныхъ «поднарѣчій» и обнимаемыхъ ими «говоровъ». На высшихъ же ступеняхъ генерификаціи діалектическихъ единицъ, въ восходящемъ порядкѣ, наиболѣе характерными чертами органич-

ности и сравнительной индивидуальности отличаются еще *двѣ* единицы: такая, какъ цѣлый «языкъ», соотвѣтствующій понятію естественнаго *рода*, и состоящій изъ полной совокупности однородныхъ «подъязыковъ» и образующихъ ихъ «нарѣчій», (таковы напр. *языки* славянскій, германскій, романскій, и проч.), и наконецъ такая, какъ совершенно уже самостоятельный «идіомъ» [1]), соотвѣтствующій понятію естественнаго *класса*, и включающій со своими «подъидіомами» всю систему родовыхъ и видовыхъ развѣтвленій рѣчи даннаго типа (таковы, напр. *идіомы*: аріоевропейскій, семитскій, урало-алтайскій, и проч.)

Теперь, переходя къ вопросу о достоинствѣ того или другаго лингвистическаго или діалектологическаго изслѣдованія, мы полагаемъ, будетъ ясно, если скажемъ, что та или иная правильность и успѣшность изслѣдованій подобнаго рода, какимъ бы они ни велись методомъ, прежде всего зависятъ отъ правильнаго пониманія и точнаго опредѣленія отношеній объекта такихъ изслѣдованій къ той или иной категоріи лингвистическаго дѣленія рѣчи, къ той или иной группѣ явленій, образующихъ собою эти категоріи и ихъ внутреннія подраздѣленія.—Но для этого, а равно для полученія надлежащихъ результатовъ изслѣдованія даннаго лингвистическаго или діалектическаго объекта, тѣмъ или инымъ методомъ, необходимо знать еще, къ чему собственно должны клониться подобныя изслѣдованія, чтобы отвѣтить общимъ и основнымъ задачамъ лингвистическихъ изслѣдованій. Общія же задачи послѣднихъ состоятъ, какъ извѣстно, въ разысканіи и опредѣленіи какъ общихъ свойствъ организаціи человѣческой рѣчи, такъ и отличій въ этихъ свойствахъ, обусловливающихъ собою образованіе самостоятельныхъ типовъ ея организаціи и происхожденіе родовыхъ и видовыхъ модификацій каждаго изъ этихъ типовъ, образующихъ въ свою очередь разныя категоріи и группы діалектическихъ явленій. Слѣдовательно, по существу и характеру своихъ задачъ—какъ и по своему предмету, лингвистика примыкаетъ, конечно, къ разряду естественныхъ наукъ, и въ качествѣ таковой должна пользоваться для своихъ спеціальныхъ цѣлей общими съ ними методами изслѣдованія своего предмета, въ составъ коихъ входитъ, между прочимъ, и математическій методъ, съ его частнымъ ста-

---

[1]) Позволяемъ себѣ употребить этотъ терминъ въ его наиболѣе широкомъ и полномъ смыслѣ, за неимѣніемъ въ лингвистической номенклатурѣ болѣе подходящаго слова для обозначенія описываемаго явленія.—

тистическимъ пріемомъ. Отсюда вполнѣ естественна мысль о цѣлесообразности примѣненія статистики къ той или иной сторонѣ лингвистическихъ изслѣдованій. Но весь вопросъ въ томъ, какая именно группа явленій въ области рѣчи можетъ подлежать статистическимъ изслѣдованіямъ, для уясненія въ нихъ тѣхъ именно свойствъ и особенностей, которыя такъ или иначе входятъ въ предметъ лингвистическихъ разысканій и изученій. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нельзя упускать изъ виду всей сложности и разнородности глоттологическихъ явленій, въ которыхъ должна разобраться лингвистика для того, чтобы извлечь изъ нихъ наиболѣе существенныя черты, полагаемыя ею въ основаніе своей классификаціи рѣчи.—Поэтому и постановка частнаго вопроса о роли статистики въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ находится въ прямой зависимости отъ точнаго пониманія коренныхъ основаній этой классификаціи. Мы не можемъ, конечно, вдаваться здѣсь въ подробное объясненіе тѣхъ основаній, на которыхъ зиждется приведенная нами выше общая схема естественнаго дѣленія рѣчи на ея главныя лингвистическія категоріи, опредѣляемыя тремя главными моментами ея образованія и развитія, и ограничимся только замѣчаніемъ, что признаками такого дѣленія ея могутъ быть только внутреннія особенности коренныхъ элементовъ организаціи рѣчи и генетическія измѣненія этихъ особенностей, обусловливаемыя ея естественнымъ развитіемъ [1]). Такимъ образомъ, особенности подобнаго рода, относящіяся къ наиболѣе существеннымъ элементамъ ея организаціи, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и признаками наиболѣе общаго и основнаго ея дѣленія. Таковыми для «идіомовъ» будутъ *особыя* «системы корней», или точнѣе—«корневыхъ (и сводящихся къ нимъ—«функціональныхъ») морфемъ», искони заложенныхъ, въ качествѣ *простѣйшихъ органическихъ соединеній формальнаго и матеріальнаго началъ* рѣчи, въ основу всего лексикальнаго,

---

[1]) Все равно, какими бы обстоятельствами развитія рѣчи ни обусловливалось появленіе тѣхъ или иныхъ измѣненій коренныхъ ея особенностей въ языкахъ: вытекаютъ-ли онѣ во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ исключительно прямымъ путемъ послѣдовательнаго внутренняго дифференцированія коренныхъ элементовъ рѣчи образующаго правильныя діалектическія развѣтвленія ея, по теоріи *генеалогическаго древа* рѣчи; или же появляются спорадически тѣмъ же путемъ въ извѣстныхъ языкахъ и, по условіямъ ихъ географическаго распространенія и перегринацій, прививаются и другимъ языкамъ и ассимилируются ими, нарушая этимъ идеальную схему развѣтвленія рѣчи,—какъ это вытекаетъ изъ теоріи *волнообразныхъ переходовъ діалектическихъ особенностей* въ языкахъ.

морфологическаго и фонетическаго состава ея, и отличающихся отъ таковыхъ въ другихъ идіомахъ по своей конструкціи и звуковому составу (*первичнымъ* «фонемамъ»), съ одной стороны, и по смысловому значенію (т. е. по выражаемымъ ими «семемамъ»)—съ другой. Признаками менѣе общаго, вторичнаго дѣленія рѣчи, непосредственно слѣдующаго за первымъ, т. е. признаками распаденія идіомовъ на «языки», будутъ особенности, касающіяся по преимуществу полнаго развитія *формальной* стороны рѣчи въ данный моментъ. Таковыми въ языкахъ будутъ особыя системы «словаря, грамматики и фонетики», развившіяся изъ «общей системы морфемъ» всего идіома.

Наконецъ, признаками третичнаго наименѣе общаго дѣленія рѣчи, идущаго вслѣдъ за вторымъ. и заканчивающаго собой циклъ генетически-органическаго распаденія рѣчи на ея діалектическія единицы, т. е. признаками обособленія въ средѣ языковъ «нарѣчій», будутъ особенности, относящіяся преимущественно къ полному развитію въ данный моментъ *матеріальной* стороны рѣчи. Таковыми для нарѣчій будутъ, по преимуществу, ихъ особыя «системы этимологическихъ фонемъ»—*третичной* формаціи, развившихся изъ системы *вторичныхъ* фонемъ всего языка и лежащихъ въ основѣ всего звуковаго строя нарѣчій.—Лексикальныя и грамматическія особенности составляютъ лишь дополнительныя черты индивидуальныхъ отличій родственныхъ нарѣчій другъ отъ друга.

Что же касается затѣмъ «говоровъ» того или другого нарѣчія, то они, раздѣляя общія особенности организаціи своего цѣлаго—въ лексикальномъ, грамматическомъ и этимологическо-фонетическомъ отношеніяхъ, отличаются другъ отъ друга преимущественно *системами конкретныхъ звуковъ* (и особенностями ихъ физіологическихъ измѣненій въ рѣчи), являющихся индивидуальными выразителями общихъ *звуковыхъ типовъ*, входящихъ въ составъ этимологическихъ фонемъ всего нарѣчія.

Изъ этого обзора основныхъ признаковъ лингвистической (идіалектологической) классификаціи рѣчи можно видѣть, что если вопросъ сводится на опредѣленіе однихъ лишь фонетическихъ особенностей тѣхъ или иныхъ лингвистическихъ особей, то опредѣленіе таковыхъ, въ качествѣ органическихъ признаковъ, квалифицирующихъ ихъ индивидуальность и принадлежность къ данной категоріи дѣленія рѣчи, можетъ имѣть сравнительно наиболѣе существенное значеніе лишь для такихъ особей, какъ «нарѣчія» и «говоры»; но затѣмъ и для нихъ останется еще вопросъ о морфологическихъ и

лексикальныхъ особенностяхъ, имѣющихъ также важное значеніе для ихъ индивидуальности.

Слѣдовательно, съ одной фонетической точки зрѣнія нельзя судить объ органическомъ характерѣ и генетическихъ отношеніяхъ даже такихъ лингвистическихъ особей, какъ нарѣчія и говоры.

Съ другой стороны, какой бы методъ ни оказался наиболѣе цѣлесообразнымъ въ примѣненіи къ изслѣдованію собственно фонетической стороны рѣчи, изъ этого никоимъ образомъ нельзя заключать о таковой же пригодности его и для изслѣдованія остальныхъ сторонъ ея, равно какъ и считать данный методъ обязательнымъ для всей лингвистической науки, какъ это, очевидно по недоразумѣнію, старается доказать г. Дикаревъ относительно статистическаго метода. (См. стр. 5—7). Но этимъ дѣло не ограничивается. И фонетическія явленія представляютъ также двѣ существенно различныя стороны, обусловливаемыя разнымъ характеромъ и значеніемъ ихъ въ рѣчи. Къ одной изъ этихъ сторонъ относятся звуковыя явленія *органическаго* свойства,—имѣющія значеніе для внутренняго строя рѣчи,—его характера и происхожденія, и составляющія предметъ «этимологической фонетики»; къ другой—принадлежатъ явленія *неорганическаго* характера, опредѣляющія лишь внѣшнія,—физіологическо-акустическія особенности звуковаго строя рѣчи въ каждый данный моментъ,—изученіемъ чего занимается «антропофоника», вполнѣ основательно выдѣлившаяся даже въ особую науку [1]). Звуковыя явленія, разсматриваемыя съ той и другой стороны, представляютъ величины несоизмѣримыя и имѣющія совсѣмъ иныя значенія для опредѣленія индивидуальнаго строя въ звуковомъ отношеніи тѣхъ или иныхъ единицъ лингвистическаго дѣленія рѣчи. Индивидуальный строй «нарѣчія», какъ единицы этого дѣленія, можетъ быть опредѣляемъ по существу, какъ сказано уже, только фонетико-этимологическими его особенностями. Наоборотъ, индивидуальный строй «говора», какъ составной единицы даннаго нарѣчія, оттѣняется, главнымъ образомъ, его особенностями антропофоническими.

Звуковые элементы органическаго строя цѣлаго «нарѣчія», входящіе въ общую систему его спеціальныхъ фонемъ,—это величины

---

[1]) Въ русской литературѣ особенной извѣстностію пользуются: по *общей антропофоникѣ*—трудъ проф. Крушевскаго (печатается посмертнымъ изданіемъ въ „Рус. Фил. Вѣстн.“, см. № 4, 1892 г.), и по *частной антропофоникѣ славянскихъ нарѣчій*—труды проф. Бодуэна-де-Куртенэ.

только этимологическія. Онѣ устанавливаются путемъ этимологическихъ обобщеній звуковыхъ явленій даннаго нарѣчія, на основаніи общаго закона «звуковыхъ соотвѣтствій» и спеціальныхъ законовъ и фактовъ его исторической фонетики, и могутъ состоять изъ органическихъ соединеній въ одно цѣлое нѣсколькихъ, различно чередующихся въ рѣчи, *звуковыхъ типовъ*, *звукосочетаній*, или даже *общихъ показателей* тѣхъ и другихъ,—подвергающихся самымъ разнообразнымъ варіяціямъ по говорамъ, не нарушающимъ однако ихъ внутренняго принципіальнаго единства. Такова, напр., простѣйшая по своему составу (сливающаяся даже въ одинъ основной, съ двумя главными видоизмѣненіями—звуковой типъ), но весьма сложная по происхожденію,—общесѣвернорусская и общевеликорусская фонема, выражаемая формулой: $\frac{\text{е (ѣ)}}{\text{ё}}$ [1], въ словахъ: дѐнь, (=ц. сл. дьнь), легко (=ц. сл. льгъко); течь (=ц. сл. тешти), сѣдло́ (=ц. слав. седло), гдѣ, здѣсь (=ц. сл. къде, сьде); ме́ль (=ц. сл. мѣль), ведро́ (=ц. сл. вѣдро), звѣзда́ (=ц. сл. звѣзда),—лёгкій, сѣдла, вёдра, звёзды, и проч. Такова, напр., сложная по составу, но простѣйшая по происхожденію общемалорусская фонема, выражаемая формулой $\frac{\text{е-ё}}{\text{ѣ-ьô}}$, и соотвѣтствующая (съ неорганическими исключеніями) одному ц. слав. *е*, въ словахъ: течи (текти),—патёки,—тѣчь,—тьôк (изъ болѣе древн. тѣк) и проч. Изъ нихъ, напр., въ формулѣ млр. фонемы начертаніе *ьô* есть общимъ показателемъ видоизмѣняющихся въ разныхъ говорахъ, по общему фонетическому закону нарѣчія, нѣсколькихъ звуковыхъ сочетаній и звуковыхъ типовъ: *юо*, *юе*, *юі*, *їе*, *ї*, которые, въ свою очередь, имѣютъ еще по нѣскольку различныхъ произношеній каждый.

Звуковые же элементы «говора» бываютъ двоякаго рода: *этимологическіе* и *антропофоническіе* (въ тѣсномъ смыслѣ). *Первые* являются въ говорѣ частнымъ выраженіемъ общихъ діалектическихъ фонемъ, и, какъ и послѣднія, состоятъ лишь изъ *«звуковыхъ типовъ»*; таковымъ, напр. элементомъ будетъ этимологическая фонема прилуцкаго говора $\frac{\text{е-ё}}{\text{ї}}$, выражающая собой общемалорусскую $\frac{\text{е-ё}}{\text{ѣ-ьô}}$, текти,

---

[1]) Соотвѣтствующая: *ц. сл.* ь (=общеаріоевр. *ĭ*, санскр., греч., латинс., и литовс. *i*); *ц. слав. е* (=общеаріоевр. открытому *ĕ*, скр. *a*, греч., лат. у литов. *e*); *ц. слав.* ѣ (=общеаріоевр. *ē*, скр. *ā*, греч. η, лат., лит. *ē*, и общеаріоевроп. *ăi* и *āi* (съ *a* чистымъ или закрыт.)—скр. *ē* (*ai*), *āi*; греч. αι, οι, α; лат. *ae*, *ē*, *oe*, *ū*; литов. *ai*, *ë*).

патёки, тѣч, тѣк, и проч. *Вторые*—представляютъ тотъ или иной спеціальный *конкретный нюансъ* «звуковаго типа» фонемъ; таковы, напр. въ прилуцкомъ говорѣ нюансы его звуковаго типа *е*, въ словахъ: кйне и въ нема́, изъ конхъ въ послѣднемъ—*е* произносится почти какъ *и*, и проч. И такъ, одни только «говоры» (или эквиваленты ихъ «литерат. языки»), въ качествѣ конкретныхъ лингвистическихъ особей, имѣютъ соотвѣтственный-конкретный звуковой матеріалъ, поддающійся вполнѣ антропофоническимъ опредѣленіямъ. Слѣдовательно, только эти особи могутъ быть характеризованы какъ таковыя и съ этой спеціальной стороны.—Но затѣмъ является вопросъ, въ чемъ именно должна состоять такая ихъ характеристика? Само собою разумѣется, что она должна прежде всего заключаться въ *качественномъ* опредѣленіи всей системы антропофоническихъ элементовъ говора и въ констатированіи всѣхъ чередованій ихъ съ другими такими же элементами. Какъ на образецъ характеристикъ подобнаго рода, можно указать, напр., на «характеристики звуковъ въ слав. нарѣчіяхъ» (литературныхъ), представленныя проф. Будуэномъ-де-Куртенэ, въ его трудѣ по сравнительной грамматикѣ слав. яз.[1]). Онѣ дѣйствительно даютъ по нѣскольку любопытныхъ антропофоніч. чертъ общаго свойства, характеризующихъ звуковыя системы отдѣльныхъ нарѣчій, но однако же далеко не всегда свойственныхъ имъ однимъ. Что же касается общаго антропофоническаго характера всей совокупности этихъ нарѣчій, устанавливаемаго почтен. проф. на основаніи индивидуальныхъ чертъ, одинаково свойственныхъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, то она, какъ и слѣдовало ожидать, вышла крайне блѣдной и довольно неопредѣленной, и не заключаетъ въ себѣ ни одной черты, которая бы не повторилась или совсѣмъ отсутствовала въ антропофоніч. характерѣ другихъ языковъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что не только антропофоніч. обобщенія подобнаго рода, всегда болѣе или менѣе трудныя,—по самому свойству неуловимыхъ иногда и разнородныхъ причинъ происхожденія отдѣльныхъ звуковыхъ явленій въ данномъ языкѣ,—неизбѣжно должны быть блѣдными и непредставляющими какихъ либо оригинальныхъ чертъ, исключительно характеризующихъ звуковую индивидуальность этого языка; но даже наиболѣе оригинальные изъ обобщаемыхъ антропофоніч. элементовъ, въ родѣ какихъ нибудь особенныхъ звуковыхъ типовъ, свойственныхъ даннымъ нарѣчіямъ и языкамъ, не

[1]) См. „Рус. Фил. Вѣстникъ“ 1881 г. № 2, стр. 283—300.

могутъ рѣшить вопроса о ихъ индивидуальности и отношеніяхъ къ другимъ нарѣчіямъ и языкамъ въ общей системѣ классификаціи рѣчи. Напр., въ области слав. языка, характерный звуковой типъ *h*, свойственный впрочемъ не ему одному,—спорадически вытѣснившій и замѣнившій собою типъ *g*, соединяетъ собою слав. діалектическія особи, стоящія другъ къ другу въ самыхъ различныхъ степеняхъ родства (именно: чешско-словацкую группу, нарѣчія млрус. и б. рус., нарѣчіе верхне-лужицкое и нѣкоторые говоры в. рус. и словинскіе); и въ то же время разъединяетъ близкородственныя другъ къ другу особи, какъ нижне-лужицкое отъ верхне-лужицкаго, бѣлорусское нарѣчіе отъ в. русскаго и меньшинство говоровъ послѣдняго отъ большинства ихъ. Или, напр., полная замѣна мягкихъ *д' т'* свистящими,—свойственна одинаково такимъ разнороднымъ діалектическимъ особямъ, какъ ляшская группа (польское и лужицкія нарѣчія) и большинство бѣлорусскихъ говоровъ,—и оказывается совершенно чуждой и ближайшимъ къ нимъ и всѣмъ остальнымъ слав. говорамъ. Или же, наконецъ, появленіе въ области слав. рѣчи такого, совершенно уже оригинальнаго звуковаго типа, какъ *шепелеватое* *r̆* (=r̆, rz, š) вм. мягкаго ŕ,—представляя характерный антропофонич. случай полной замѣны собою послѣдняго въ чешско-моравскомъ нарѣчіи, оказывается совершенно чуждымъ ближайшему къ нему словацкому, а также, пріобрѣтши безраздѣльное съ ŕ господство въ польско-кашубскомъ нарѣчіи, представляетъ многіе случаи чередованія съ послѣднимъ въ ближайшихъ къ нему лужицкихъ нарѣчіяхъ. Очевидно, явленія подобнаго рода,—затрудняющія и значительно обезцѣнивающія антропофоническія характеристики отдѣльныхъ нарѣчій, построенныя на обобщеніяхъ одной лишь *качественной* стороны звукового состава послѣднихъ,—подаютъ поводъ искать болѣе выразительныхъ и характерныхъ чертъ для нихъ—*въ количественныхъ* соотношеніяхъ ихъ звуковъ въ живой рѣчи, устанавливаемыхъ при помощи статистическаго учета послѣднихъ. Такъ, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, въ названномъ выше трудѣ своемъ, заявляетъ, что «можетъ быть, нѣсколько другіе выводы получились бы черезъ сравнительное статистическое изслѣдованіе взаимныхъ отношеній звуковъ въ общемъ составѣ даннаго языка» (стр. 298). Такимъ образомъ, въ числѣ разныхъ сторонъ организаціи лингвистическихъ особей, оказывается одна сторона—фонетическая, или точнѣе—ея антропофоническая часть, въ которой имѣется, повидимому, цѣлая сфера звуковыхъ явленій, подлежащая исключительному

изслѣдованію этимъ спеціальнымъ методомъ [1]). О роли его, собственно въ примѣненіи къ изслѣдованіямъ вокализма слав. нарѣчій, проф. Б.-де-Куртенэ, говоритъ тамъ-же слѣдующее: «съ помощію статистическихъ вычисленій можно бы опредѣлить относительно болѣе или менѣе частое появленіе тѣхъ или другихъ гласныхъ или категорій гласныхъ въ отдѣльныхъ яз. славянскихъ, что могло бы послужить однимъ изъ основаній для характеристики этихъ языковъ съ антропофонической точки зрѣнія» (стр. 299). Но въ данномъ случаѣ возникаетъ вопросъ, занимавшій также г. Дикарева, хотя поставленный имъ нѣсколько иначе, чѣмъ представляется намъ его постановка. Когда рѣчь идетъ объ антропофоническомъ характерѣ даннаго *говора* (будемъ говорить только объ этой лингвистич. особи, какъ найболѣе поддающейся антропофоническимъ опредѣленіямъ), съ точки зрѣнія количественныхъ соотношеній въ немъ звуковъ, то прежде всего необходимо знать, въ какомъ именно изъ двухъ моментовъ говора имѣется въ виду проявленіе сказанныхъ звуковыхъ соотношеній въ немъ,—въ моментѣ ли *общей организаціи* (статикѣ) говора, какъ таковаго, или въ моментѣ *функціонированія* (динамикѣ) его въ живой рѣчи; такъ какъ очевидно оба эти моменты существенно отличаются другъ отъ друга. Матеріаломъ для изслѣдованія количественныхъ соотношеній звуковъ въ первомъ моментѣ могутъ, конечно, служить только общія данныя фонетики, грамматики и словаря даннаго говора; а во второмъ моментѣ—спеціальныя данныя процесса употребленія этого говора въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ въ живой рѣчи, слѣдовательно—данныя любаго фрагмента рѣчи на этомъ говорѣ.— Какой же изъ этихъ двухъ моментовъ предпочтительнѣе для антропофоническихъ изслѣдованій въ данномъ направленіи для того, чтобы полученные ими результаты оказались болѣе пригодными для антропофонической характеристики даннаго говора вообще, какъ самостоятельной лингвистической особи? Рѣшать этого вопроса мы не беремся здѣсь. Но не можемъ не замѣтить слѣдующаго. Филологи про-

[1]) Мы полагаемъ, что примѣненіе этого метода возможно и полезно было-бы также къ изслѣдованіямъ и другихъ сторонъ рѣчи. Напр., вполнѣ возможенъ и весьма интересенъ былъ-бы параллельный учетъ *словъ*, тожественныхъ по происхожденію и смыслу и одинаковыхъ по своему образованію, хотя бы въ ближайшихъ другъ къ другу слав. нарѣчіяхъ. На основаніи такого учета можно было-бы опредѣлить количественныя разницы въ употребляемыхъ этими нарѣчіями отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ категоріяхъ словъ, что имѣло бы важное значеніе для опредѣленія сравнительной близости ихъ другъ къ другу въ лексикальномъ отношеніи.

бовали подвергать для этой цѣли отдѣльнымъ учетамъ звуковыя данныя и перваго момента (напр. г. П. И. Житецкій) и послѣдняго (напр. проф. Гаттала). Затѣмъ, не знаемъ изъ учета данныхъ какого именно момента слав. нарѣчій почерпнуты выводы проф. Бодуэнде-Куртенэ въ упомянутомъ его трудѣ; но онъ говоритъ, что напр. малорусскій яз. характеризуется преобладаніемъ въ немъ гласн. *і*,— точно также и чешскій; сербско-хорватскій же—преобладаніемъ гласн. *а*, польскій—*е*, и т. д. (стр. 299). Между тѣмъ, по вычисленіямъ г. Дикарева, основаннымъ на учетѣ данныхъ отдѣльныхъ фрагментовъ или текстовъ рѣчи, факты преобладанія звуковъ въ этихъ языкахъ оказываются иные: въ прилуцкомъ говорѣ (типическомъ представителѣ малорус. или собственно-галицко-украинской рѣчи) наиболѣе преобладающимъ оказывается зв. *о*, въ сербскомъ нарѣчіи (литер.)—*і*, а въ чешскомъ и польскомъ—*е* (стр. 9, 10). Откуда же такая разница? Отъ учета ли звуковыхъ данныхъ *разныхъ моментовъ* «этихъ языковъ», или отъ учетовъ данныхъ, взятыхъ только изъ *разныхъ текстовъ рѣчи*? Тотъ или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ для насъ въ данномъ случаѣ безразличенъ, но, судя по этимъ противорѣчивымъ показаніямъ о количественныхъ преобладаніяхъ звуковъ въ однихъ и тѣхъ же говорахъ, трудно думать вообще, чтобы на этотъ счетъ достигнуто было какое либо соглашеніе между изслѣдователями ихъ, благодаря той зыбкой и неопредѣленной почвѣ, на которой производятся эти изслѣдованія. Можно бы только сказать одно, что правильно проведенный паралельный учетъ звуковъ тожественнаго словеснаго матеріала (какого нибудь текста рѣчи) двухъ или болѣе родственныхъ говоровъ, могъ бы представить любопытныя данныя для сравнительнаго анализа акустическаго эффекта, производимаго каждымъ изъ этихъ говоровъ; что въ свою очередь могло бы, пожалуй, послужить также и къ освѣщенію того или иного загадочнаго пункта въ качественной сторонѣ звуковаго строя этихъ говоровъ. Но, чтобы учеты, предпринятые даже для этой скромной цѣли, могли имѣть серьезное значеніе, необходима предварительно всесторонняя и строгая классификація и опредѣленіе всѣхъ звуковыхъ элементовъ, заключающихся во взятомъ для учетовъ образцѣ рѣчи.—А для этого существенно важно не только то, каково общее качество даннаго звука, напр. зв. *і* въ прилуцкомъ говорѣ, а также, какія онъ представляетъ фіозіологическо-акустическія разновидности въ рѣчи, какое процентное содержаніе въ рѣчи каждой изъ этихъ разновидностей и, наконецъ, съ какими звуками этотъ *і* чередуется извѣстное число разъ или замѣняетъ ихъ

собою въ произношеніи (напр. сколько разъ въ данномъ текстѣ прилуцкой рѣчи зв. *і* замѣняетъ собою зв. *е*); но далеко не безразлично и то, чѣмъ именно обусловливаются и какое фонетическое и морфологическое значеніе имѣютъ сказанныя чередованія и измѣненія (зв. *е* въ *і*), такъ какъ послѣднія въ разныхъ говорахъ бываютъ различны по существу. Возьмемъ для примѣра одно только чередованіе *і* съ *е* въ прилуцкомъ говорѣ. Въ этомъ случаѣ *ї* представляетъ разновидность, имѣющую свойство смягчать предыдущ. согласный (физіологически оно тожественно съ *ї* изъ общемалорусскаго и древн. общерус. *ѣ*, которое однако разнится отъ перваго тѣмъ, что не чередуется съ другими гласными) и отличается отъ другой разновидности *і* въ томъ же говорѣ,—не смягчающей предыдущаго согласнаго и чередующейся съ другими звуками (напр. въ словахъ н*іс*, повн*і*—изъ н*ôс*ъ, повн*иє*). Кромѣ чередованій съ *е*, первое *ї* чередуется также съ *и* (напр. въ *сі*-дати при *си*-діти) и является рефлексомъ (стяженіемъ) общерусскаго *іє* (въ син*і* изъ син*іє*). Собственно же чередованіе перваго *і* (которое, въ отличіе отъ втораго, обозначимъ буквой *ї*)—съ *е*, представляетъ слѣдующіе случаи:

а) Случаи статико-антропофоническаго (чисто физіологическаго) свойства, обусловливаемый только неударяемостію *е* и мягкостію предыдущ. согласнаго: въ бігайїш,—йїмо и пр. (изъ бігайеш,—йемо, при бігае. Такое измѣненіе *е* въ *ї* крайне рѣдко въ прилуцкомъ говорѣ (и вообще ю.-рус. нарѣчіи), въ противоположность широкому развитію такого измѣненія *е* въ сѣвернорусскихъ нарѣчіяхъ (в. рус. и б. рус).

б) Случаи динамико-фонетическаго характера, обусловленные происхожденіемъ ю.-рус. *е* и позиціей его въ словѣ: въ пїч—печї (=общ. м.-рус. пѣч—печѣ) и въ пїк—пекла́ (=др. общ.-млрус. пѣк и позднѣшему сѣв. малорус. пьôк). Другой варіантъ *ї* изъ *е*, развившійся *по аналогіи* съ первымъ въ тїк—течу (изъ первоначальнаго обще-млрус. тѣк, и позднѣйшаго тьôк). Такое чередованіе *ї* съ *е*,—особенно въ послѣднемъ случаѣ, свойственно только одному ю.-рус. нарѣчію.

в) Случай фонетическо-морфологическаго (семазіологич.) характера, независящій отъ физіологическихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ ю.-рус. нарѣчіи. Напр. въ лїтати при летїти, протїкати при текти (=общ. ю.-рус. лѣтати, протѣкати). Такое чередованіе *е* съ *ї* (ѣ) общеславянскаго происхождерія и восходитъ къ обще-аріо-европейскому чередованію. Въ качествѣ морфологическо-семазіологическаго явленія, оно распространилось въ млр. яз. по аналогіи съ древними

случаями и на такіе, какъ: вичїсувати при чесати, даже на такіе, какъ голїсенький (совершенно голый) при голесенький (голенькій), и проч. Въ сѣв. русскихъ нарѣчіяхъ это чередованіе изчезло вслѣдствіе смѣшенія *ѣ* съ *е*, отсюда: летать и летѣть, протекать и течь и проч.

Полагаемъ, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какое требуется обстоятельное разграниченіе случаевъ повидимому тожественныхъ звуковыхъ явленій для того даже, чтобы произвесть точный сравнительный анализъ одного лишь акустическаго эффекта, производимаго звуковыми повтореніями въ двухъ параллельно учитываемыхъ фрагментахъ рѣчи, напр. въ фрагментахъ рѣчи прилуцко-малорусскаго и воронежско-в.-русскаго говоровъ, и не смѣшать въ этомъ анализѣ явленій совершенно въ сущности разнородныхъ и несоизмѣримыхъ. Что же касается пользы отъ анализовъ подобнаго рода для лингвистической науки вообще и для опредѣленія, хотябы звуковой индивидуальности и діалектологическихъ соотношеній изслѣдуемыхъ съ этой спеціальной стороны говоровъ, то этотъ вопросъ слѣдуетъ считать открытымъ.

Вотъ все, что мы считали наиболѣе необходимымъ сказать, въ видахъ посильнаго уясненія вопросовъ, затронутыхъ трудомъ г. Дикарева. Спеціально историческій характеръ журнала, въ которомъ помѣщается эта статья и обязательныя для нея рамки, и такъ уже очевидно нарушенныя нами, не позволяютъ намъ развить наши соображенія и мысли по этому предмету въ должной полнотѣ и ясности, требуемой самой сущностью дѣла. Но если намъ удалось хоть сколько нибудь пополнить пробѣлы въ разъясненіи сказанныхъ вопросовъ, допущенные рецензентами на трудъ г. Дикарева, то мы будемъ считать свою цѣль вполнѣ достигнутой. Въ заключеніе, намъ остается еще одно только сказать, что обнаруженная авторомъ этого труда степень начитанности въ литературѣ своего предмета и умѣніе его критически относиться къ утвердившимся въ наукѣ положеніямъ, касающимся этого предмета, а равно и любопытныя наблюденія, сдѣланныя г. Дикаревымъ надъ нѣкоторыми характерными особенностями малорусскихъ и в.-русскихъ говоровъ, не даютъ права, вслѣдствіе одной лишь неудачности его статистическихъ экспериментовъ, произносить такіе приговоры о филологическихъ познаніяхъ и наблюденіяхъ автора, съ какими мы встрѣчались въ критическихъ отзывахъ о его трудѣ. Тѣмъ болѣе, что самъ авторъ неоднократно заявляетъ, съ преувеличенной иногда даже скромностію, о своей неопытности, говоря, что его трудъ «есть посильная только лепта скромнаго наблюдателя,

желавшаго сознательно отнестись къ явленіямъ, которыя, какъ говорятъ, сами напрашиваются на вниманіе изслѣдователя, (стр. 54). Наблюдательность и сознательное отношеніе автора къ заинтересовавшимъ его явленіямъ дѣйствительно вездѣ замѣтны въ его трудѣ, и слѣдуетъ только пожалѣть, что излишнее увлеченіе автора статистическимъ методомъ помѣшало ему дать гораздо болѣе цѣнное изслѣдованіе этихъ явленій, котораго по многимъ даннымъ вполнѣ можно было ожидать отъ него.

К. Михальчукъ.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1893 г. Составилъ членъ-секрет. Статист. Комит. Ст. Зверевъ. Воронежъ 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Съ внѣшней стороны книга производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе крайне плохаго качества бумаги, напоминающей пропускную и потому затрудняющей чтеніе и утомляющей глаза. Недостатокъ этотъ—довольно существенный, по нашему мнѣнію, и трудно объяснимъ въ виду такой цѣны, какъ 1 р. 25 к. за книгу. Со стороны содержанія, напротивъ, впечатлѣніе получается благопріятное: книга даетъ довольно обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія и представляетъ въ общемъ полную картину народной жизни, какъ города Воронежа, такъ и всего воронежскаго края. Состоитъ она изъ четырехъ отдѣловъ: справочнаго, статистическаго, научно-литературнаго и адрессъ-календаря служащихъ лицъ съ азбучнымъ указателемъ къ нему. Изъ справочнаго отдѣла узнаемъ, что въ воронежской губ. дѣйствуютъ два общества сельскаго хозяйства на правахъ отдѣловъ Московскаго сельскохозяйственнаго общества: въ г. Воронежѣ съ 15 марта 1873 г. и въ городѣ Острогожскѣ съ 16 ноября 1884 г. съ женскимъ отдѣленіемъ; въ первомъ числится въ настоящее время 211 членовъ, а во второмъ—91; кромѣ того, имѣется три низшихъ профессіональныхъ училища, изъ которыхъ одно—Хрѣновское—лѣсное, а другое—рукодѣльное для дѣвочекъ въ г. Острогожскѣ. Статистическая часть состоитъ изъ 13 статей, почти всесторонне обрисовывающихъ состояніе воронежской губ. преимущественно въ торговопромышленномъ отношеніи; приложенъ и азбучный списокъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ, имѣющихъ церкви, съ указаніемъ, когда и изъ чего построены эти послѣднія, а также количества прихожанъ и церковной земли; всѣхъ церквей въ губерніи оказывается 1019—изъ нихъ въ Воронежѣ 26, да въ Острогожскѣ—8; жаль, что не приве-

день итогъ, изъ коего можно было бы видѣть, сколько церквей—каменныхъ, а сколько деревянныхъ, что, до извѣстной степени, можетъ служить показателемъ той или другой степени зажиточности обывателей.

Изъ таблицъ статистическаго отдѣла любопытны, между прочимъ, тѣ, которыя составлены Лѣсоохранительнымъ управленіемъ; изъ нихъ, наприм., мы узнаемъ, что подвергнуто взысканіямъ за нарушеніе лѣснаго устава въ 1891 г. всего 1490 лицъ сельскаго состоянія и 46—другихъ сословій. Училищъ разныхъ наименованій состояло въ губерніи 924 съ 62951 учащимся, изъ коихъ мальчиковъ было около 85%, дѣвочекъ же 15% съ лишнимъ. Въ теченіе года прибыло 59 училищъ и 5777 учащихся обоего пола; можно пожалѣть, что не указано отношеніе числа учащихся дѣтей ко всему ихъ числу, т. е. числу всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, и не показано, сколько было бы еще необходимо открыть училищъ, чтобы сполна удовлетворить всю потребность въ грамотности, т. е. чтобы въ нихъ нашли возможность учиться всѣ дѣти школьнаго возраста.

Отдѣлъ научно-литературный состоитъ изъ девяти статей; изъ нихъ болѣе замѣчательны работы г. Маркова Е. Л. (Кольцовъ, какъ народный поэтъ, Старая Донская пустынь и Донецкій казачій городокъ), Воскресенскаго Н. В. (Историческій обзоръ дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета), Федяевскаго К. К. (Валуйская старина), Звѣрева С. Е. (Воронежскія древности; заключаетъ въ себѣ статистич. данныя о находкахъ древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій въ воронежской губ. съ 1863 по 1893 г.). Къ послѣдней статьѣ приложенъ и листъ съ шестью фототипическими изображеніями древнихъ каменныхъ и бронзовыхъ издѣлій, найденныхъ въ воронежскомъ краѣ. Всѣ названныя работы вообще довольно любопытны и свидѣтельствуютъ о значительномъ подъемѣ научной любознательности среди воронежцевъ, чего, разумѣется, нельзя не привѣтствовать отъ всего сердца. Статья г. Маркова о Старой Донской пустыни и Донецкомъ казачьемъ городкѣ (125—157 стр.) особенно пріятно дѣйствуетъ на читателя тою живостью и своеобразностію описанія, которая такъ присуща этому писателю и обычно встрѣчается во всѣхъ его путевыхъ очеркахъ; эта живость не особенно страдаетъ даже отъ обильныхъ лѣтописныхъ и другихъ выписокъ, которыми уснащена статья.

Любопытная работа г. Воскресенскаго развертываетъ передъ нами картину, правда, медленнаго, но оказавшагося въ концѣ концовъ

довольно прочнымъ, развитія дѣятельности Воронежскаго статистическаго комитета, теперь столь привившагося въ мѣстной жизни и живучаго... Комитетъ, въ качествѣ административно-ученаго учрежденія, открылъ свои дѣйствія, повидимому, не ранѣе 1836 года (точныхъ данныхъ о началѣ его открытія не имѣется), хотя дѣло объ открытіи его началось еще въ 1835 г. Первымъ дѣломъ комитета было—составить описанія городовъ: губ. Воронежа (исполнено въ 1837 г. учителемъ словесности въ гимназіи Н. М, Савостьяновымъ) и уѣздныхъ: Острогожска, Новохоперска и Павловска (поручено учителямъ уѣздныхъ училищъ); для образца описаній были присланы въ комитетъ статистическія обозрѣнія городовъ—Владиміра Залѣсскаго и Мурома. Послѣ того ученая дѣятельность комитета, повидимому, замерла до 1853 года, и комитетъ, кажется, пересталъ даже и собираться, и вести какіе бы то ни было дневники своихъ занятій. Съ 1853 г. начинается новая жизнь комитета, пробужденнаго отъ долгой спячки и пополнившагося нѣсколькими новыми дѣятельными членами изъ мѣстныхъ учителей и другихъ учено-литературныхъ силъ, а также было приглашено въ члены—корресподенты нѣсколько лицъ, которыя могли быть полезны своими пожертвованіями: купцовъ, помѣщиковъ и т. п. Были пріобрѣтены необходимыя для статистическихъ занятій книги, русскія и иностранныя, карты и пр. Пожертвованій и взносовъ въ разное время поступило болѣе 1000 р. Скоро стали появляться въ значительномъ количествѣ и ученые труды разныхъ лицъ, касающіеся Воронежскаго края въ разныхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Н. И. Второвъ затѣялъ даже крайне тяжелые въ то время, особенно по новизнѣ дѣла, хлопоты о разрѣшеніи начать ежегодное изданіе «Памятной книжки» Воронежскаго края; хлопоты увѣнчались успѣхомъ, подъ условіемъ представленія наборныхъ листовъ книги въ Московскій цензурный комитетомъ (а статистическій комитетъ просилъ, во избѣжаніе замедленія разрѣшенія самому цензуровать свое изданіе! Для ясности не забудемъ, что предсѣдателемъ комитета состоитъ, какъ извѣстно, начальникъ губерніи, да и члены его—въ большинствѣ, лица правительственной службы, въ родѣ директора училищъ, врачебнаго инспектора, предсѣдателя казенной палаты и. т. п.). Въ 1856 г., наконецъ, вышла первая Воронежская «Памятная книжка», послужившая образцомъ для дальнѣйшихъ такихъ же книжекъ и доставившая не мало успѣха просвѣщеннымъ мѣстнымъ участникамъ ея. Книжка имѣла вообще успѣхъ и была принята мѣстнымъ обществомъ съ особеннымъ вниманіемъ; удачное же ея исполненіе засвидѣтельство-

вано обширнымъ отзывомъ по существу, присланнымъ изъ Главнаго статистическаго комитета. Къ сожалѣнію, за выѣздомъ Второва изъ Воронежа, памятныя книжки появлялись уже съ значительными перерывами и какъ бы случайно: въ 1861 г, 1863—4 г., 1865—6 г., 1871 г., 1875, 1878—9 г. и т. д. Въ восьмидесятыхъ годахъ была осуществлена г. Л. Вейнбергомъ и давнишняя мысль Второва объ устройствѣ въ Воронежѣ музея, для котораго теперь предоставлено городскою думою и сносное помѣщеніе. Въ 1886 г., по поводу исполнившагося трехсотлѣтія города Воронежа, былъ изданъ Статистическимъ комитетомъ огромный—въ 1500 стр.—Сборникъ (Воронежскій юбилейный) со многими дѣльными и обстоятельными статьями, обрисовавшими Воронежскій край въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Теперь дѣло Воронежскаго Статистическаго комитета вполнѣ упрочено; онъ пользуется сочувствіемъ мѣстнаго населенія, обезпеченъ научно-литературными силами, что и замѣчается на издаваемыхъ имъ «Памятныхъ книжкахъ», напр. за 1887 г. и особенно 1891 г. Исполнившееся въ 1885 г. пятидесятилѣтіе существованія Комитета ничѣмъ не было ознаменовано, о чемъ нельзя не пожалѣть.

А. Степовичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ пользу „Общества Вспомоществованія Переселенцамъ“ печатается и выйдетъ въ апрѣлѣ художественно-литературный **СБОРНИКЪ**, въ который войдутъ статьи и стихотворенія: гг. Абрамова, Баранцевича, Барыковой, В. В. Волынскаго, Гарина, В. М. Гаршина (посмертное стихотвореніе), Гольцева, Засодимскаго, Златовратскаго, Ковалевскаго, Кривенко, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Мачтета, Мережковскаго, Минскаго, В. П. Острогорскаго, Потапенко, Скабичевскаго, Вл. Соловьева, Ев. Соловьева, Л. Н. Толстого, Станюковича, Чехова, Щеглова, Ядринцева, Янжула и мн. др. Изъ иностранныхъ писателей дали свои произведенія Бурже, Вильденбрухъ и Гартманъ (философъ).

Сборникъ будетъ украшенъ произведеніями художниковъ: Архипова, Васнецова, Ге, Дмитріева-Кавказскаго, Загорскаго, Зощенко, Касаткина, Киселева, бар. Клодта, Крамского, Лебедева, Малышева, Неврева, Орловскаго, Пимоненко, Полѣнова, Рѣпина, Савицкаго, Шарлеманя, Ярошенко и др.

Цѣна сборника **3** рубля, съ пересылкой **3** р. **50** к., на лучшей веленевой бумагѣ **5** р., съ пересылкой **6** р. Послѣ выхода Сборника цѣна его будетъ увеличена. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи „Русскаго Богатства“, Литейная, № 46, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій пр., № 38, въ книжномъ складѣ А. М. Калмыковой, Литейная, № 60 и въ библіотекѣ Рубакиной, уг. Садовой и Большой Подъяческой. Объявленія принимаются по 20 р. страница.

ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ
ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во время сдѣланной операціи или иного роду лѣченія можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ, навсегда теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ

окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

64-66 выпуски

(Марсъ—Миллеръ).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изд. бывш. т-ва А. Гарбель и Ко.

(Москва, Большая Никитская, Долгоруковскій переулокъ, д. 8).

Въ текстѣ помѣщены: 18 рисунковъ и 16 портретовъ.

Цѣна выпуску 30 к. на обыкновенной бум. и 40 к. на лучшей бум.; цѣна тому (14 вып.) въ переплетѣ на обыкновен. бум. 4 р. 50 к.; на лучшей бумагѣ 6 р.

Лица, подписавшіяся до 1 августа 1893 г., пользуются безплатной пересылкою. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ) и будетъ закончено въ текущемъ 1893 году.

Подробные проспекты для ознакомленія съ изданіемъ высылаются по требованію безплатно.

Гг. служащіе въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ пользуются, за поручительствомъ казначеевъ, разсрочкой на указанныхъ въ проспектахъ условіяхъ.

ВЫШЕЛЪ IV ВЫПУСКЪ

„ПО ВѢЛУ-СВѢТУ“

Путешествія д-ра **А. В. Елисѣева.**

съ оригинал. рисунк. **В. Г. КАЗАНЦЕВА.**

приложеніе къ журналу „ПРИРОДА и ЛЮДИ“.

Подписка на журналъ „Природа и Люди“ съ приложеніями продолжается. Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою 5 руб. Контора редакціи: Спб., Вознесенскій, 47.

САРАТОВСКАЯ

ЗЕМСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ

И КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

для губерній юго-Восточнаго раіона будетъ открыта съ 15 сентября по 10 октября 1893 года при зданіи Губернской Земской Управы.

Пріемъ заявленій до 1 августа, а самыхъ предметовъ для выставки экспонатовъ съ 10 августа по 10 сентября, предметовъ подверженныхъ порчѣ за двое сутокъ и животныхъ за сутки до открытія выставки.

Письменно и словесно по дѣламъ выставки обращаться въ Комитетъ Выставки, помѣщающійся въ зданіи Губернской Земской Управы.

волнѣ купавшись повернулисмося въ лагеръ, а ездили до мостовъ, на рѣчцѣ Ажъбудамъ построенныхъ, и видѣли оную отъ вчорайшихъ дожчовъ отъ горъ прибавившуюся, которая знову начала умалятись. Вѣдомо учинилося отъ офѣцера зъ Дербенту повернувшогося, что фонъ Лукей сегодня заранія прийшолъ туда и сего жъ дня мѣли оттуду болніе всѣ вислании бути. Получилемъ листъ отъ Алексѣя, зъ Сулаку писанній, въ якомъ ознаймуетъ, что Демянъ 12-го юня пріехалъ въ Сулакъ зъ рѣчами, якіе ему купить казано, и что въ квартирѣ все добре поводится. Зъ полковникомъ Еропкиномъ и другими игралемъ въ карти безъ проиграшу.

Середа 22. П. Михайло и протчіе пріехали зъ Дербенѣ въ лагеръ, такъ же и команда съ болними, тамъ остававшимися. Рушилисмо назадъ къ Сулаку тимже путемъ и, увойшовши верстъ зъ 17, перейшли рѣчку, которую передъ тимъ переходили 3-го юня и тутъ стали лагеромъ.

Четверъ. 23. Сегодня рушилисмо, зъ вчорайшого ночлѣга, рано и въ обѣдной годинѣ прійшли къ мѣстцу тому, где прошлого 2-го юня стоялисмо, и тутъ постановилисмося лагеромъ. По обѣдѣ, знову оттуду рушилисмо и перейшовши черезъ гору, спустились внизъ и стали лагеромъ тамъ, где стояли мая 31-го. Зъ Сулаку зъ писмами татаре пріехали и тутъ первая вѣсть о Гилянѣ.

Пятокъ. 24. Сегодня, зъ вчорайшого ночлѣга, рушилисмо и перейшовши черезъ мостъ каменний, неподалеку отъ Буднакъ, въ ровѣ будучій, прийшли къ рѣчцѣ Караптацкой и оную въ бродъ перейшовши, стали заразъ лагеромъ. Виездилъ противъ насъ владѣлецъ буднацкій навстрѣчъ и, опровадивши насъ до становиска, отехалъ.

Субота. 25. Сегодня рушившися зъ вчорайшого ночлѣга, ишли до 11-го часа и прийшовши къ Таркамъ, сталисмо лагеромъ. Зъ Сулаку вѣдомо учинилося, что полученъ тамъ ордеръ отъ генерала Матюшкина повторній, о присилкѣ въ Астрахань п. Михайла.

Неделя. 26. Сегодня рано рушилисмося отъ Тарковъ и, увойшовши верстъ зъ 15, сталисмо лагеромъ на другой сторонѣ Кумтаркалской рѣчки, перейшовши черезъ оную брудма, которая была

глубиною по черево коневи. Получилемъ пакетъ зъ дому 25-го марта, а зъ Рибного 4-го мая отправленний, а въ ономъ писма: 1) отъ родителя, что Веляминовъ нинѣ генералъ маіоръ; прокуроромъ въ коллегіи малор. капитанъ гвардіи Макшѣевъ; 2) отъ родителки зъ матернимъ поздравленіемъ; 3) отъ брата Семена зъ поздравленіемъ; 4) отъ жени, что воли везде пали зимою, въ Сварковѣ хата молодецкая и пекарня здѣлании и станя (конюшня) покривается и что минуціи ко мнѣ посилаются, также и казанне отъ архіепископа новгородского Прокоповича присланное, и что братъ ея, Андрѣй (Полуботокъ) по дѣлу зъ ними не учинилъ и въ селѣ отказалъ, якое уступалъ прежде.

Понеделникъ. 27. Сегодня рано барзо генералъ Шереметевъ и мы, оба зъ п. Михайломъ при немъ, поехали до Сулаку и пріехали въ крѣпость передъ обѣдомъ, когда зъ пушокъ 3-хъ стрелено, честь отдаючи генералови. П. Михайло получилъ листъ, отъ Матюшкина къ нему писанний, о пріездѣ его въ Астрахань. Григорій Гудимъ, служившій мнѣ, померъ, которого пріехавши я застaлемъ, что на марѣ несенъ мѣлъ быти. Засталемъ пріехавшихъ зъ дому Кулика и Бардаченка, которіе мнѣ подавали писма, такъже и Демяна засталемъ, зъ Астраханѣ пріехавшого, а о писмахъ черезъ нихъ привезенныхъ юля 1-го упомянуто. Особливе застaлисмо зде пріехавшого зъ С. П. Бурху генерала маіора Дебринея и полковника Дебринея зъ Гиляни повернувшогося, и двохъ бунчуковихъ товарищей, зъ Астраханѣ самохотно пріехавшихъ, Василя Томару и Федора Ширая.

Вовторникъ. 28. Сегодня рано былемъ у генераловъ обоихъ и листи отъ родителя поотдавалемъ. Указъ принесенъ—яитскихъ козаковъ отпустить всѣхъ въ доми ихъ, на Яикъ, безъ смѣни, ради Каракалпаковъ, повставшихъ на нихъ и чорнихъ калмикъ. Полковъ 5, маршировавшихъ зъ верху сюда, удержано: 3 въ Лказанѣ (?), а 2 въ Астраханѣ имѣютъ остоятися, сказивалъ Неклюдовъ. Былъ я у Еропкина, который сказивалъ, что принесенъ указъ зъ военной коллегіи: лошадѣ, доставшіеся въ партіи Еропкина, собрать отъ всѣхъ на государя и чтобъ подъ пѣшихъ козаковъ купить здѣсь лошадѣ для походу. У полудень былъ у нашей квартирѣ п. обозний при-

луцкій зъ своими старшинами и Панченкомъ, который показивалъ писмо, что въ Малой Россіи колегія зъ бунчуковихъ, которіе сами въ походъ низовій не пойшли, доправила со всякого по 100 р., между которими и Захарій прилуцкій, бывшій комисаромъ, заплатилъ въ колегію. Былемъ у лазнѣ и милемся у Мерзлюкина. Получилемъ листъ отъ п. Федора (Марковича) и Якубовича, что они получили вѣдомость зъ Украини, будто, по репорту Еропкина, въ которомъ они неявившимися чили збѣгшими написани, доправляютъ на домахъ ихъ по 100 р. зъ коллегіи и онихъ тамъ искано везде, на что Еропкинъ иное говоритъ, же онъ никогда п. Федора не виключалъ отъ явившихся и присилалъ ко мнѣ компутъ всей команди бунчуковихъ явившихся, где и п. Федоръ написанъ.

Ст. ап. Петра и Павла. Середа. 29. Сегодня, по службѣ Божой, кушалисмо у себе зъ Худолѣемъ, а по обѣдѣ сидѣли у Добринея, где и до полночи прогуляли. Подалемъ доношеніе на имя Шереметева генерала, писанное Еропкину, о болѣзни моей, чтобъ мнѣ отпущену быть въ Астрахань ради излеченія.

Четверъ. 30. Сегодня обѣдали генерали оба и штапъ офѣцери у генерала маіора Добринея Петра Петровича, где и я обѣдалъ же, а то для того, что онаго вчера именини были. Былъ я у полковника Еропкина, где видѣлъ указъ зъ тайного верховного совѣту, мая отправленній до генерала порутчика Матюшкина, въ которомъ тое означено, что получена вѣдомость у двору зъ Константинополя, 1-го апр. отпущеная, что генералъ маіоръ Румянцовъ для розграничованія въ Ширванскую провинцію мѣлъ отправленъ быти 29 апр., Чорнимъ Моремъ до Трапезонта, а оттуду землею въ Ширванію, чего ради генералу князю Долгорукову велено поспѣшать въ Гилянъ и чтобъ для нерекгулярнихъ малороссійскихъ и слободскихъ козаковъ, которіе пѣшіе стали, лошадѣ въ партіи Еропкиномъ взятіе 564, а розданіе, отобрани были знову, а отдани пѣшимъ козакамъ, а въ дополненіе купить бы зде у аулнихъ татаръ, или где возможно, поблизу зъ низовыхъ приходовъ, для драгунъ же въ низовыхъ гварнѣзонахъ будучихъ, отправлени лошадѣ зъ Казанѣ покупки полковника Тараканова, зъ подполковникомъ Антоновимъ и

другими числомъ 6900 зъ лишкомъ; нерекгулярнимъ же войскамъ и полковнику фонъ Лукею и маіору Гарбару и бунчуковимъ, когда писать будетъ генералъ Румянцовъ, слѣдовать къ нему со всякимъ поспѣшеніемъ. Лекари Масъ, Гакъ и другіе приходили ко мнѣ осмотривать болезни моей, чтобъ имъ атестатъ дать о моей болезни. Кандиба и другіе были у насъ и обявили, что вчора дали доношеніе генералу Шереметеву о посилцѣ въ С. П. Бурхъ двоихъ товарищей бунчуковихъ зъ прошеніемъ объ отпуску, и Томара былъ шуменъ и.... (?). Демянъ купилъ комору на табакъ за 20 р.

Юль мѣсяць. Пятокъ. 1. Сегодня принялемъ elektuarium laxativum и sedes доволно имѣлемъ. Доводившіеся денги Заборовскому отъ мене 100 р. отдалемъ сегодня, вилѣчивши за судно и коня 12 р., итого отдалемъ 88 р. Особливе Худолѣеви его доводячіеся денги 44 зол. отдалемъ Вѣжевскому, на росходъ общій и партикулярній далемъ по 4 р. П. Михайло позиченнихъ у мене 3 червонихъ отдалъ мнѣ. Григорію шаргородскому подарилъ я 23 р., доводячихся отъ его мнѣ въ доплатку за куфу гор., взятую за 85 р. Прошлого юня 27-го числа положено въ нумерѣ 4-мъ, что зъ Астраханѣ Демянъ, а зъ дому Остапъ Куличенко, да Бардаченко пріехали, а зъ чимъ означается зде, писма: 1) отъ архіерея Горки, отвѣтное на листъ мой, что посланъ листъ намъ до архіепископа Новгородскаго зъ его *интерцессіею;* 2) отъ Полянского, зъ увѣдомленіемъ о его отездѣ сюда; 3) а привюзъ онъ, Демянъ, зъ собою тютюну 13 бочокъ и барилъ 2, да кулей 48, вина красного церковного галіонковъ 27 и пол., а галіонокъ по полкопи, отцу вѣдеръ 2 за 80 алтинъ. А черезъ Кулика привезени писма: 1-mo, отъ ясневелможной, зъ вираженнемъ того, что многократно писала о насъ до Петра Андрѣевича и что присилаетъ при сей окказѣи водки бутилокъ 3, вѣтереи, персиковой и крипителной, и вина барило волоского, а другое полинкового; 2-do, отъ родителя, о присилаючомся сюда запасу столовомъ, которого и реестръ особливий приложенъ, и что дочъ меншая самая моя Маруся преставилася, и чтобъ гостинчикъ дать Кропотову, Шереметеву и Дебринею; 3-tio, отъ жени о томъ, что 1) позичила церковнихъ 100 р. на спора-

женне виправи, 2) посилаетъ сюда кошуль паръ 2, спалень 2, хустокъ 2 пари и юпочку, и пявокъ пляшку, и о протчемъ реестръ приложенъ; 3) винниця въ своемъ порадку обрѣтается; 4-to, отъ Столповского 3 писмѣ зъ поздоровленнемъ и что онъ при судовихъ дѣлехъ обрѣтается; 5-to, отъ Кондзеровского зъ поздоровленнемъ же; 6-to, отъ п. судіиной енер. въ такой же силѣ; 7-mo, отъ Василя Жуковского зъ поздравленіемъ и что посилаетъ ко мнѣ барило вишніовки переваруваной; 8-vo, отъ Несторовича зъ поздравленіемъ страннимъ; 9-no, отъ п. Семена брата въ такой же силѣ и что братъ п. Андрѣй боленъ; 10-mo, отъ родителки зъ поздравленіемъ матернимъ и что пару хустокъ посилается; 11-mo, отъ Орановского въ такой же силѣ, зъ поздравленіемъ; 12-do, отъ Нелидова, что посилаетъ сюда брату своему Рязанского полку вахмистру Семену Хомунскому водку и сало,—13-tio, отъ брата п. Андрѣя зъ поздоровленнемъ; 14-to, отъ Греченка, старости бурумского, что сина его Заборовская пеняетъ за 100 р., синомъ его сюда къ сину ея Заборовскому посланніе; 15-to, отъ родителя, что посилается сюда горѣлка род. для продажи, а если нужда будетъ мнѣ въ денгахъ, то взять бы мнѣ у Залюбовского и Кулика 30 червонихъ и 300 зол.—Григорію Гамалѣи позиченнихъ грошей 3 р. отдалемъ.

Субота. 2. Сегодня рано былъ я у генераловъ Кропотова, Шереметева и Дебринея, и у полковника Дебринея и у Еропкина, а обѣдалисмо у себе зъ Григорашомъ и Худолѣемъ. Были мы у вечеру у генерала Кропотова и пожекгнали его, а онъ намъ подавалъ патентъ, подорожную и писмо къ генералу въ Астрахань. Тако жъ были у Шереметева, Лѣцкина, Еропкина, Фонстрала и зъ ними пожекгнались.

Неделя. 3. Сегодня рано были мы оба у генераловъ Кропотова, Шереметева и Дебринея, тако жъ у полковниковъ Дебринея, Лѣцкина, Еропкина, и Фонстрала, и со всѣми попростились. Обѣдали у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ шлюпкою генерала Кропотова, зъ 12 гребцами поехалисмо, оба купно зъ лекаромъ Московского полку Якимомъ Масомъ, и, пріехавши въ лагеръ, почовалисмо у куренѣ Борзенъ (Бороздиъ). Поправилемъ писма отъ нашихъ писан-

ніе до Матюшкина. Инструкцѣи 2 далемъ слугамъ своимъ Демяну и Алексѣю, всякому зъ особна, Демяну въ помощъ и послушаніе отдани Андрушко и кучеръ, а Алексѣеви Іванъ машталѣръ, да овчаръ, а Федоръ стрелець, да Юско машталѣръ, зъ коими до Астраханѣ мѣютъ отправитись.

Понеделокъ. 4. Сегодня рано писалемъ до Худолѣя писмо, чтобъ онъ имѣлъ надзираніе надъ слугами моими и которій би скосировалъ (?), смирилъ би того. Попростившись зо всѣми, рушилисмо въ путь свой до ретранжаменту и пріехавши до нижней станицѣ, тутъ обѣдалисьмо, а пообѣдавши поехали оттуду и пріехали по заходѣ слонца въ ретранжаментъ, где зъ Масомъ былъ я у Глазатова маіора, а ночовалисмо на отведенной намъ за крепостю квартерѣ.

Вовторникъ 5. Сегодня пробивалисмо тутъ въ ретранжаментѣ того ради, что вчорайшого дня прийшовший сюда шерботъ, передъ нашимъ пріездомъ, отойшолъ въ Астрахань, а ластовое судно, прійшовшое вчора жъ зъ багажемъ гадяцкого полку бунчуковихъ и полковниковъ, настоящого и наказного, невигрузовалось. Бекичевъ, прапорщикъ, рано, а порутчикъ Витъ у вечеру, пріехали сюда, слѣдучіи въ Астрахань.

Середа. 6. Сегодня обѣдали у нашей квартерѣ маіоръ Глазатовъ и провіянтъмейстеръ Кмитъ и другіе, а по обѣдѣ въ ластовое, сегожъ дня вигруженное, угрузившись, пойшли въ путь свой, понеже вѣтеръ отчасти служилъ намъ боковій; и такъ всю ночъ ишли.

Четверъ. 7. Сегодня тако жъ погодою ишлисмо, аже зъ сторони вѣтеръ вѣялъ, того ради жестоко насъ на суднѣ хитало. Пріехали къ туленіому острову, где мало остоялисмося, поколь бацманъ и Масъ, зъ матросами ездившіе къ острову ради покупки у ловцовъ риби, повернулись назадъ, для того знову до ночи ишлисмо, а въ ночѣ, перемѣнившомуся вѣтру, стали на якорь.

Пятокъ. 8. Сегодня рано показался намъ въ помощъ вѣтеръ и мы, поднявши всѣ 4 паруси, по прежнему рушили, а передъ полднемъ увидѣли 4 бугра и чернѣ по лѣвой сторснѣ.

Субота. 9. Показалась намъ отчасти въ помощь погода и мы, рушивши, минули 4 бугра, у право намъ бывшіе, а узкимъ мѣстомъ

поузъ оніе прийшовши, прийшли у вечеру къ Яркамъ и при самомъ устю Волги стали на якорѣ, а мы два съ Масомъ лодкою передомъ пріехали въ Ярки и, бывши у капитана Ренгеля, знову пріехали на судно и тутъ ночовали. Наняли двое суденъ по 60 а. передомъ для себе, маркитанскихъ.

Неделя. 10. Рано повидавшись съ провіянтмейстеромъ Бруховимъ, рушилисмо въ путь свой оба съ п. Михайломъ и съ третимъ Масомъ, а едучи, заездили до Урусламъ учуги (?) государевого, где у попа просидѣли довольно, а оттуду поехавши паркомъ, уехали верстъ съ 10, а отъ яркова верстъ съ 30, и стали на ночъ на лугу, при березѣ, где безчисленное множество комарей сѣроватихъ видѣли, отъ которихъ, за множество ихъ, звукъ, подобній жабамъ, слишанъ былъ.

Понеделокъ. 11. Сегодня рушивши зъ ночлѣга своего, пріехали якби верстъ за 10. къ Іванчугу, Троецкого Сергіевского монастира такъ называючойся, постоявши тамъ мало, уехали верстъ съ 5 и пріехавши до бичевой, тутъ поспѣшнѣ ишли, а потомъ, показавшомуся въ помощъ вѣтру, рушивши пріехали въ Астрахань, при заходѣ слонца, и на прежней сталисмо квартерѣ. Гаврило слуга п. Михайла, отправленній отъ насъ зъ Сулаку марта 10-го, пріехалъ сюда и явился намъ и подалъ писма: 1) отъ родителя, марта 3-го отправленное, о его битности въ Лубняхъ и чинячомся межованню между Андрѣевкою; 2) отъ родителки, зъ поздравленіемъ; 3) отъ родителя о томъ, что зехалъ онъ зъ Андрѣевки отъ жалю единого, видя неправдивое межованне[1]); 4) отъ жени, о стадѣ конскомъ въ Перервинцяхъ зхудавшомъ и объ отправѣ слуги Тараса, и что Василь господарь безопасенъ есть отъ помѣщика, отзивавшогося за нимъ; 5) отъ Несторовича зъ поздравленіемъ. Да явилися жъ мнѣ Залюбовскій и Федоръ Юрченко, которий подалъ писма: 1) отъ отца Островского зъ привѣтомъ, 2) отъ Якова Дуброви, что онъ виправу спорадилъ, 3) отъ Василя, господара, о строеніи Сварковскомъ.

---

[1]) Андреяшевка въ это время принадлежала генералу Вейзбаху.

Вовтор. 12. Сегодня увѣдомился я, что князь Долгорукій, Василій Володимеровичъ, генералъ полній, пріехалъ сюда въ Астрахань послѣднихъ чиселъ юня. Былъ я у Полянского и обѣдалисмо у себе зъ Якубовичомъ, Масомъ и дворецкимъ губернатора Фомиидина. Получилъ я листъ отъ ясневелможной зъ приложеннимъ другимъ листомъ о насъ, писаннимъ до генерала Шереметева, зъ подякованнемъ за его къ намъ благосклоненіе показованное.

Середа. 13. Сегодня рано были мы у генерала Матюшкина, а оттуду у князя Долгорукова, где и обѣдалисмо. По обѣдѣ заходилъ я до Івановского, а оттуду у архиерея, где и долго просидѣлемъ.

Четвер. 14. Сегодня былъ у насъ Миклашевскій Стефанъ, зъ которимъ и обѣдалисмо, а по обѣдѣ, надвечеръ были у Івана Івановича Волфа, атютанта генерала Матюшкина, а оттуду у самого генерала, где и до ночи просидѣли.

Пятокъ. 15. Сегодня рано были у насъ п. Федоръ дядко, Раковичъ и Іванъ Новѣцкій, и обѣдали у насъ. Былъ же и Каневскій. У Архипа отобралемъ денегъ 178 р., межи которими горѣлчанихъ 111 р., тютюнниихъ 61 р., а якорнихъ 6 р., на что ему и квитанцію далемъ. У Залюбовского отобралемъ 30 червоннихъ.

Субота. 16. Сегодня рано былъ я у губернатора здешнего Івана Алексѣевича Фомендина, где, не доходя его палатъ, зъ полковникомъ Бринеемъ, пріехавшимъ сегодня зъ крѣпости ст. Креста, видѣлся; оттуду заездилемъ до Стефана Миклашевского, а оттоль до своей квартири новоотведенной; у Миклашевского жъ и обѣдалъ, а на квартеру сегодня стали мои перевозитись.

Неделя. 17. Сегодня рано былъ я у генерала Матюшкина, где, по службѣ Божой, и кушалъ; по обѣдѣ заходилъ до штапъ лѣкара, а оттуду въ свою прійшолъ квартиру.

Понеделокъ. 18. Сегодня обѣдалисмо въкупѣ зъ Масомъ и другимъ лѣкаремъ, и зъ Якубовичемъ, а по обѣдѣ ездилъ я до новой квартери своей. Смотръ былъ чиненъ офѣцерамъ, а по смотру, отставка многимъ, а явитись бы отставнимъ у Пѣтербургѣ.

Вовторникъ. 19. Сегодня обѣдали у насъ п. Федоръ Раковичъ, Дорошенко, Панкевичъ; потомъ ездилъ я до Дебринея пол-

ковника, у котораго увѣдомился о его отездѣ въ Сулакъ, при князю. Оттуду былъ я у архіерея, а оттоль у Полянского. Другій день чили отъ половини третего, якъ стало у мене горло болить. Грузинъ за караулъ взятъ, а за другимъ поехалъ Іванъ Полянскій въ Ярки; сказивалъ Любимъ Полянскій.

Середа. 20. Сегодня никуда зъ дому, за горловою болѣзнію, я не виходилъ. Зъ Сулаку пріехали зъ чолобитною Андрей Миклашевскій, да Федоръ Чуйкевичъ, да пріехали жъ Панченко, Яковъ Карпѣка.

Четверъ. 21. Сегодня были у насъ Миклашевскіе оба, п. Федоръ дядко, Раковичъ, Голенковскій, Якубовичъ, а нѣкоторіе отойшли, а нѣкоторіе и обѣдали, а я прошеніе до князя переправилъ. Вѣжевскому на росходъ далемъ 10 р., а за калянъ срѣбній Димитрію далемъ 23 р. Пива зъ двохъ четвертей овса зварить казалемъ Гаврилови. Полковникъ Еропкинъ зъ Сулаку пріехалъ въ Астрахань.

Пятокъ. 22. Сегодня никуда я не ходилъ, а кушали у себе зъ Якубовичемъ. Дебриней полковникъ былъ у насъ и, посидѣвши доволно, отойшолъ. Онъ же сказивалъ, что Александръ Івановичъ (Румянцевъ) писалъ зъ дороги своей въ Персѣю отъ Константинополя, до Михайла Афанасіевича о себѣ.

Субота. 23. Сегодня передъ обѣдомъ билъ я у аттютанта Матюшкинового Вулва, оттуду въ квартеру свою прійшолъ, обѣдалъ зъ Дорошенкомъ и Якубовичемъ. Вѣжевскому 4 р. на росходъ далемъ. У вечеру былъ у насъ Вулвъ зъ словомъ Михайла Афанасіевича до п. Михайла, о его отездѣ отсюду.

Неделя. 24. Сегодня рано Масъ лѣкаръ попростился зъ нами, а завтрейшего дня мѣтъ ехать въ крѣпость ст. Креста, при князю Долгорукову, зъ штапъ лѣкаремъ Брилемъ. Ему жъ Масу за лѣченіе далемъ 5 р. Штапъ лѣкаръ билъ у квартирѣ нашей, до п. Михайла мѣючи дѣло, отъ князя полѣценное, взглядомъ его отезду. Былъ я у полковника Еропкина, которій показовалъ мнѣ писмо отъ брата его Александра, писанное зъ Карсу 22-го юня, въ якомъ виражаетъ тое, что онъ зъ С. П. Бурху виехалъ послѣднихъ числъ

априля, а пріехавъ въ Константинополь, не засталъ господина Румянцова, але его доехалъ на дорозѣ и надѣются быть на Куру въ три недѣлѣ, отъ того числа; туда жъ зъ турецкой сторони мѣетъ быть на межѣ селескеръ паша и съ нимъ 30000 турковъ.

Понеделокъ. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе, зъ Кулябкою Іваномъ и Якубовичемъ. Яицкіе козаки, зъ Сулаку отправленніе 10-го юля, прибыли сюда, въ Астрахань, и зъ ними мои люде Федоръ и Юско, и на томъ боцѣ Волги стали.

Вовторникъ. 26. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ п. Федоромъ и Раковичемъ. Переехалемъ на новую квартеру въ сади, до Николая Григоріева, а п. Михайло на прежней квартерѣ остался для лѣкара.

Середа. 27. Сегодня обѣдалъ я въ новой квартерѣ зъ штапъ квартермистромъ Нивиковимъ и копитаномъ отставнимъ Лопатинимъ и Якубовичемъ. Князь Василій Володимеровичъ Долгоруковъ виехалъ зъ Астраханѣ въ путь свой до Ярковъ, а оттуду до Сулаку. По обѣдѣ ездилемъ до Еропкина и зъ нимъ въ ради (лавки) ходилъ, а потомъ билъ у Вулфа и на квартерѣ прежней, откуду и п. Михайла уговорилемъ на новую переехать квартеру, и переехалъ. Комменду зде надъ рекгулярними и нерекгулярними отдалъ князь губернатору здешнему и генералу маіору Івану Алексѣевичу Фомендину.

Четвер. 28. Сегодня рано былъ я у Вулфа, а оттуду у генерала Матюшкина, где генералшѣ Софіи Дмитровнѣ листъ отъ родителки отдалемъ и пуздро, и обѣдалемъ тамъ-же, а оттуду былемъ у Еропкина и Дебринея и заехалемъ до Миклашевскихъ, ночовалъ зъ нами Якубовичъ.

Пятокъ. 29. Сегодня нікуда не ходилъ за слабостію, а purg. puto ℨiii бралъ и имѣлъ около 10 sedes. У вечеру ездилъ я до Еропкина; у Еропкина бувши я увѣдомился, что онъ будетъ завтра смотрѣть бунчуковихъ.

Субота. 30. Сегодня рано былъ я у Еропкина, где осмотривали бунчуковихъ товарищей болнихъ штабъ лѣкаръ губернскій, да Іванъ Михайловичъ Елснеръ и всѣхъ за болнихъ узнали числомъ 23. Оттуду зъ меншимъ Миклашевскимъ до ихъ квартери заехалъ, а потомъ у себе кушалъ зъ п. Михайломъ.

Неделя. 31. Сегодня рано былъ я у Миклашевскихъ, где поблизу службы Божой слушалъ, а по службѣ заходили до кирхи лютерской, оттуду зъ Федоромъ Чуйкевичомъ до нашей квартери прійшлисмо и кушали у себе. Полковникъ Еропкинъ пріездилъ до Андрея Миклашевского зъ Елснеромъ и, за болного его узнавши, аттестовалъ Елснеръ, чего ради зде и остается. У вечеру ездилъ я въ городъ до архиерея, где забавивши повернулся. Подполковникъ Шумеринъ отъ князя Долгорукова зъ Ярковъ повернулъся и обявилъ, что князь на море въ пятокъ виехалъ. Царь грузинскій Вахтангъ пріехалъ въ Астрахань, на которого пріездъ зъ пушекъ стреляно.

Мѣсяцъ августъ. Понеделокъ. 1. Сегодня обѣдали мы сами у себе, а по обѣдѣ ездилъ я до Миклашевскихъ, а оттуду до Еропкина и Дебринея. Племянники князя Василія Володимеровича Долгорукова, зъ которыхъ еденъ атютантомъ княжимъ, а другій капитаномъ при коммендированнихъ полкахъ, пріехали въ Астрахань, такъ же и докторъ Телсъ. Зъ Сулаку пріехали бунчуковіе товарищи Іванъ Тарновіотъ, Михайло, Хвостовскій полковникъ, и Кованка старшій и 600 козаковъ.

Вовторникъ 2. Сегодня ездилъ я въ городъ и повидѣвшись зъ лѣкаремъ Елснеромъ, слухалемъ службы Божой у ст. Тройци и обѣдали сами у себе. Бунчуковіе здешніе совѣтовали объ учиненню обсилки Телсу. Алексѣй, синъ генер. Кропотова, отехалъ въ Сулакъ

Середа 3. Генералъ порутчикъ Штафъ пріехалъ въ Астрахань зъ полками, на которого пріездъ изъ пушокъ стреляно. Былемъ у штапъ лѣкара губернскаго, оттуду у архиерея и въ церквѣ великой на службѣ Божой. Щислялисмо оба зъ п. Михайломъ расходъ нашъ совокупній, теди показалось оного, отъ октовр. послѣднихъ числъ прошлого 725-го году, по августъ 2, 1726 год., въ росходѣ денегъ 185 р. зъ чимсь.

Четвер. 4. Сегодня рано ездилъ я въ городъ до Еропкина простился съ нимъ и незаставши его у квартирѣ, ездилемъ зъ Кремля у ворота николскіе, и со мною полковникъ харковскій Квѣтка и, недождавшись его, отехалемъ домой, а полковникъ Ероп-

кинъ потомъ пріехалъ и поехалъ шлюпкою до Ярковъ и въ Сулакъ. По обѣдѣ былемъ у штапъ лѣкара Мѣллера, оттуду у доктора Телса, которого и не видалъ, бо былъ, якъ сказивано, барзо боленъ.

Пятокъ 5. Сегодня былемъ въ церквѣ у Тройци ст., а отъ квартерѣ Миклашевскихъ ездилемъ зъ Федоромъ Чуйкевичомъ и Іваномъ Кулябкою смотрѣти квартери себѣ иной, потомъ въ свою пріехалемъ. П. Михайло въ первое убравшись зъ сеей квартери, поехалъ въ городъ до Михайла Афанасіевича.

Субота 6. Преображеніе. Сегодня рано ездилъ я въ монастиръ Іванковскій, где и коммунѣковался, а по коммунѣи зайшолъ зъ п. полковникомъ харковскимъ до сумского Марченка, и тамъ кушали, а потомъ зъ Федоромъ Чуйкевичомъ пріехали до Миклашевскихъ, где доволно посидѣвши, пріехали въ свою квартеру, а тутъ я засталъ Якубовича. Играли у Миклашевскихъ въ карти, при непроиграшу моемъ.

Неделя 7. Сегодня рано былъ я у штапъ-лѣкара Миллера, оттуду зъ Панченкомъ и Миклашевскимъ у губернатора, а оттоль у генералши Матюшкиновой зъ полковникомъ харковскимъ, а потомъ у службѣ Божой архиерейской и архиерея, а на обѣдъ къ себѣ пріехалемъ зъ Панченкомъ, по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, зъ Миклашевскими игралисмо въ карти. Царь Вахтангъ на судно зъ своей виехалъ квартери.

Понеделокъ 8. Сегодня былъ я у лѣкара Фета и зъ Демеліомъ видѣлъся, оттуду былъ у Вулфа атютанта, а обѣдали у себе, и по обѣдѣ подпіяхомъ. Царь грузинскій Вахтангъ водою рушилъ въ Ярки, а оттуду за море.

Вовторникъ 9. Сегодня рано былъ я у лѣкара Демеля, а оттуду въ рядахъ, где видѣлся зъ капитанами Бакѣевимъ, Неплюевымъ и третимъ старой крѣпости, при Сойманову бывшомъ, зъ Сулаку приехавшими, а потомъ заходилемъ до доктора Телса, а оттуду въ квартеру свою и тутъ зъ п. Михайломъ и п. Федоромъ, п. Раковичемъ и Якубовичомъ и Голенковскимъ обѣдалисмо.

Середа 10. Сегодня рано попрощался я зъ п. Михайломъ, которий, получивши пашпортъ князя Долгорукова, коммендующего

генерала черезъ генерала Матюшкина, объ отпуске его въ домъ, ради болезни его, отехалъ домой. Обѣдалемъ у архиерея, того ради, что онъ тезоименитъ сегоднешний Лаврентій, где были жъ на обѣдѣ губернаторъ Фамендинъ племѣники князя Долгорукова, Кобилинъ, Змеіовъ, Веселовскій, атютантъ, и Остафѣевъ секретаръ княжіе. Тогда жъ, по доношенію нѣякогось Смирнова, взятъ за караулъ писаръ архиерейскій. Писма, до дому писанніе черезъ п. Михайла, отослалемъ къ нему на судно Бардакомъ, а именно до род., жени, брата п. Семена, п. Петра Апостола.

Четверъ 11. Сегодня обѣдалъ я у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ игралъ въ карти и вигралъ за 2-ма рази 15 а.

Пятокъ 12. Сегодня рано Демеля обослалемъ водкою и онъ картою благодарилъ. Былъ у мене Дорошенко и доволно посидя отехалъ, а у вечеру былъ Якубовичъ. Архимандритъ Спасскій здешній и попъ Афанасій взяти за караулъ. Архиерей прислалъ ко мнѣ двоихъ татарокъ, хотячихъ креститись и желаючихъ, чтобъ я былъ онимъ воспріемникомъ.

Субота 13. Сегодня рано былъ я у архиерея, оттуду у штапъ лѣкара Милълера и Демеля, а у Миклашевскихъ обѣдалемъ; по обѣдѣ играли въ карти и вигралъ я 1 р. Оттуду былемъ у Федора Василіевича Сухова, Кобилина полковника и у Берштеръ, криксъ-комисара, потомъ до своей квартери прійшолъ. У оного Кобилина увѣдомился я, что фелтъмаршалъ князь Никита Ивановичъ Репнинъ умре.

Неделя 14. Сегодня былъ я рано у Кремлѣ и на службѣ Божой, где губернаторъ просилъ къ себѣ на кушанне зъ церкви; были на водки у архиерея, а оттуду пошли и кушали у губернатора, заехалемъ оттуду до Ивановского, а оттоль до князя Урусова, оттоль до Миклашевскихъ, и тамъ у Троици всенощной и утрени вислухавши, пріехалемъ зъ Якубовичемъ на свою квартеру. Князь Урусовъ, подъ часъ оной моей въ него бытности, росказовалъ, что онъ въ 1718 году посиланъ былъ за море Каспѣйское смотрить Даріи рѣки, текучой въ Хивѣ, до которой будто отъ мора сего протокъ былъ, да засипанъ, а пріехавши на красніе води, тамъ хотя и зискалъ протокъ, однакъ онимъ въ степъ къ

Хивѣ пойшовши верстъ зъ 10, прийшолъ на висхлое мѣсто, а потомъ хочай еще верстъ 15 ишолъ степомъ же, однакъ уже жадной рѣки незискалъ, ни протоку, и такъ воротилъся назадъ зъ 20-ма ротами; а Хива далече такъ отъ мора лежитъ, же напрамикъ надобно до оной нѣсколько недель верблюдами ехать. Степъ тамъ безвоздній, трави жадной нетъ, а пѣсокъ самий толко.

Успеніе П-ст. Б-ци. Понеделокъ 15. Сегодня слухалъ я службы Божой у ст. Тройци, а кушалъ у себе зъ Миклашевскими, Панченкомъ, Чуйкевичомъ и Якубовичемъ, а кушали у хазяина Николая Григоріевича съ нимъ и женою его, по обѣдѣ играли въ карти, зъ вигрошомъ малимъ моимъ. Ночовалъ зде у мене Федоръ Чуйкевичъ.

Вовтор. 16. Сегодня былъ я рано у архиерея, оттуду на службѣ у собору, а кушалъ у Миклашевскихъ. По обѣдѣ играли въ карти и вигралъ я 1 р. 22 а. зъ баришомъ. Крашенинниковъ и протчіе донци и... (?), которыхъ 10-го август. упомянуто, висилалися въ Астрахань, въ С. П. Бурхъ. Получилемъ з дому черезъ ахтирского полковника пересилку календаръ и казанне новгородского архіепископа, отъ его жъ зъ надписаніемъ его собственнимъ. Коня сивого темно купилемъ себѣ у колмикъ за 4 р. паша против 7. (?)

Середа 17. Былъ я въ Кремлѣ городѣ и по службѣ Божой ехалъ до своей квартири и обѣдали со мною Федоръ Чуйкевичъ и Яковъ Якубовичъ. По обѣдѣ приездили Миклашевскіи и, побувавши у харковского полковника, заездили знову ко мнѣ и отехали въ свою квартиру. Сегодня я по обѣдѣ захоровалъ на фебру, которая сперва алтераціею своею здѣлала во мнѣ тяжкіе вомѣти и поносъ, одъ чого видно было, также и по узнаттю лѣкара Якима Ветта, что не простая фебра але febris ardens. Ночовалъ сомною Якубовичъ [1]).

Четвер. 18. Зегодня рано випилъ я въ водце alexir priettis Paracelsi полъ румки спорой и обѣдалъ самъ собою, а по обѣдѣ

---

[1]) Начиная съ 17 по 30-е августа дневникъ писанъ другимъ лицемъ, вѣроятно по случаю болѣзни Марковича.

пришолъ Якубовичъ. Передъ вечеромъ вомѣти настали мнѣ и тривали надругій день до вечера и черезъ ночь. Ночовалъ Якубовичъ же.

Пятокъ 19. Сей день увесь тяжолъ былъ; передъ обидомъ посѣщали мене Федоръ Марковичъ, Янъ Тарнавіотъ и обѣдали у мене зъ Якубовичомъ. Ку вечеру прийшолъ Федоръ Чуйкевичъ и ночовалъ зъ Якубовичомъ. Зъ Сулаку князь Долгорукій зъ цѣлимъ корпусомъ, между которими и бунчуковихъ 29, поишли въ Дербенъ, а оттуду на Куру, до генерала маіора Румянцова.

Субота 20. Противъ сего дня, ночъ мнѣ была барзо трудна, млость (обморокъ) два рази приходила въ день и въ ночи, и кровъ зъ медіани пускалъ мнѣ лѣкаръ Веттъ, тожъ передъ вечеромъ. а пилъ я воду ячмѣнную и противъ прежныхъ ночей легче было передъ свѣтомъ. Ночовалъ Федоръ Чуйкевичъ.

Неделя 21. Прежныхъ ночей легше. Сегодня по службѣ Божой обѣдалъ у мене Федоръ Чуйкевичъ, а у вечеру прийшолъ Якубовичъ и ночовалъ здесь же со мною. Принесенъ къ архіерею указъ о приездѣ его въ Санктпітербурхъ. Ночъ мнѣ противъ понеделка легшая была, противъ всѣхъ ночей бывшихъ и болезни моей; однако жъ полегка она началась зъ полночи и до полдня тривала.

Понеделокъ 22. Рано приехалъ Федоръ Чуйкевичъ и засталъ у мене лѣкара Вета. Потомъ посѣщали мене Раковичъ, Турнавіотъ и Федоръ Марковичъ. Докторъ Телсъ бунчуковое товариство болное, атестованное штапъ лѣкаремъ Брилемъ, смотрѣлъ весма страннимъ образомъ, поневажъ казалъ всякому обнажатися и самъ руками везде мацалъ. День и ночь тяжкіе хочай были мнѣ, однакъ противъ прежнихъ легшіе. Ночовалъ со мною Чуйкевичъ.

Вовторокъ 23. Пришолъ рано ко мнѣ Якубовичъ, а потомъ Василь Дейнека и обѣдали, а въ день пріездилъ посѣщать мене Ивановскій. Принималъ я pulv. antefebr и противъ прежнихъ пароксизмовъ познѣй и якъ бы легшій имѣлемъ. Обослалемъ канцеляристу Богданова виномъ зъ вѣдрами, почому Гаврило и промеморію о крещеніи татарокъ въ духовний приказъ виходилъ. Докторъ по прежнему другихъ бунчуковихъ, которіе не были въ атестатѣ Брилевомъ, смотрѣлъ.

Середа 24. Сегодня рано передъ обѣдомъ переехалъ я зъ своей квартери прежной на другую квартеру Степана Василіевича Лапшанского, куда приездили ко мнѣ для посѣщенія дядко п. Федоръ да Рощаковскій. Жаръ во мнѣ противъ прежнего былъ чрезъ всю ночъ. Ночовали со мною Чуйкевичъ и Якубовичъ.

Четверъ 25. Сегодня слабость въ себѣ наибарзѣй ощутилемъ, хочай жаръ и сталъ уступати. Адютантъ князя Долгорукова Воронинъ пріездилъ посѣщать мене, которого потомъ и обослалемъ водкою. Ночовалъ Федоръ Чуйкевичъ. Федоръ Сулима, бунчуковий товаришъ, синъ покойного хоружого енер. померъ въ Сулаку и погребенъ въ новой крѣпости, при церквѣ, близъ стѣни олтарной, а въ дому синъ старшій, впавши въ дѣжку борщу повную, утонулъ, зъ чего мать его, а жена Федорова [1]), захворавши умерла.

Пятокъ 26. Написалемъ листъ до доктора Телса о болѣзнехъ моихъ, нинѣшной и давной, прося его аттестата, и одослалемъ оный черезъ Гаврила слугу къ нему. Якубовичъ и Голенковскій пришли ко мнѣ и обѣдали тутъже. Жаръ во мнѣ сталъ умалятись, а слабость умножатись.

Субота 27. Сеей противъ суботи ночи началемъ засипать. Ездилемъ одноконкою до доктора Телса, которий поговоря со мною и моихъ болѣзнехъ, написалъ въ аттестатѣ о мнѣ тое, что мнѣ многое время надлежитъ къ лѣченію. Обѣдалъ я самъ зъ Платономъ, а Якубовичъ и Чуйкевичъ пришли по обѣдѣ, и медъ пили. Іванъ Якимовичъ Синявинъ шавдбенахтъ флоту морского преставился.

Неделя 28. Ночь прошлая и день нинѣшній мнѣ (слава Богу) легшій показался. Отъ слуги Тарнавскаго, зъ Украини пріехавшего, извѣстно вчинилось, что у Федора Сулими синъ померъ, случаемъ упавши въ дѣжку борщу повную, отъ чего мати, заскорбѣвши зъ печали, померла. Полковникъ Дебриней съ крѣпости святаго Креста пріехалъ. А зъ Сулаку, 12 августа въ походъ пошла вся армѣя и бунчуковихъ 29, надъ которими командрѣромъ мѣсто Кандибы пошолъ Якимъ Горленко, а осталося въ Сулаку болнихъ,

[1]) Дочь генер. судьи Василія Кочубея.

№ 6 и 7, 8, 9, 269—334, 589—626, 55—89).

797. **Шевченко** Т. Г. Слѣпая (съ небольшимъ предисловіемъ) (1886, № 6, 307—338).

798. **Шевченко** Т. Г. Художникъ (автобіографическ. повѣсть) (1887, № 1, 2, 3, 1—35, 193—236, 385—411).

799. **Шуточные** стихи начала прошлаго вѣка. Собщ. В. Науменко. (1885, № 9, 175—178).

б) статьи.

800. **А.** Г. Маленькое поясненіе къ «Кобзарю» Т. Г. Шевченка. (1887, № 3, 583—585).

801. **Г.** В. Юношеское письмо и портретъ Гоголя. (1890, № 11, 331—332).

802. **Г.** Я. Къ исторіи Галицко-Русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину). (1883, № 8, 645—663).

803. **Галаганъ** Гр. П. Малорусскій вертепъ. (Съ предисловіемъ П. И. Житецкаго). (При статьѣ приложены нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика). (1882, № 10, 1—38).

804. **Галицко-русскій** «savoir vivre». (1891, № 2, 281—299).

805. «**Gaudeamus igitur**» Кіевской Академіи. (1882, № 2, 431—434).

806. **Голубовскій** П. Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. (1891, № 10, 58—81).

807. **Ефименко** П. Образцы обличительной литературы въ Малороссіи. (1882, № 3, 538—559).

808. **Житецкій** П. И. Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ. (Рѣчь, читанная на актѣ въ коллегіи П. Галагана 1-го октября 1882 г.). (1882, № 11, 277—291).

809. **Житецкій** П. И. Очеркъ литературной исторіи Малорусскаго нарѣчія въ XVII в. (1888, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 12, 162—179, 1—21, 169—183, 389—408, 246—288, 567—596, 401—416).

810. **Житецкій** И. П. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. (1890, № 6, 494—532).

811. **Каллашъ** В. Южно-русскій списокъ «Александріи» конца XVIII ст. (1887, № 10, 377—379).

812. **Ковалько** П. Очерки національныхъ типовъ въ Украинской Народной Словесности. (Черты типа Еврейскаго). (1883, № 3, 667—672).

813. **Кириллъ** и Меѳодій—просвѣтители славянскіе. (1885, № 4, I—VI).

814. **Кузьмичевскій** П. Старѣйшія русскія драматическія сцены. (1885, № 11, 371—407).

815. **Л.** А. Рукописное евангеліе будто бы гетмана Сагайдачнаго. (1891, № 4, 165—167).

816. **Л.** О. Къ вопросу о южнорусскихъ апокрифахъ. (1887, № 12, 775—779).

817. **Маркевичъ** А. Образчикъ малорусскихъ эпитафій XVIII вѣка. (1883, № 6, 393—396).

818. **Марковъ** Н. Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко. Историко-литературный очеркъ. (1883, № 6, 193—211).

819. **Миронъ.** Іоаннъ Вишенскій. (Новыя данныя для оцѣнки его литературной и общественной дѣятельности). (1889, № 4, 141—151).

820. **Миронъ.** Къ исторіи апокрифическихъ сказаній. (1891, № 11, 267—275).

821. **Миронъ.** Червонорусскія вирши XVIII в. (1891, № 9, 479—484).

822. **Михайлогорскій.** Нелишнее слово о виршахъ. (1888. № 4, 100—106—108).

823. **Н. Н. Д.** НаСыръ-Дарьѣ у ротнаго командира. (Изъ путевой книжки). (1889, № 3, 561—581).

824. **Науменко** В. Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ. (1883, № 6, 212—232).

825. **Науменко** В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. (1888, № 1, 2, 3, 271—275—282).

826. **Науменко** В. Новелла Боккачьо въ южно-русскомъ стихотворномъ пересказѣ XVII—XVIII стол. (1885, № 6, 273—289—306).

827. **П.** С. Кіевская поэзія 50 лѣтъ назадъ. (1891, № 12, 478—479).

828. **П.** С. Отвѣтъ на вопросъ о малорусскихъ одахъ изъ времени Наполеоновскихъ войнъ. (1886, № 4, 809—814).

829. **Петровъ** Н. Старинный Южно-Русскій театръ и въ частности вертепъ. (1882, № 12, 438—480).

830. **С—ко** А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики). 1888, № 6. 284—313).

831. **С—ко** Н. В. Очеркъ литературной дѣятельности А. Я. Стороженка. (1886, № 5, 8, 10, 11, 1—25, 639—692, 299—329, 445—471).

832. **Селивановъ** А. Вертепъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской г. (1884, № 3, 512—515).

833. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Іоанникій Галятовскій. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII в.). (1884, № 1, 2, 3, 4, 1—20, 183—204, 371—390, 565—588).

834. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Г. Ѳ. Квитки. (1884, № 6, 201—209).

835. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Иннокентій Гизель. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). 1884, № 10, 183—226).

836. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Характеристика южно-русской литературы XVII вѣка. (1885, № 1, 1—18).

837. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Іоаннъ Вишенскій. (Южно-русскій полемистъ начала XVII ст.). (1885, № 4, 649—677).

838. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. (1887, № 6—7, 9, 11, 215—268, 1—54, 401—455).

839. **Тарновскій** Александръ. Вертепъ въ Духовщинѣ (уѣздномъ городѣ смоленской губерніи). (1883, № 3, 659—667).

840. **Твердохлѣбовъ** А. Къ литературной исторіи разсказа «Вусы». (1890, № 10, 148—151).

841. **Успенскій** Ѳ. М. На память тысячелѣтія годовщины славянскихъ просвѣтителей. (Рѣчь). (1885, № 5, 107—126).

842. **Читатель.** Разгадка «малорусской исторической шарады». (1885, № 6, 329—337). (См. № 728).

843. **Я.** В. Къ 300-лѣтнему юбилею Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа. (1883, № 12, 693—696).

844. **Янчукъ** Н. Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. (1888, № 10, 1—20).

IV. Этнографія.

845. **Авенаріусъ** Н. Замѣтка къ статьѣ «О шелудивомъ Бунякѣ». (1887, № 11, 584).

846. **Андріевскій** А. Письмо къ тремъ діаволамъ. (1884, № 6, 340—342).

847. **Б.** Н. Медико-топографическая и этнографическая работы д-ра Де-ла-Флиза. (1889, № 7, 256—268).

848. **Ба—скій** Г. Пѣсня черноморскихъ козаковъ на взятіе Измаила. (1882, № 6, 555—556).

849. **Ба—скій** Г. Пѣсня Запорожцевъ о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи. (1882, № 6, 554—555).

850. **Б—скій** И. Ф. Преданія о крестахъ подлѣ с. Брикова(острожскаго уѣзда). (1891. № 8, 316—317).

851. **Бакай** Н. Городничій и св. пятница. (Къ исторіи народныхъ суевѣрій). (1885, № 12, 744—747).

852. **Барсовъ** Н. И. Три малорусскія пѣсни изъ періода Крымской кампаніи. (1885, № 4, 795—798).

853. **Боржковскій** Валеріанъ. Лирники. (1889, № 9, 653—708).

854. **Боржковскій** Валеріанъ. «Парубоцтво», какъ особая группа въ малорусскомъ сельскомъ обществѣ. (1887, № 8, 765—776).

855. **Брайловскій** С. Малорусска похоронная причеть и миѳическое ея значеніе. (1885, № 9, 73—84).

856. **Бытовая** малорусская обстановка въ документахъ XVII—XVIII ст. (1887, № 10, 336—356).

857. **Бѣньковскій** И. Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы. (1890, № 8, 324—326).

858. **Бѣньковскій** И. Рождественскія святки на Волыни. 1889, № 1, 236—242).

859. **В.** М. Двѣ народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. (1886, № 7, 570—573)

860. **Варіантъ** пѣсни о Кармелюкѣ. (1889, № 8, 533).

861. **Василенко** В. Празднованіе понедѣльника въ Малороссіи. (1887, № 1, 180—182).

862. **Васильевъ** М. Великій грѣшникъ. (Сказка). (1884, № 9, 172—175).

863. **Васильевъ** М. Народная пѣсня о Шевченкѣ. (1885, № 9, 187—188).

864. **Васильевъ** М. Двѣ сахарозаводскія пѣсни. (1886, № 10, 407—408).

865. **Васильевъ** М. Къ повѣрьямъ о цѣлебномъ значеніи змѣя. (1889, № 5—6, 634).

866. **Васильевъ** М. Къ малорускимъ похоронным обрядамъ. (1889, № 5—6, 635—637).

867. **Васильевъ** М. Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. (Этнографическій очеркъ). (1889, № 8, 9, 354—376, 615—630).

868. **Васильевъ** М. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. (1890, № 8, 317—322).

869. **Венгрженовскій** С. Еще кое-что о Кармелюкѣ. (1886, № 7, 553—559).

870. **Владимирскій-Будановъ** М. Привязываніе убійцы къ трупу убитаго. (Изъ старой судебно-уголовной практики). (1888. № 1, 2, 3, 20—21).

871. **Г.** Двѣ Галицкія пѣсни. (1885, № 7, 517—518—523).

872. **Г—ко** В. Визитъ Кармелюка. (Изъ письма въ редакцію). (1883, № 2, 466—471).

873. **Г—ко** В. Сто семь лѣтъ

южно-русской этнографіи. (1884, № 3, 505—507).

874. **Горленко** В. Бандуристъ Иванъ Крюковскій. (Текстъ 9 думъ съ біографической замѣткой). (1882, № 12, 481—518).

875. **Горленко** В. Варіантъ пѣсни о правдѣ. (1883, № 8, 769—770).

876. **Горленко** В. Кобзари и лирники. (1884, № 1, 12, 21—50, 639—656.

877. **Грабина** А. Изъ народныхъ устъ. (1883, № 12, 701—703).

878. **Грабина** А. Саврадимка. (Пѣсня). (1884, № 11, 552—554).

879. **Два** сообщенія по части народныхъ вѣрованій. 1) Криницябогиня плодородія у Сѣверянъ П. Литвинова. 2) Полъ неодушевленныхъ предметовъ М. Г—овъ. (1884, № 4, 695—698.

880. **Двѣ** лирницкія пѣсни. (1889, № 12, 637—642).

881. **Десятынъ** Г. Украинскій Геліосъ. (Народныя преданія о Солнцѣ). (1882, № 10, 177—180).

882. **Добротворскій** Н. Малорусскія пѣсни у великорусскихъ крестьянъ. (1886, № 11, 585—588).

883. **Дума** о Хмельницкомъ и Барабашѣ, съ мотивомъ. (1888, № 7, 15—23+6).

884. **Е.** П. Запрещеніе купальскихъ огней. (1885, № 11, 556—558).

885. **Е.** П. Къ статьѣ «Судъ надъ вѣдьмами». (1883, № 12, 697—700).

886. **Е.** П. Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ. (1886, № 3, 593—598).

887. **Е—ко** П. Старинные способы возвратить языкъ нѣмому и разсѣять ложные слухи. (1884, № 6, 353—354).

888. **Еф.** П. Попытка околдовать волостной судъ. (1884. № 3, 508—509).

889. **Еф.** П. Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 года. (1886, № 5, 173—175).

890. **Ефименко** П. Откуда взялись Запорожцы. (Народное преданіе). (1882, № 12, 582—593).

891. **Ефименко** П. Судъ надъ вѣдьмами. (1883, № 11, 374—401).

892. **Ефименко** П. Упыри. (Изъ исторіи народныхъ вѣрованій). (1883, № 6, 371—379).

893. **Житецкій** И. Смѣна народностей въ южной Россіи. (1883, № 5, 6, 8, 9, 11, 1—29, 399—452, 561—579, 1—26, 371—418).

894. **Журинъ** Г. Изъ разсказовъ о запорожцахъ и гайдамакахъ. (1886, № 8, 758—760).

895. **Залѣсскій** А. Варіантъ пѣсни о Нечаѣ. (1887, № 8, 787—788).

896. **Залѣсскій** А. Изъ быта крѣпостнаго времени. (1888, № 6, 78—79)

897. **Запорожская** пѣсня. (1883, № 11, 523).

898, **Зуйченко** П. И. Пѣсня на исходъ запорожцевъ за Дунай. (1885, № 6, 363—364).

899. **И—въ** П. Кое-что о «вовкулакахъ» и по поводу ихъ. (1886, № 6, 356—364).

900. **И.** Н. Заговоры на просо и пшеницу. (1884, № 12, 747—748).

901. **И.** О. Волынская бывальщина. (1887, № 10, 384—387).

902. **Ивановъ** И. Знахарство, шептанье и заговоры. (Въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи). (1885, № 12, 730—744).

903. **Изъ** народныхъ разсказовъ о Новороссіи. (1885, № 10, 353—360).

904. **Изъ** народныхъ разсказовъ о велетняхъ и пятницѣ. (1885, № 9, 186—187).

905. **Изъ** области народныхъ

преданій, повѣрій и разсказовъ. (1888, № 12, 142—143).

906. **Изъ области народныхъ суевѣрій:** Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся. (1882, № 2, 429—431).

907. **Исаевичъ** С. Н. Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. (1883, № 12, 700).

908. **Исаевичъ** С. Н. Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (съ предисловіемъ В. Горленко). (1887, № 6—7, 450—454—486).

909. **К.** В. Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. (1890. № 8, 322—323).

910. **К.** П. Фатальная вдова. (Уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ). (1888, № 12, 459—477).

911. **К—й** О. Р. Изъ народныхъ разсказовъ о кладѣ. 1884, № 11, 545—550).

912. **К—скій** А. О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая. (1882, № 8, 283—287).

913. **К—шъ** В. Варіантъ пѣсни о Томиленкахъ. (1887, № 6—7, 585—586).

914, **Каминскій** Ѳ. Къ матеріаламъ, сообщеннымъ г. Савичемъ о «семилѣтнихъ богатыряхъ». (1889, № 5—6, 632—633).

915. **Кармелюкъ.** Переводъ съ польскаго). (1886, № 3, 495—560).

916. **Катрухинъ** А. Изъ народныхъ разсказовъ о слободско-украинскихъ помѣщикахъ. (1885, № 1, 198—200).

917. **Катрухинъ** А. Разсказъ о происхожденіи табаку. (1890, № 8, 326—329).

918. **Кисилевъ** Лука (протоіерей) Вымирающіе типы украинской деревни. (1884, № 3, 515—522).

919. **Кистяковскій** А. Ѳ. Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души черту. (1882, № 7, 180—186).

920. **Коліивщина** въ пѣсняхъ. (1882, № 9, 582—589).

921. **Коляды и щедривки.** (1887, № 1, 182—188).

922. **Колядка** и вирши. (1883, № 12, 713).

923. **Костомаровъ** Н. Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка? (1882, № 8, 362—368).

924. **Кошовикъ** К. Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. (1884, № 1, 169—171).

925. **Кравченко.** Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ. (1889, № 9, 772—774).

926. **Крашановскій** М. Пѣсенный отголосокъ давно минувшей уніи. (1884, № 1, 181—182).

927. **Кузьмичевскій** П. Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности. (1886, № 2, 3, 210—236, 444—466).

928. **Кузьмичевскій** П. Малорусскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ. (1887, № 3, 4, 412—438, 626—648).

929. **Кузьмичевскій** П. Шолудивый Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ. (1887, № 8, 10, 676—713, 233—271).

930. **L.** О. По поводу «турецкихъ анекдотовъ въ украинской народной словесности. (1886, № 10, 388—391).

931. **Лебединецъ** Г. С. Еще пѣсня о попадьѣ, не взлюбившей бороды. (1884, № 6, 356—358).

932. **Левитскій** Н. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. (1890, № 1, 126—127).

933. **Левицкій** И. Украинскіе юмористы и шутники. (Этнографическій очеркъ. (1890, № 9, 10, 11, 12, 373—389, 74—93, 233—250, 448—470,

934. **Легенда** о Палiѣ. (1888, № 5, 47—49).

935. **Литвинова** П. Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ. (1885, № 6, 354—356).

936. **Литвинова** П. Какъ земляницы потеряли свою «вольницу». (1886, № 6, 381—384).

937. **М. А.** Какъ началось знакомство Великоруссовъ съ пѣснями малороссійскими. (1886, № 8, 761—763).

938. **М. В.** Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ, полтавской губ. (1890, № 7, 8 и 9 (Приложеніе), 129—192).

939. **М—ра** И. Къ «повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ». (1890, № 4, 161—162).

940. **М—ра** И. Къ статьямъ проф. Н. Ѳ. Сумцова «Культурныя переживанія». Къ вопросу о кумовствѣ. (1890, № 1, 124—126).

941. **М—ра** И. Къ повѣрьямъ о «богатыряхъ». (1891, № 8, 325—326).

942. **Маковскій** Е. Изъ разсказовъ о Кармелюкѣ. (1884, № 4, 698—701).

943. **Маковскій** Е. Загадочное преданіе, (1884, № 5, 170—172).

944. **Малорусскіе** домашніе лѣчебники XVIII ст. (1890, № 1, 2, 3, 1—32, 33—48, 49—59).

945. **Манжура** И. Запорожское расхищеніе. (Двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли). (1882, № 2, 435—436).

946. **Манжура** И. Легенда и 3 пѣсни о Семенѣ Палiѣ. (1882, № 3, 611—615).

947. **Манжура** И. Панщина въ пѣсняхъ и молитвѣ. (1882, № 5, 357—363).

948. **Манжура** И. Украинская гетера. № 1, 217—218

949. **Манжура** И. Талавиря. (Пастушеская пѣсня). (1883, № 4, 907—908).

950. **Манжура** И. «Приказка о нюхаряхъ. (1888. № 5, 53—55).

951. **Манжура** И. О богатыряхъ. (1888, № 8, 50—53).

952. **Манжура** И. Рождественская «вечеря». (1889, № 1, 236).

953. **Манжура** И. Легенда «о Петровомъ батогѣ». (1889, № 9, 763—765).

954. **Манжура** И. Полозъ (Къ статьѣ Н. Ѳ. Сумцова «культурныя переживанія». К. С. 1890, № 5). (1890, № 10, 151—152).

955. **Манжура** И. Крещенскія скачки въ екатеринославской губ. (1891, № 9, 486—489).

956. **Маркевичъ** А. Историческое средство противъ конокрадства. (1884, № 7, 546—547)

957. **Маркевичъ** А. Загадочная пѣсня, (1884, №. 7, 554).

958. **Маркевичъ** А. Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи. (1884, № 9, 177—180).

959. **Марковичъ** В. Знахарки новаго типа. (1891, № 12, 413—429).

960. **Мартыновичъ** Порфирій. Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ, запорожьѣ и черноморьѣ. (1885, № 11, 535—543).

961. **Мацѣевичъ** Л. Поляки и Русины. (Къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). (1882, № 2, 301—312).

962. **Миронъ**. «Воянцка писня». (1888, № 12, 143—146—148).

963. **Миронъ**. Замѣчательныя колядки. (1889, № 1, 231—233).

964. **Миронъ**. Пѣснь о свѣтѣ. (1889, № 3, 741—742—744).

965. **Миронъ**. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. (1890, № 4, 101—120).

966. **Миронъ**. Мистерія страстей Христовыхъ. (1891. № 4, 131—136—154).

967. **Миронъ**. Къ объясненію одной колядки. (1891, № 12, 476).

968. **Морозъ Д.** Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни. (Современная рукопись). (1883, № 1, 203—207).

969. **N.** Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства. (1882, № 9, 10, 457—485, 39—65).

970. **N.** Подляская злополучница. (1883, № 4, 905—907).

971. **Н.** Р. Л. Къ разсказамъ о Шелудивомъ Бунякѣ. (1891, № 8, 299—304).

972. **Народный** разсказъ «про щастье». 1889, № 4, 196—199).

973. **Народное** преданіе о взятіи Бендеръ. (1887, № 11, 584—585).

974. **Нейманъ** Ц. Еще объ украинской злополучницѣ. (1883, № 5, 187—189).

975. **Нейманъ** Ц. Куплетныя формы народной южно-русской пѣсни. (1883, № 8, 599—644).

976. **Нейманъ** Ц. Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка. (Изъ собранія рукописей Т. В. Кибальчича). (1884, № 5, 153—158.

977. **Николайчикъ** Ѳ. Новыя свадебныя малорусскія пѣсни въ общемъ ходѣ свалебнаго дѣйствія. (1883, № 2, 366—400).

978. **Николайчикъ** Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка (къ статьѣ Валеріана Боржковскаго: «Лирники». Кіев. Ст., 1889 года, сентябрь). (1890, № 4, 121—130).

979. **Новицкій** И. Еще по поводу народной пѣсни: о взятіи Торческа, или же Азова? (1882, № 9, 412—435).

980. **Новицкій** И. Малорусская пѣсня по Латыни. (1885, № 7, 516—517).

981. **Новицкій** И. Украинскій варіантъ пѣсни «про ягничку». (1885, № 8, 743—745).

982. **Новицкій** И. 2 слова о панѣ Каневскомъ. (По поводу статьи «2 старыя украинскія пѣсни». К. Старина» 1885 г. октябрь). (1885, № 11, 554—556).

983. **Новицкій** Я. Изъ народныхъ преданій о запорожцахъ. (1885, № 10, 350—353).

984. **Notus.** Пѣсня о панщинѣ. (1883, № 11, 520—522).

985. **Носъ** (фонъ) С. «Покрытка». (1882, № 427—429).

986. **О.** Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. (1885, № 5, 172—173).

987 **О.** В. Изъ области народныхъ повѣрій. (1883, № 8, 774).

988. **Одинъ** изъ предметовъ стариннаго малороссійскаго щегольства. (1891, № 9, 484—486).

989. **Ом—скій** Александръ. Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ. (1883, № 11, 513—515).

990. **Ом—скій** Александръ. «Гнѣдко», варіантъ Кармелюка. (1883, № 6, 393).

991. **Олтаржевскій Юрій.** Воспоминанія старожила о Кармелюкѣ. (1886, № 6, 371—378).

992. **Олтаржевскій Юрій.** Изъ народныхъ вѣрованій. (Разсказъ, записанный въ Кіевѣ). (1887, № 5, 195—197).

993. **Орловъ** И. Нѣкоторыя мелочи изъ народныхъ преданій. (1884, № 6, 355—356).

994. **П.** Л. Актъ «побратимства» въ церковной метрикѣ. (1887, № 10, 383—384).

995. **П.** Л. Нѣсколько чертъ быта днѣпровскихъ лоцмановъ. (1889, № 8, 515—523).

996. **П.** О. Замѣчательный праздникъ въ г. Холмѣ. (1886, № 11, 561—567).

997. **П—скій** Борисъ. Воронежскіе хохлы. (Изъ случайныхъ замѣтокъ, воспоминаній и наблюденій). 1885, № 4, 613—648).

998. **Пч.** О. Отживающая или

начальная форма «Вертепной драмы»? (1883, № 4, 903—905).

999. **Петровскій Д.** Къ малорусскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. (1888, № 4, 18—19).

1000. **Познанскій** Борисъ. 2 старыя украинскія пѣсни и по поводу ихъ. (1885, № 10, 220—242).

1001. **Пономаревъ** Иванъ. Запорожская пѣсня. (1887, № 6—7, 587—588).

1002. **Пономаревъ И.** Рекрутская пѣсня. (1887, № 12, 803—804).

1003. **Потебня** А. Малорусскіе домашніе лечебники XVIII в. (1890, № 1, 91—94).

1004. **Прибыльскій.** Черти въ продажѣ. (1885, № 6, 350—352).

1005. **Пѣсня** о Кармелюкѣ. (1887, № 11, 588—589).

1006. **Пѣсня** про Филиппа Орлика. (1882, № 11, 395—398.

1007. **Пѣсня** сахарно-заводская. (1889, № 8, 533—534).

1008. **Р—въ** А. Изъ народной характеристики цыганъ. (1886, № 1, 198—200).

1009. **Р.** С. Село Ивановка. (Опытъ этнографической характеристики малорусскаго поселенія въ Новороссіи). (1888, № 11, 51—68).

1010. **Рыльскій Ѳадей.** Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. (1888, № 11, 266—306, № 9, 10, 11, 341—372, 1—26, 125—232).

1011. **С.** Н. Къ исторіи пословицъ. (1887, № 8, 779—780).

1012. **С.** Н. Пѣсня на князя Доминика Заславскаго. (1885, № 9, 185).

1013. **С.** Н. Изображеніе галернаго раба XVI вѣка. (1891, № 3, 511—513).

1014. **Савичъ** А. Народные разсказы объ Осипѣ Михайловичѣ Гладкомъ. (1889, № 2, 485—487).

1015. **Савичъ** А. Замѣтка о малорусскихъ «семилѣтнихъ богатыряхъ или близнецахъ». (1889, № 3, 733—739).

1016. **Сказаніе** о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ. (1882, № 3, 530—537).

1017. **Смоктій** А. Взглядъ народа на Шевченка. (1882, № 8, 371—373).

1018. **Смоктій** А. Кармелюкъ. (1882, № 10, 183—189).

1019. **Смоктій.** А. Украинская Злополучница. (1883, № 1, 215—217).

1020. **Сорокинъ** Гавріилъ. Свадьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки александрійск. у. херсон. губ. (1890, № 9, 193—200).

1021. **Степовичъ** А. Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе лѣчебники 18 в.» (1890 г. кн. I). (1890, № 4, 155—159).

1022. **Стояновъ** А. Южно-Русская пѣсня о событіи XI вѣка (П. И. Ревякину на память). (1882, № 7, 81—96).

1023. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ исторіи Южно-Русскихъ свадебныхъ обычаевъ. (1883 г. 510—514).

1024. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Новый варіантъ думы «Алексѣй Поповичъ». (1885, № 1, 182—186—191).

1025. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Малорусскія фамильныя прозванія. (1885, № 2, 215—228.

1026. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. (1885, № 3, 417—436).

1027. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ. (1885, № 7, 417—430).

1028. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу. (1886, № 1, 17—40).

1029. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Научное

изученіе колядокъ и щедривокъ. (1886, № 2, 237—266).

1030. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Досвѣтки и посидѣлки. (1886, № 3, 421—444).

1031, **Сумцовъ** Н. Ѳ. Коломыйки. (1886, № 4, 635—658).

1032. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Малорусскія пьяницкія пѣсни. (1886, № 6, 267—292).

1033. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Мѣстныя названія въ Украинской народной словесности. (1886, № 10, 265—298).

1034. **Сумцовъ** Н. Къ исторіи малорусскихъ ремесленныхъ издѣлій. (1886, № 12, 746—747).

1035. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Туръ въ народной словесности. (1887, № 1, 65—90).

1036. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Культурныя переживанія. (1889, № 1—12, 403—423, 665—684, 124—140, 485—506, 28—46, 402—427, 631—652, 18—51, 281—327, 582—603; 1890, № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 60—90, 320—333, 84—100, 327—341, 478—493, 59—87, 49—73.

1037. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Писанки. (1891, № 5, 6, 181—209, 363—383).

1038. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Мертвая рука (къ § 116 «культурныхъ переживаній»). (1891, № 6, 482—483 .

1039. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Къ объясненію малорусскихъ гаданій. (1891, № 8, 314—316).

1040. **Сѣлецкій** Арсеній. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. (1886, № 6, 193—236).

1041. **Т. Д.** Изъ народныхъ устъ (одна пѣсня и два разсказа). (1884, № 5, 172—176).

1042. **Т—овъ.** М. Матеріалы и замѣтки объ Украинской народной словесности. Къ читателю—1. Пѣсня о взятіи Азова 2. Степанъ Разинъ—козакъ Герасимъ. (1882, № 11, стр. 229—249).

1043. **Т—овъ** М. Матеріалы и замѣтки объ Украинской народной словесности. 1883, № 12, 546—559).

1044. **Тарновскій** Александръ. Ребъ Лейбъ-Суресъ. (Изъ еврейскихъ легендъ). (1883, № 7, 473—491).

1045. **Тиховскій** Ювеналій. Двѣ мнимо-народныя пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ. (1889, № 5—6, 626—628—631).

1046. **Трутовскій** К. А. Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи. (1889, № 9, 585—596).

1047. **У.** О. К. Ф. Кобзарь Остапъ Вересай и его думы и пѣсни. (1882, № 8, 259). (При статьѣ рисунокъ бандуры).

1048. **У Гуцуловъ.** (1889, № 9, 765—770).

1049. **Употребленіе** табаку по народнымъ повѣрьямъ. 1888, № 4, 20—22).

1050. **Ц.** К. Панская блажь, хлопская напасть, а чиновничья пожива. (1884, № 8, 742—747).

1051. **Ц.** Х. Задунайскія народныя преданія. I. Про Палія та Мазепу. II. Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину. (1882, № 9, 579—582).

1052. **Цыбульскій** К. Всенародное купанье вѣдьмъ въ озерѣ и судебная отъ того волокита. (1885, № 11, 566—570).

1053. **Чернышевъ** Н. Опытъ истолкованія обычая «Понедилкуванья». 1887, № 4, 763, 771).

1054. **Чернышевъ** Н. Къ вопросу о «парубоцтвѣ», какъ особой общественной группѣ. (1887, № 11, 491—505).

1055. **Ш.** Я. Убійство упыря въ кіевщинѣ во время чумы 1770 года. 1890, № 2, 338—340).

1056. **Шафарукъ** И. А. Волын-

ская бывальщина. (1885, № 2, 385—391).

1057. **Шейнъ** П. В. Приглашеніе къ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества (1888 № 4, 32—36).

1058. **Шиманскій** Ц. Поправка къ розсказу о Бондаренкѣ. 1882, № 11, 393—395).

1059. **Щербина** Ф. Наговоры отъ болѣзней у черноморцевъ. (1883, № 7, 586—588).

1060, Я. В. Народное преданіе о Саввѣ Чаломъ. (1887 № 9, 194).

1061. **Ястребовъ** В. Пѣсня о сербѣ. (1884, № 12, 757—758).

1062. **Ястребовъ** В. Гайдамацкая пѣсня. (1885, № 12, 766).

1063. **Ястребовъ** В. Гайдамацкій, бандуристъ. 1886, № 10, 379—388).

1064. **Ящуржинскій**. Малорусскія причитанія надъ умершими. (1888, № 1—3, 11—16).

1065. **Ящуржинскій**, Х. Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября). (1888, № 11, 77—81).

1066. **Ящуржинскій** Х. Бѣлорусскія колядки. (1889, № 2, 477—485).

1067. **Ящуржинскій** Х. Приношенія въ церковь и дары служителямъ церкви. (1889, № 4, 184—186).

1068. **Ящуржинскій** Х. Весенніе хороводы, игры и пѣсни. (1889, № 5 и 6, 621—626).

1069. **Ящуржинскій** Х. Народный праздникъ св. мучениковъ Маккавеевъ. 1889, № 8, 524—527).

1070. **Ящуржинскій** Х. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи. (1890, № 1, 130—132).

1071. **Ящуржинскій** Х. Замѣтка о купальскомъ празднествѣ въ уманскомъ уѣздѣ. (1890, № 11, 326—331).

1072. **Ящуржинскій** Х. Колядки. (1890 № 12, 517—521).

1073. **Ящуржинскій** Х. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. (1891, № 3—4, 445—462, 28—96).

V. Біографическіе матеріалы.

(Біографіи, характеристики, некрологи, воспоминанія о лицахъ, письма).

1074. **Аксаковъ** С. Т. Письма къ Максимовичу С. Пономарева. (1883, № 4, 829—852).

1075. **Анатолій** архіепископъ могилевскій и мстиславскій. Воспоминаніе о немъ д-ра мед. Н. Пирожкова. (1883, № 7, 573—578).

1076. **Аскоченскій** В. И. Современный отзывъ кіевлянъ о немъ. (1883, № 6, 396—398).

1077. **Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1743 — 1808)**, малороссійскій военный генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ прокуроръ. Проф. В. С. Иконникова. (1890, № 2, 255—304).

1078. **Бибиковъ** Д. Г. Къ характеристикѣ его (б. генералъ губернаторъ юго-западнаго края 1838—1852). (1882, № 7, 61—80).

1079. **Богдановичъ** И. Ѳ. Па-

мятникъ его въ Курскѣ. (1890, № 7, 129—132).

1080. **Богдановичъ** П. И. (типографщикъ и переводчикъ). Дѣло о немъ. Ник. Сторожевскаго. (1891, № 11, 308—312)).

1081. **Боровиковскій** Владиміръ Лукичъ. Краткія свѣдѣнія къ біографіи его. Ив. Боровиковскаго. (1884, № 9, 155—162).

1082. **Боровиковскій** В. Л. Художникъ 1758 (?)—1825 г. (1884, № 4, 701—708).

1083. **Боровиковскій** В. Л. Къ біографіи его И. Н. Божерянова. (1884, № 6, 327—332).

1084. Еще о **Боровиковскомъ** В. Горленка. (1884, № 7, 538—541).

1085. **Вагилевичъ** Иванъ Николаевичъ. (Судьба одного Галицко-Русскаго ученаго) Я. Г. (1883, № 7, 453—472).

1086. **Вакуленко** Семенъ, сотникъ Пирятинскій (1696—1720 г.). Н. В. Стороженка. (1891, № 1, 119—153).

1087. **Васильчиковъ** Александръ Алексѣевичъ. Г. (1890, № 7, 134—135).

1088. **Вересай** Остапъ. Некрологъ его. (1890, № 7, 132—134).

1089. **Гавриловъ** Александръ Ипполитовичъ. П. М. (1889, № 1, 246—247).

1090. **Галаганъ** Г. П. 15 авг. 1819 г.—25 сент. 1888 г. (Некрологъ съ портретомъ). Ѳ. Мищенка. (1888, № 12, 1—22).

1091. **Гаркуша** Симеонъ (1772—1784 г.). К. Кошовика. (1883, № 3, 528—554).

1092. **Гатцукъ** Алексѣй Алексѣевичъ (Некрологъ). В. Н—ка. (1891, № 12, 468—469).

1093. **Глоба**, послѣдній писарь войска запорожскаго. П. Ефименка. (1882, № 8, 368—371).

1094. **Гловачевскій** Кириллъ Ивановичъ, художникъ. (Біографическій очеркъ). И. Божерянова. (1885, № 2, 308—317).

1095. **Гоголь**. Письма его къ В. В. Тарновскому (1833—1834). С. Пономаревъ. (1883, № 3, 623—629).

1096. **Гоголь** Н. В. Нѣжинскій журналъ его. С. Пономарева. (1884, № 5, 143—146).

1097. **Гоголь** Н. В. Воспоминанія г-жи Смирновой о немъ. В. Г—ко. (1886, № 2, 381—387).

1098. **Головатый** Иванъ, бывшій судья запорожскій. Свѣдѣніе о немъ. А. С. Лашкевича. (1887, № 6—7, 586—587).

1099. **Гриценко**, французскій поэтъ. В. Г. (1891, № 6, 486—488).

1100. **Гулакъ-Артемовскій** П. П. Изъ воспоминаній о немъ. А. Ш. (1889, № 2, 499—503).

1101. **Данилевскій** Г. П. (Некрологъ). (1891, № 1, 184).

1102. **Денъ**, бывшій курскій губернаторъ. П. В. Дворжецкій-Богдановичъ. (1889, № 7, 275—280).

1103. **Димитрій** Высокопреосвященнѣйшій, (Муретовъ, архіепископъ Херсонскій). Ѳ. Л—ва. (1883, № 12, 704—713).

1104. **Димитрій Ростовскій**. Свят. Мнимо-найденный дневникъ его (по поводу газетныхъ извѣстій). С. І. К—ча. (1882, № 9, 571—575).

1105. **Добрашевичъ** Софроній, архимандритъ новой Сербіи. Архимандрита Арсенія. (1884, № 10, 276—304).

1106. **Думитрашко** Константинъ Даниловичъ. (Некрологъ) Ѳ. Лободы. (1886, № 5, 188—191).

1107. **Желеховскій** Евгеній (Некрологъ). (1885, № 3, 594—596).

1108. **Желѣзнякъ**. Нѣсколько данныхъ о судьбѣ его послѣ ареста

въ Умани. В. А. (1882, № 12, 264—568).

1109. **Желѣзнякъ**. (Псевдо). А. Л. (1889, № 1, 221—222).

1110. **Забѣла** Иванъ Петровичъ, знатный войск. товарищъ (1665—1703). (Отрывки изъ семейнаго архива). Ал. Лазаревскій. (1883, № 7, 506—538).

1111. **Забѣла** В. Н. Къ біографіи его. М. Комарова. (1886, № 9, 171—176).

1112. **Иванишевъ** Н. Д. Изъ воспоминаній о немъ. Ѳ. Лободы. (1887, № 12, 788—794).

1113. **Искра** (Полковникъ, казненный Мазепой). Судьба наслѣдства его. А. Лазаревскій. (1883, № 11, 519—520).

1114. **Каминскій** Ѳ. И. (Некрологъ). (1891, № 5, 313—314).

1115. **Карповъ** Г. Ѳ. (Некрологъ). (1890, № 6, 552—553).

1116. **Качала** Стефанъ. (Некрологъ). К. Х. (1889, № 2,503—506).

1117. **Квитка** Г. Ѳ. Три письма его къ М. А. Максимовичу. (1883, № 6, 346—352).

1118. **Квитка** Илья Ивановичъ, неизвѣстный писатель конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. Н. Шугурова. (1890, № 3, 444—453).

1119. **Киркоръ** А.—Г. К., ученый изслѣдователь Литвы и Бѣлоруссіи. (Некрологъ). Н. Янчука. (1887, № 6—7, 539—555).

1120. **Кисель** Адамъ, воевода кіевскій. 1580(?)—1653 г. (Историко-біографичес. очеркъ). (1885, №№ 9, 10, 11, 12, 51—72, 204—219, 408—430, 612—638).

1121. **Кисель** Адамъ. Дополненіе къ біографіи его. (1886, № 4, 826—831).

1122. **Кистяковскій** А. Ѳ. (Некрологъ). И. Лучицкаго, (1885, № 2, 406—415).

1123. **Кистяковскій** А. Ѳ. Очеркъ научной дѣятельности его., Л. Бѣлогрицъ-Котляревскаго. (1885, № 6, 238—254).

1124. **Коперницкій** Исидоръ Станиславовичъ. (Некрологъ). В. А. (1891, № 12, 462—465).

1125. **Корсунъ** Александръ Алексѣевичъ (Некрологъ). В. П. Науменка. (1891, № 12, 450—461).

1126. **Костомаровъ** Н. И. Краткій біографическій очеркъ. (1885, № 5, I—IX).

1127. **Костомаровъ** Н. И., какъ историкъ. В. Б. Антоновича. (1885, № 5, XXVII—XXXIV).

1128. **Костомаровъ** Н. И., какъ этнографъ. В. П. Науменка. (1885, № 5, XXXV—XLIV).

1129. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминаніе о послѣднихъ годахъ жизни его. В. Беренштама. (1885, № 6, 219—237).

1130. **Костомаровъ** Н. И. Нѣсколько встрѣчъ съ нимъ. А. Кулиша. (1885, № 6, 255—262).

1131. **Костомаровъ** Н. И. Случай изъ жизни его N. (1885, № 6, 352—353).

1132. **Костомаровъ** Н. И. Двѣ поѣздки съ нимъ. В. Горленка. (1886, № 1, 111—123).

1133. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминаніе о немъ. Екатерины Юнге. (1890, № 1, 22—34).

1134. **Костомаровъ** Н. И. О затерянной рукописи его. (См. отвѣтъ на эту замѣтку Кіев. Стар. 1891, № 3, 543—544). (1891, № 2, 316—317).

1135. **Костомаровъ** Н. И. Воспоминанія о немъ. (Письмо въ редакцію). Д. К. М. (1891, № 7, 75—84).

1136. **Костомаровъ** Н. И. Письмо его. А. Лазаревскаго. (1891, № 9, 478—479).

1137. **Котляревскій** А. А. Воспоминанія о немъ. Алексѣя Веселовскаго. (1888, № 9, 395—414).

1138. **Котляревскій** И. П. Изъ бумагъ его. (Письма къ нему). В. Горленка. (1883, № 5, 146—154).

1139. **Котляревскій** П. И. Нѣсколько словъ о домикѣ его въ Полтавѣ. В. Е. Бучневичъ. (1884, № 10, 352—353).

1140. **Котляревскій** И. П. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти его. В. П. Науменка. (1888, № 11, 374—394).

1141. **Котляревскій** И. П. Остатки домика его въ Полтавѣ. Р. (1891, № 6, 485—486).

1142. **Крашевскій** Іосифъ—Игнатій. W. (1887, № 4, 799—802).

1143. **Крюковскій**. Кобзарь (некрологъ). В. Г. (1885, № 8, 740—743).

1144. **Кулишъ** П. А. и его послѣдняя литературная дѣятельность. Н. И Костомарова. (1883, № 2, 221—234).

1145. **Куцкевичъ** Иванъ. (козацкій гетманъ). Къ свѣдѣніямъ о немъ А. С—ка. (1883, № 6, 379—381).

1146. **Лашкевичъ** Александръ Степановичъ. (Некрологъ). (Съ портретомъ). (1889, № 12, 485—494).

1147 **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Къ литературной его дѣятельности. (1888, № 4, 28—31).

1148. **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Къ редакторской его дѣятельности. (Изъ письма въ редакцію) В. Г. (1888, № 5, 65—66).

1149. **Лебединцевъ** Ѳ. Г. Памяти его. Н. Ѳ. Сумцова. (1889, № 3, I—VI).

1150. **Левицкій** Николай Ѳеодосіевичъ. Некрологъ. (Памяти одного педагога) И. Каманина. (1885, № 6, 357—363).

1151. **Леонидъ** Архимандритъ. (Некрологъ). Н. Сумцова. (1891, № 12, 466—467).

1152. **Лукашевичъ** Платонъ Акимовичъ. W. (1889, № 1, 245—246).

1153 **Мазепа**. Молдавскія свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія и могилѣ его. В. А. (1885, № 7, 501—505).

1154. **Мазепа** Къ родословной его. (1886, № 12, 757—759).

1155. **Мазепа**. На комъ былъ женатъ онъ. А. Л. (1888, № 5, 43—45).

1156. **Мазепа**—князь и его шляхетскій и княжескій гербы. (Съ рисункомъ). Князя А. В. Дабижи. (1885, № 12, 715—718).

1157. **Максимовичъ** М. А. Альбомъ его. С. Пономарева. (1882, № 1, 152—173).

1158. **Максимовичъ**. Изъ писемъ его къ Шевченку. Сообщ. С. Пономаревъ. (1884, № 4, 644—648.

1159. **Маркевичъ** Болеславъ Михайловичъ въ роли сельскаго педагога. Б. Д—ра. (1884, № 12, 751—757).

1160. **Марченко** Анастасія Яковлевна. (Т. Ч. или А. Тембризовъ). (1830—1880). Очеркъ. Е. Некрасовой. (1889, № 11, 392—422).

1161. **Мизко** Н. Д. (Некрологъ). П. Ефименка. (1882, № 12, 593—598).

1162. **Михневичъ** Іосифъ Григорьевичъ. (Некрологъ). (1885, № 12, 757—765).

1163. **Могила** Петръ, Кіевскій митрополъ (біографическій очеркъ). Ф. Терновскаго. (1882, № 4, 1—24).

1164. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. (Некрологъ). (1890, № 8, 329).

1165. **Новицкій** Иванъ Петровичъ. Памяти его. И. Каманина. (1890, № 9, 486—491).

1166. **Новицкій** Илья Ѳедоровичъ. Охочекомонный полковникъ. Н. Стороженка. (1885, № 7, 431—457).

1167. **Новицкій** Орестъ Марковичъ. (Некрологъ). (1884, № 7, 547—554).

1168. **Орѣховскій** Станиславъ. Н. Ѳ. Сумцова. (1888, № 11, 215—234).

1169. **Острожскій** Василій—Константинъ Константиновичъ, князь. О днѣ смерти его. В. Балабушевича. (1882, № 10, 175—177).

1170. **Палій** Семенъ. Мѣсторожденіе его. Ст. фонъ-Носъ. (1882, № 3, 609—611).

1171. **Перовскій** Алексѣй Алексѣевичъ. (Съ портретомъ). В. Горленка. 1888, № 4, 109—124). (См. также замѣтку въ 1890, № 11, 336).

1172. **Перовскій** А. Три лекціи его. В. Г. (1888, № 9, 76—77).

1173. **Поповичъ** Иванъ. Паволоцкій полковникъ. В. Лясковронскаго. (1889, № 5 и 6, 570—577).

1174. **Потебня** А. А. По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности. Н. С. (1887, № 6 и 7, 567—572).

1175. **Потемкинъ** князь и малорусскія пѣсни. А. Л. (1891, № 12, 482—484).

1176. **Прокоповичъ** Ѳеофанъ. Интимная переписка его съ Яковомъ Маркевичемъ. Н. Петрова. (1882, № 6, 498—508).

1177. **Сендульскій** отецъ Аполлоній, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда. (Некрологъ). А. Тарновскаго. (1882, № 10, 166—170).

1178. **Сенютовичъ** Т. М. Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. А. Л. (1889, № 1, 223—224).

1179. **Серапіонъ** митрополитъ кіевскій. Ф. А. Терновскаго. (1883, № 9 и 10, 88—134).

1180. **Симашко** Іосифъ (митрополитъ). Изъ письма, писаннаго вскорѣ послѣ его смерти. Протоіерея Александра Мацкевича. (1884, № 6, 332—340).

1181. **Сковорода**, житіе его, описанное другомъ его, М. И. Ковалѣнскимъ. (Съ предисловіемъ Н. Сумцова). (1886, № 9, 103—150).

1182. **Ставровскій** Алексѣй Ивановичъ. (Некрологъ). (1882, № 12, 626).

1183. **Стороженко** Алексѣй Петровичъ. 2 эпизода изъ слѣдовательской дѣятельности его. Н. Стороженка. (1884, № 12, 723—730).

1184. **Стороженко** Алексѣй Петровичъ. На могилѣ его. (Корреспонденція «Кіевской Старины»). С—ка. (1885, № 8, 729—732).

1185. **Стороженко** А. П. Нѣсколько мелочей изъ жизни его. Н. В. (1886, № 5, 178—181).

1186. **Тепловъ** Г. Н. Къ біографіи его. Александра Барсукова. (1887, № 1, 169—172).

1187. **Тепловъ** Г. Н. Справка о немъ. В. Г. (1887, № 2, 372—377).

1188. **Тепловъ**. Г. Н. Къ біографіи его. И. Каманина. 1888, № 11, 84—96).

1189. **Терновскій** Филиппъ Алексѣевичъ (Некрологъ). 1884, № 6, 48).

1190. **Тетеря** Павелъ. Замѣтка о немъ П. Шафранова. (1890. № 7, 128—129).

1191. **Тимковскій** Илья Ѳедоровичъ, педагогъ прошлаго времени. Н. В. Шугурова. (1891, № 8—10, 212—236, 375—406, 82—97).

1192. **Тимковскій** И. Ѳ., М. А. Максимовичъ и П. А. Антоновичъ. Памяти ихъ. В. П. Науменка. (1891, № 10, 133—136).

1193. **Трутовскій** К. А. и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта. Н. Шугурова. (1889, № 5 и 6, 609—618).

1194. **Туптало** Савва. Докумен-

тальныя свѣдѣнія о немъ и его роднѣ. А. Лазаревскаго. (1882, № 8, 382—384).

1195. **Ухачъ-Охоровичъ** Константинъ Францовичъ. (Изъ письма въ редакцію). М. Комарова, 1886, № 5, 186—187).

1196. **Фальковскій** Иринеи, коадъюторъ кіевскій. Г. Булашева. (1883, № 1, 5, 8, 89—120, 66—96, 664—718).

1197. **Фальковскій** Иринеи. Во что обошлась опись, библіотеки его послѣ его смерти. А. Титова. (1883, № 8, 767—769).

1198. **Фальковскій** Иринеи, Еще нѣсколько словъ объ имуществѣ его. А. Титова. (1884, № 12, 740—743).

1199. **Филаретъ**. Памяти его. (Архіепископъ черниговскій). И. Каргопольцевъ. (1886, № 4, 831—836).

1200. **Хмельницкій** Б. Пасѣка его. О. Левицкаго. (1882, № 7, 174—177).

1201. **Хмельницкій** Б. Позднѣйшая память о немъ въ с. Субботовѣ. А. Л. (1891, № 4, 164—165).

1202. **Чернышевъ** Н. Н. (Некрологъ). Ѳ. М. (1888, № 5, 60—65).

1203. **Чернякъ** Иванъ. Полтавскій полковникъ. А. Востокова. (1889, № 10, 1—17).

1204. **Чубинскій** Павелъ Платоновичъ (род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1884 г.). А. Ѳ. Кистяковскаго. (1884, № 2, 343—349).

1205. **Цыцура** Тимофей. Къ біографіи его. Сообщ. Н. О. (1889, № 9, 770—772).

1206. **Шевченко** Т. Г. Исключеніе его за самовольную отлучку. Сообщ. И. Н. (1882, № 3, 608—609).

1207. **Шевченко** Т. Г. (Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи). П. Л—ва. (1882, № 9, 560—567).

1208. **Шевченко** Т. Г. по воспоминаніямъ разныхъ лицъ. (1831—1861 г.). Н. Бѣлозерскаго. (1882, № 10, 66—77).

1209. **Шевченко**. Т. Г. Эпизодъ о памятникѣ ему и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи. В. Г—ка. (1883, № 1, 218—220).

1210. **Шевченко** Т. Г. Письма его къ Бр. Залескому. (1853—1857). Сообщ. М. Т—овъ. (1883, № 1, 3, 4, 161—176, 611—622, 853—866).

1211. **Шевченко** Т. Г. Восемь писемъ его. Сообщ. С. Пономаревъ. (1883, № 2, 401—408).

1212. **Шевченко** Т. Г. Воспоминаніе о немъ. А. Смоктія. (1883, № 9, и 10, 320—322).

1213. **Шевченко** Т. Г. Эпизодъ изъ авторско-издательской его дѣятельности. (1884, № 12, 743,—744).

1214. **Шевченко** Т. Г. Воспоминаніе о немъ его случайнаго ученика. Б. Суханова-Подколзина. (1885, № 2, 229—240).

1215. **Шевченко** Т. Г. Къ біографіи его. (1885, № 2, 333—338).

1216. **Шевченко** Т. Г. Эпизодъ изъ жизни его. С—ка. (1885, № 12, 718—720).

1217. **Шевченко** Т. Г. Альбомы и рисунки его въ собраніи В. В. Тарновскаго. В. Горленка (1886, № 2. 402—409).

1218. **Шевченко** Т. Г. Тревога надъ свѣжей могилой его И. Билыка. (1886, № 4, 708—728).

1219. **Шевченко**. Т. Г. Коротенькое воспоминаніе о немъ. Н. М. Кибальчичъ. 1887, № 3, 585—586).

1220. **Шевченко**. Т. Г. Знакомство мое съ нимъ и мои объ немъ воспоминанія. Ѳ. Лободы. (1887, № 11, 563—577).

1221. **Шевченко** Т. Г. Первые 4 года ссылки. Н. И. Стороженка. (1888, № 10, 1—21).

1222. **Шевченко**. Т. Г. Воспоминанія Н. И. Усковой о немъ. Съ приложеніями М. К. Чалаго. Н. Зарянко. (1889, № 2, 297,—313).

1223. **Шевченко** Т. Г. Посѣщеніе имъ сахарнаго завода Яхненка и Симиренка. М. Чалаго. 1889, № 2, 459—464).

1224. **Шевченко** Т. Г. Къ біографіи его. Н. Д. Н. (1889, № 3, 730—733). (См. также замѣтку. А. С. Л. 1889 г. № 4, 190—193).

1225. **Шевченко** Т. Г. По поводу одного стихотворенія, приписываемаго его перу. М. Комарова. (1889, № 5 и 6, 618—621).

1226. **Шевченко** Т. Г. (Поѣздка въ Кириловку). Замѣтка къ біографіи его. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ. 1889, № 9, 758—763).

1227. **Шевченко**. Т. Г. Къ біографіи его. И—й. (1890, № 2, 334—335—337).

1228. **Шевченко** Т. Г. Воспоминанія о немъ. (Изъ разсказовъ моей матери). Над. М. Кибальчичъ. (1890, № 2, 175—184).

1229. **Шевченко** Т. Г. Новое свѣдѣніе о пребываніи его въ рапмскомъ укрѣпленіи. (1891, № 2' 334—335).

1230. **Шевченко** Т. Г. Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи его. Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. (1891, № 2, 315—316).

1231. **Шевченко** Т. Г. Два письма его. (1840—1847 г.) (1891, № 2, 209—214).

1232. **Шевченко** Т. Г. Автобіографія его. писанная для «Народнаго чтенія». (Съ краткимъ предисл. П.Кулиша). (1885, № 11, 431—435).

1233. **Шереметева** П. И. Приданое ея. А. Востокова. (1888, № 8, 39—45—46).

1234. **Шумлянскій** Іосифъ, послѣдній православный епископъ Львовскій и его «метрика». Мирона. (1891, № 6, 7, 337 — 362, 1—21).

1235. **Щепкинъ** Михаилъ Семеновичъ, какъ артистъ и человѣкъ. (Съ портретомъ). Владиміра Ермилова. (1889, № 5, 6, 548—569).

1236. **Юзефовичъ** М. В. Некрологъ. (1889, № 7, 291).

VI. Портреты, рисунки и статьи о нихъ.

1237. **Анна Ярославна** (портретъ и статья). (1884, № 7, 555—560).

1238. **Безбородко** Андрей. Генеральный писарь. р. 1711+1780 (портр. и статья). А. Л. (1890, № 1, 135—140.

1239. **Боровиковскій**. Еще объ одномъ портретѣ кисти его. В. Чеважевскаго (статья). (1884, № 11, 544—545).

1240. **Бороховичъ** Михайло, Гадяцкій полковникъ, 1687—1704 (портретъ и статья)- А. Л. (1890, № 3, 547—551).

1241. **Бортнянскій** Д. С. (портретъ и статья. И. Божерянова (1885, № 7, 524—530).

1242. **Васильковкій** С. И. По поводу картины его. Д. Эварницкаго (статья). (1886, № 1, 184—187).

1243. **Вишневецкая** княгиня. Раина Могилянка, (портретъ и статья). (1887, № 11, I—X).

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLI.

1893 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1893.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Окончаніе слѣдуетъ)*	357—383
II.	«ЗАМЧИСЬКО». (Разсказъ). **Ѳ. Кудринскаго**	384—397
III.	ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОЛТАВСКАГО ПОМѢЩИКА. (1834 — 35 гг.)	398—427
IV.	БЕРДИЧЕВСКАЯ ЯРМАРКА. (Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году). **О. Л**	428—458
V.	ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ. **Р. Л. Н.**	459—473
VI.	ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	474—490
VII.	ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. (1750—1784 г.). *(Продолженіе)*	491—506
VIII.	В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ. (Некрологъ)	507—508
IX.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Страничка изъ моихъ воспоминаній. **Степана Носа.** б) Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Сообщилъ **В. Щербина.** в) Имя автора «Героичныхъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ». **Ю. Тиховскаго.** г) Преданіе о борцахъ. **Ив. М—ра.** д) Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. **А. А.** е) Замѣтка о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. **Гулака-Артемовскаго.** ж) Народное преданіе о болотѣ «Замглай». **Іосифа Ж—аго.** з) Вирша объ освобожденіи крестьянъ. **В. Я.** и) Отчетъ о пожертвованіи на премію имени А. А. Потебни	509—530
X.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ I 2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. П. Горленка. («Трудъ» — приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи 1893 г. № 4). **И. Ш—ва.** и) Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г.	531—536
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 81—96).	
	2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе.	49—64

Дозволено цензур. Кіевъ, 29-го мая 1893 г.